МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Иркутский государственный университет имени А.А.Жданова

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Выпуск 2

Иркутск
1974

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета имени А.А.Жданова

Ответственный редактор Г.И.Медведев

Ответственный за выпуск И.Л.Лехненко

П Р Е Д И С Л О В И Е

Второй выпуск тематического сборника серии "Древняя история народов юга Восточной Сибири" составляют статьи по археологии как самого восточного сибирского региона, так и смежных территорий (северо-восток Азии, Монголия), связанные органически единством проблематики древней истории, которая требует постоянной межрегиональной корреляции результатов исследуемых объектов.

Сборник открывается статьей В.В.Свинина (г.Иркутск) "Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал", в которой в сжатом виде излагаются итоги изучения социально-экономического развития древнего населения берегов Байкала от мезолита до раннего средневековья (УП-ХП вв. н.э.). В таком широком диапазоне археологические материалы с побережья Байкала используются впервые, но, поскольку эти материалы еще во многом фрагментарны, намечаемая автором схема развития и взаимодействия древних культур на Байкале является предварительной и будет уточняться в процессе дальнейших исследований. В настоящем виде статья может рассматриваться в качестве постановки проблемы.

В совместной статье Э.А.Мочанова и С.А.Федосеевой (г.Якутск) "Основы корреляции и синхронизации археологических памятников Северо-Восточной Азии" предлагается развернутая схема периодизации археологических комплексов Якутии, в основу которой положены стратиграфические наблюдения и серии радиоуглеродных дат, полученные в итоге многолетних исследований обширного круга объектов. Авторы считают правомерным распространение этой (можно сказать "южно-якутской") схемы периодизации древнейших культур на всю обшир-

ную зону северо-востока Азии, понимая под "распространением" не только хронологическую корреляцию отдельных памятников, но также идентификацию этапов культурно-исторического развития древних обществ данной территории от палеолита до эпохи раннего железа. Это первая схема подобного рода для северо-востока, и тем самым определяется интерес к ней археологов Северной Азии.

Цикл статей по археологии камня открывает статья В.А.Ранова (г.Душанбе) "Остатки стоянок каменного века у сомона Их-Тамир (Монголия) и некоторые вопросы изучения палеолита Центральной Азии". В ней содержится краткая сводка исследования палеолита Монголии совместной Советско-Монгольской экспедицией и приводится описание коллекций каменных изделий, найденных в районе сомона Их-Тамир. Сообщение о проведенных здесь разведочных работах привлекает внимание как новизной фактического материала, так и предлагаемой интерпретацией возраста явно разновременных, переотложенных комплексов каменных изделий и рассуждениями автора о длительном переживании мустьерской техники в палеолите Монголии.

Статья "Шишкино II", представленная М.П.Аксеновым и П.Е.Шмыгуном (г.Иркутск) содержит первую публикацию материала нового ранее неизвестного многослойного памятника в долине верхней Лены, нижний культурный горизонт которого авторы определяют раннемезолитическим временем с абсолютной датой около 12 000 лет от н.д. и считают возможным включить его в систему "макаровского" цикла позднепалеолитических-мезолитических памятников р.Лены.

Статья И.Л.Лежненко (г.Иркутск) "Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II" вводит в научный оборот материалы исследований новых верхнепалеолитических местонахождений, являющихся, по всей вероятности, материнской основой бадайских мезолитических комплексов верхнего Приангарья. Эти памятники дополняют существующую схему периодизации донеолитического прошлого верхнего Приангарья. Статья содержит попытку предварительной типологической классификации материала с использованием данных метрического анализа.

Публикации материалов недавно открытого и исследованного в западном Забайкалье мезолитического памятника Подлопатки посвящена статья М.В.Константинова и В.Ф.Немерова (г.Чита). Характер археологического материала и условия залегания культурных остатков

имеют много общего с другими мезолитическими памятниками Забайкалья, хотя полного совпадения в материалах нет. Анализ материала позволил авторам статьи сделать вывод, что подлопаткинский мезолит уходит корнями в слои куналейского палеолита.

Статья О.И.Горюновой (г.Иркутск) "Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II" содержит краткое описание нескольких уникальных изображений, найденных в погребениях большого могильника раннего бронзового века. Она как бы предваряет публикацию материалов всех 44 погребений, которую намечено осуществить в одном из следующих выпусков серии "Древняя история народов юга Восточной Сибири".

Цель статьи Н.Ф.Сергеевой (г.Иркутск) - выявление и характеристика возможной рудной базы Прибайкалья в эпоху бронзы. Автор широко использовала возможности геохимического анализа. К статье приложена карта рудопроявлений меди в южной части Сибирской платформы. Возможно, это значительно облегчит задачи археологов в тематическом поиске очагов древнего бронзолитейного производства.

Статья С.А.Федосеевой (г.Якутск) "Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии" обобщает наблюдения, сделанные при раскопках многослойных стоянок р.Алдана, открытых и обследованных Приленской археологической экспедицией Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР в 1964-1968 гг. Автором впервые для центральных районов Северо-Восточной Азии выделен чистый культурный комплекс эпохи бронзы, представляющий особую археологическую культуру, отмеченную бесспорными своеобразными чертами. Автор высказывает ряд интересных предположений о возможном генезисе Усть-Мильской культуры, имеющем в основе миграцию из южных районов Сибири.

Краткое сообщение Э.Л.Климашевского (г.Иркутск) открывает собой отдел древней истории ранее никак не представленный в археологии Прибайкалья - мобильные предметы магического культа - орнаментированные гальки. Ценность данного открытия сейчас трудно определить. Они не имеют стратаграфической привязки и не могут быть отнесены уверенно к какому-либо известному комплексу каменного века или палеометаллического времени, поскольку собраны на техногенного происхождения пляже Иркутского водохранилища

в районе истока р.Ангары. В любом случае публикация вводит в оборот абсолютно новый, уникальный материал, заставляющий вспомнить далекие западноевропейские и австралийские аналоги – удивительные памятники духовного мира охотников каменного века.

Завершает сборник краткая информация о пятилетних исследованиях (1970–1974 гг.) Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета на юге Восточной Сибири.

Выражаем признательность авторам, принявшим участие в составлении настоящего сборника и надеемся, что предлагаемые читателям материалы сборника вызовут интерес к кругу затронутых авторами проблем и будут способствовать их разрешению.

Г.И.Медведев, И.Л.Лежненко
Иркутск, май 1974 г.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

В.В.Свинин

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Археологическим памятникам Байкала посвящены многочисленные исследования, общий обзор которых дан в статье автора "К итогам археологических исследований на Байкале" (1971а). В этой статье автором предложена новая периодизация археологических памятников байкальского побережья. В настоящее время представляется возможным в результате многолетних исследований разнообразных и многочисленных памятников археологии в общих чертах восстановить основные этапы древней истории населения побережья оз.Байкал.

Донеолитический период

До сих пор остается открытым вопрос о первоначальном заселении побережья Байкала. Хотя археологические памятники эпохи палеолита известны как в Приангарье (Герасимов, 1958; Окладников, 1940), так и в Забайкалье, главным образом, по Селенге (Окладников, 1953а, 1959; Герасимов, 1941; Абрамова, 1959), на Байкале палеолитических памятников не обнаружено даже на пути вероятного следования древнего человека с р.Селенги на р.Ангару или наоборот. Поэтому до сих пор бытует мнение, что палеолитические обитатели Предбайкалья и Забайкалья не имели каких-либо определенных и постоянных связей

друг с другом, так как Байкал разделял их как непроходимый естественный рубеж. Это мнение подкрепляется как будто геолого-географическими работами ряда исследователей, в частности В.В.Ламакина (1953, 1965), рисующими суровые палеоклиматические условия на Байкале в верхнечетвертичное время, а также отсутствием до последнего времени находок ископаемой фауны - мамонта, носорога, бизона и др. Однако нами получено ряд сигналов от местных жителей о находках такой фауны в долине р.Баргузина, в устье р.Аргоди на песчаных выдувах; на о.Ольхоне, в окрестностях с.Еланцы и на южном Байкале, в окрестностях с.Култук.

Отсутствие или присутствие костей мамонта и носорога еще не свидетельствуют об обитаемости данного района человеком. Обычно палеолитического человека представляют как охотника на крупных ископаемых животных - мамонта и носорога. Однако, как показали исследования палеолитической стоянки Мальты, наряду с остатками этих животных, там присутствуют в большом количестве кости северного оленя. Количество особей оленя на стоянке является подавляющим (Герасимов, 1958, стр. 51-52). Следовательно, древний человек мог появиться и жить в тех местах, где по каким-то причинам отсутствовали мамонт и носорог, но обитали олени. Охота на оленя оказывалась наиболее устойчивой и надежной. Распространение оленей на северном побережье Байкала как в настоящем, так и в прошлом дает надежду на поиски и находки здесь палеолитических памятников, одновременных Мальте и Бурети.

Кстати, даже для палеолитического человека, если он и не имел водного транспорта, Байкал являлся преградой только летом, до ледостава. Зимой же древний человек свободно мог преодолеть расстояние и между ныне известными группами позднепалеолитических памятников в низовьях р.Селенги и в окрестностях г.Иркутска.

Определенные черты сходства между этими группами памятников (Медведев, 1966, стр. 15-16; Кириллов, 1969, стр. 10-11) говорят о наличии таких контактов и очень возможно, что следы человека эпохи палеолита будут обнаружены и на Байкале.

В период мезолита, когда на территории прибайкалья вызревает новый хозяйственный уклад, характеризующийся комплексным использованием природных ресурсов края и, в первую очередь, освоением его водных богатств (Медведев 1968а, 1971б; Медведев и др. 1971а; Свинин, 1966а, 1971а), побережье Байкала заселяется первобытным человеком. По облику каменной индустрии комплексы мезолитических памятников Байкала входят в ареал распространения выделенной М.П.Аксеновым и Г.И.Медведевым (1967) верхоленской мезолитической культуры Прибайкалья. В формировании мезолитической культуры Приангарья Г.И.Медведев и М.П.Аксенов выявляют две культурные традиции, идущие из разных направлений: одна - из Забайкалья, представлена памятниками Верхоленского типа (Красный Яр, Верхоленская Гора, Ощурково, Икарал), другая - с Енисея, представлена на р.Ангаре группой "бадайских" памятников.

Формирование байкальской мезолитической культуры также представляет сложный процесс (Свинин, 1971а, стр. 65-66, 70-71). Основные формы каменных орудий, устойчивые традиции в их изготовлении, тяготеют к Забайкалью. Среди них такой яркий этнический индикатор как резцы "верхоленского" типа. В то же время появление на Байкале цельнорезных рыболовных крючков вряд ли можно считать забайкальской, южной традицией, где рыболовство никогда не было достаточно развито. Традиционное развитие рыболовства, наряду с охотой, характерно для лесной полосы Европы и Западной Сибири. Истоки же этого хозяйственного уклада, вероятно, уходят в мезолит. Не случайно близкие по облику ангарским цельнорезные костяные крючки были обнаружены в северной Европе в культуре маглемозе. Видимо, на Байкале цельнорезные костяные крючки появляются чуть позднее, чем на Усть-Белой, а может быть и одновременно, однако существовали они здесь сравнительно недолго. Древний рыболов должен был вскоре понять наиболее уязвимый недостаток цельнорезного крючка: хрупкость и ломкость в закруглении, что снижало его эффективность как орудия лова. Уже в финальном мезолите появляется орудие принципиально иной конструкции: составной рыболовный крючок байкальского типа, состоящий из каменного

стерженька и каменного или костяного жальца-острия бокового крепления. Составные крючки байкальского типа зафиксированы в нижних позднемезолитических горизонтах стоянок Улан-Хада и Царь-Девица (Хлобыстин, 1965; Медведев, 1971а). Костяной цельнорезный крючок из серовского погребения на р.Ангаре (Окладников, 1950б, стр.91, рис.7 - 1) представляет, таким образом, пережиточную форму усть-бельского мезолитического (Медведев, 1971б, табл.31) и в условиях неолита себя уже не оправдал. В конце мезолита на Байкале развивается сетевое рыболовство, что фиксируется находками сетевых рыболовных грузил из плоских галек. Видимо, к этому отдаленному времени надо относить возникновение и развитие бытовавших еще недавно примитивных приемов рыболовства запорами-вершами и мордами.

Судя по этнографическим данным, промысел начинался, очевидно, в устьях крупных рек после прохождения льда, примерно в мае, во время нерестового хода осетра и харпуса, и продолжался здесь до середины июня. Во второй половине июня, в июле древние рыбаки должны были переключаться на лов привального омуля по бухтам Байкала закидными неводами. Возможно, сетевой промысел омуля дополнялся ловом осетра на крючковую снасть. Наиболее благоприятным для добычи рыбы непосредственно в пищу и впрок, на зиму являлся июль, так как это месяц штилевой погоды, а при наличии примитивной техники лова (лодки, невода) благоприятная погода была одним из важных факторов успешного промысла. В августе древние жители Байкала, вероятно, переключались на охоту за нерпой и козами, а также на водоплавающую дичь. Здесь могли кроме активных способов охоты (копья, дротики, колотушки) применяться загородя, сети, силки. Охота на нерпу могла продолжаться позднее (до декабря), на осенних лежбищах, и дополняться охотой на коз и других животных тайги. В октябре-ноябре возвращались к лову омуля во время его хода на нерест по рекам и массового ската обратно. Вероятно, и здесь широкое применение имели верши. По сорам и заливам вылавливали карася, окуня, ельца, сорогу, щуку. В зимний период, возможно, существовал подледный лов крючковой снастью (бормашение) и сетями (соровой рыбы). В марте-апреле могла бытовать охота на нерпу у продушин.

Таким образом, с самого начала своего появления на Байкале человек должен был приспособиться к природным условиям этого озера, научиться извлекать его богатства. Самым же большим богатством вод Байкала был (и остается) омуль. Только добыча омуля могла дать древнему человеку устойчивый источник пищи. Охота же на нерпу, вопреки утверждению Л.П.Хлобыстина (1964), имела подчиненное значение, поскольку ее поголовье было сравнительно невелико, а сама охота связана со значительными трудностями (в среднем, охотник мог добыть в течение года 2–3 животных).

Выработка определенного ритма в хозяйстве, в смене одних промыслов другими, проходила вслепую и корректировалась жестокими уроками природы за допущенные ошибки и промахи. При слабой оснащенности орудиями лова судьба людей зависела от удачи или неудачи промысла. Наиболее удачными могли быть три месяца в году: июнь, июль и октябрь. Именно в эти месяцы первобытные коллективы должны были выловить максимум рыбы для запаса ее впрок, на голодное время года. А это означало применение самых хищных с современной точки зрения способов лова, истребление рыбы во время нереста. Если в озере при всем этом сохранялось обилие рыбы, то оно объясняется лишь несовершенством промысла, а также, видимо, слабой заселенностью побережий озера человеком.

Возможно, и в глубокой древности возникали периоды сокращения рыбных запасов и тогда же могли возникнуть частичные запреты на лов рыбы в определенное время. То же можно сказать и о нерпе. Находка Л.П.Хлобыстиным фаллической фигурки с изображением нерпы, которую он связывает с культом плодородия, является своего рода сигналом о сокращении поголовья нерпы, заботой о ее воспроизводстве. Хотя находка относится к концу неолита, сам культ и вызвавшие его причины могли появиться намного раньше.

Ранний неолит

Переход к раннему неолиту был подготовлен предшествующей эпохой, что мы видим на примере появления лука и стрел (Мед-

ведев, 1968а), первых опытов шлифования камня, создания целой серии орудий для рыбной ловли. Критерием для выделения ранненеолитических комплексов служат глиняные сосуды с оттисками на их поверхности сетки, появление которых также было подготовлено, ибо прежде, чем изготовить такие сосуды, необходимо было изобрести вязаную сеть (Свинин, 1971а, стр.71). Появление же сетей, судя по оттискам на керамике, сплетенных из жильных нитей, отмечается еще в мезолите и является одним из важных открытий древнего человека, давших ему возможность эффективной организации рыбного промысла. Но изобретение сетей повлекло за собой с необходимостью и другие технические новшества. Сетевое рыболовство вызвало развитие лодочного транспорта, требующего более интенсивной и разнообразной обработки дерева. Техника оббивки гальки к этому времени исчерпала себя и не могла удовлетворить потребностей в новых орудиях. И только переход к шлифованию и пилению камня дал толчок к дальнейшему развитию производительных сил. Все это дает основание автору считать, в противоположность Л.П.Хлобыстину (1965), что переход населения байкальского побережья от мезолита к неолиту не был плавным и характеризовался не только появлением керамики, а представлял собой качественный скачок.

Нельзя согласиться также с другим мнением Л.П.Хлобыстина (1965) о том, что появление керамики связано с возникновением долговременных поселений. Это мнение противоречит фактам. Древняя керамика фиксируется в ранненеолитических комплексах на всей территории Евразии, с различными хозяйственными укладами: земледельческим, скотоводческим, охотничье-рыболовецким. В Приангарье она обнаружена у исаковских и серовских племен, которые, в основном, занимались охотой, и, следовательно, не были оседлыми жителями.

Анализ материалов археологических памятников Байкала свидетельствует, что на всем протяжении каменного и бронзово-

го века поселения на его побережье не были долговременными, а носили сезонный, временный характер. Существовали определенные центры, наиболее благоприятные для жизни места, куда первобытные рыболовы-охотники возвращались периодически. В таких местах мы встречаем обильные археологические материалы разных эпох, иногда залегающие в четких стратиграфических условиях, в большинстве же случаев разрушенные дюнными выдувами. Вокруг таких "центров", многослойных памятников, находятся группы стоянок в отдельных бухтах и заливах, содержащие незначительные культурные остатки одной или нескольких эпох. В эти бухты первобытные рыболовы выезжали на промысел только в определенное время года. Неблагоприятные условия микроклимата не позволяли им оседать здесь надолго.

Нельзя также игнорировать значение керамики как одного из важных признаков определения новой эпохи (Алобыстин, 1965, стр.278). Факт одновременного появления керамики у племен с различными хозяйственными укладами, в том числе и у племен, живущих, в основном, охотой, необходимо объяснять не их оседлостью или подвижностью, а возросшим уровнем развития производительных сил, который дал возможность резко увеличить продовольственные запасы по сравнению с предыдущей эпохой и, следовательно, требовал теперь и изменения условий их хранения и варки пищи, так как изготовление плетеной или деревянной посуды было делом трудоемким и длительным. С этой точки зрения понятным становится появление глиняной посуды и у охотников, для которых с изобретением лука и стрелы "дичь стала постоянной пищей, а охота - одной из нормальных отраслей труда" (Энгельс, 1961, стр.29). Еще более необходимой была глиняная посуда для древних рыболовов. По мнению С.П.Толстова (1946, стр.28), хозяйство рыболовов можно отнести к одной ступени с земледелием, поскольку оно обеспечивает не менее устойчивый источник существования, чем последнее.

Рассматривая в целом группировки неолитических памятников Байкала, нетрудно заметить, что поселения древних людей тесно связаны с районами распространения и миграционными путями осетра и омуля.

Основной хозяйственный цикл сохраняется, видимо, в том

же виде, что и раньше. Только теперь появляется возможность с новыми орудиями труда более эффективной организации рыбного промысла и охоты. Длительность того и другого увеличивается. Идут поиски усиления эффективности зимнего подледного лова, что мы видим на примере появления рыбок-приманок, гарпунов, развития крючковой снасти. С изобретением усиленного лука и стрел люди могли быть более уверены в охотничьей добыче и чаще, особенно зимой, уходили на промысел в прибайкальскую тайгу. Лук и стрелы облегчали охоту на нерпу. Вероятно, в это время возникает зимняя охота на нерпу с парусом на санках и весенняя с парусом на лодке. В том и в другом случае парус играл роль маскировки.

Поздний неолит

На позднем этапе неолита Байкала дальнейшее развитие получает техника обработки камня при помощи шлифования и пиления. Широко распространяются изделия из нефрита. Высокое искусство в обработке нефрита раннеглазковским племенам, жившим на берегах Байкала, видимо, передали китойцы. Еще в 1950 г. А.П.Окладников высказал предположение об умении китойцев не только шлифовать, но и пилить нефрит (1950б, стр.359). В 1966 г. автором совместно с И.П.Аксеновым, Г.М.Зайцевой (Георгиевской) и Г.И.Медведевым были исследованы разрушенные погребения китойской культуры в г.Иркутске у ангарского моста, в которых обнаружен прекрасно отшлифованный топор из зеленого нефрита со следами двустороннего распила на одной из боковых граней, кусок агальматолита с просверленным биконическим отверстием и многочисленными надпилами и обломок пилы из шиферного сланца. Куски пиленого нефрита вместе с шиферными пилами имеются среди подъемных сборов со стоянок на о. Ольхоне и окрестностях Байкальска.

Хозяйственный уклад в основе остается тем же. С целью консервации запасов позднеолитические рыбаки квасят рыбу в ямах. Такие ямы в большом количестве обнаружены при раскопках стоянки в Посольске. Кроме того, в летнее время рыбу и мясо, возможно, коптили на костре и вялили на солнце. Зимой сохраняли замороженными. В охоте на нерпу и зверя приобретает большую

роль собака, о чем говорят ритуальные захоронения собаки на стоянке в Посольске. Культовые погребения охотничьей собаки, появившиеся еще в мезолите (Медведев, 1968а, стр.27; Медведев и др. 1971а, стр.62-63, табл. 20,21), в эпоху неолита широко распространяются на территории Восточной Сибири. В последнее время они обнаружены в Забайкалье - на стоянке Нижняя Березовка (Окладников, 1955а, стр.301), на Ангаре - в устье р.Белой и в пади Калашникова (Крижевская, 1961), на Вилюе - в могильнике Туой-Хая (Федосеева, 1968, стр.32-34, 40, 138).

В керамическом производстве господствующей становится свободная лепка сосудов при помощи выколачивания стенок колотушкой. Причем здесь встречаются две традиции, имеющие разное происхождение. Штриховая керамика широко представлена в ранних неолитических комплексах Монголии и Восточного Забайкалья. Она изготовлена рубчатой колотушкой, поверхность которой была покрыта параллельными неглубокими желобками и давала на внешней стенке сосудов так называемый "штриховый" орнамент. Позднее эта керамика проникает на территорию Западного Забайкалья, берега Байкала, рр.Ангары, Лены, Нижней Тунгуски и Витима. Ранние формы гладкостенной керамики характерны, в основном,для Западной Сибири. Своеобразные гладкостенные сосуды, богато орнаментированные зубчатым штампом, отмечены А.П.Окладниковым и автором для долины р.Енисея и левобережных притоков р.Ангары (Свинин,1966б, 1971а).Они датируются серовским временем. Пока не совсем ясна технология изготовления гладкостенной керамики Западной Сибири.Что касается гладкостенных неолитических сосудов Прибайкалья,то все они изготовлены при помощи выколачивания гладкообструганной лопаточкой-колотушкой. Та и другая формы колотушки одинаково широко применялись древними байкальцами при изготовлении сосудов. Объединяющим элементом изготовленных различными колотушками сосудов являлся орнамент, представляющий несколько горизонтальных или волнистых поясков вдавлений отступающей лопаточки, одного-двух рядов ямочек или выдавлин-горошин.

Смена в технологии изготовления глиняной посуды, сосуществование одновременно различных технологических традиций в ее изготовлении, говорят о каких-то значительных изменениях в

жизни байкальского населения в позднем неолите. Об этом же говорят различия в культурных комплексах северной и южной части Байкала, отмеченные нами, появление на южном побережье, в дельте р.Селенги и долине р.Баргузина китойцев.

Если внимательно посмотреть на карту распространения китойских памятников в Прибайкалье, нетрудно заметить, что они занимают всюду на территории края ключевые позиции. Именно на их территории находятся самые богатые источники сырья: кремня, нефрита, агальматолита. В их владении оказываются устьевые участки самых больших притоков р.Ангары, богатых рыбой и зверем – рр.Белой, Китоя, Иркута. Не вызывает удивления, что и на Байкале они занимают самые богатые долины р.Баргузина и дельты р.Селенги. Кроме того, в их руках оказывался и транзитный путь, который связывал Приангарье с югом, Забайкальем.

Видимо, это особое положение китойцев, давшее им возможность не только определенного накопления, в тех условиях, пищевых запасов, но и широкого многостороннего обмена с соседями ценным сырьем, позволило им выдвинуться вперед в развитии и занять на какое-то время господствующее положение по отношению к соседям.

Этими же экономическими причинами можно объяснить зарождение у китойцев патриархальных отношений, доказанное на большом фактическом материале А.П.Окладниковым (1950б).

Широкие взаимоотношения ранних глазковцев с китойцами, своими южными забайкальскими соседями, а также с северными, о чем свидетельствует северобайкальская керамика, развитие обмена также привело к появлению у них патриархальных отношений (Окладников, 1955а).

Эпоха бронзы

С наступлением нового времени, ознаменовавшегося открытием и распространением бронзы, байкальские племена еще больше расширяют свои контакты с соседями. Ранний катунский комплекс (Свинин, 1971б, стр.68) свидетельствует, видимо, об укреплении таких связей с Восточным Забайкальем, откуда могли поя-

виться первые изделия из меди и бронзы. В развитом и позднем бронзовом веке усиливаются связи с Минусинским районом, о чем красноречиво говорит облик бронзовых ножей и кельтов, близких по своим формам и мотивам орнамента карасукским и тагарским.

Появление на Байкале "вафельной" керамики свидетельствует о таких же контактах с Якутией, в первую очередь, видимо, с Алданом (Свинин, 1966а). В то же время, своеобразие некоторых бронзовых орудий на Байкале говорит за то, что местные жители не слепо копировали импортные вещи, полученные ими в результате обмена, а создали свою таежную культуру бронзы (Свинин, 1970). Остатки бронзовых шлаков и литейных форм на стоянках Байкала свидетельствуют о знакомстве их обитателей с производством медных и бронзовых орудий (Хороших, 1970).

Видимо, под влиянием бронзового литья изменяются мотивы орнаментов на керамике и ее формы, появляются сосуды на поддоне, с уплощенным дном. Исчезают орнаменты отступающей лопаточкой, различными видами штампа, на смену им приходят "накладные" орнаменты: округлые и рубчатые, прямые и волнистые валики, которые опоясывают иногда верхнюю часть сосуда, а чаще – всю его поверхность.

Появление бронзовых орудий, однако, не изменило охотничье-рыболовецкого уклада населения байкальского побережья. Косвенным тому доказательством является анализ технологии керамики. Многие археологи связывали происхождение шнуровой керамики с появлением ткачества, считая оттиски на ее поверхности негативными отпечатками ткани (Петри, 1926; Диков, 1958 и др.). Однако внимательное изучение автором настоящей статьи оттисков на керамике и проведенные эксперименты показали, что все они происходят от колотушки, обмотанной крученым жильным шнуром (Свинин, 1966а, 1971а). Употребление же жильных нитей характерно для таежного охотничье-рыболовецкого уклада, а не для скотоводческого и земледельческого. Не удивительно, поэтому, что на территории Якутии шнуровая керамика появляется еще в эпоху неолита.

Железный век

Коренной переворот в экономике байкальских племен, а вместе с тем и в их общественном строе, произошел в начале железного века. Наступление железного века характеризуется здесь появлением плоскодонной посуды, железных орудий и домашних животных - лошади, быка и барана. Возможно, в это же время в северных районах Байкала происходит приручение дикого оленя.

Первое знакомство с железом и домашними животными в Приангарье А.П.Окладников связывает с появлением здесь плиточных могил забайкальского типа (1955а, стр.10). Видимо, и на Байкале начало скотоводства также связано со строителями плиточных могил (Свинин, 1971в). Характерно, что они оседают в степных участках, сохранившихся в дельте р.Селенги, долине р.Баргузина и на о.Ольхоне. Их появление на Байкале и в долине р.Куды объясняется большими социальными изменениями на территории Забайкалья, появлением там гуннов (Окладников, 1955а; стр.195-196).

Освоив степные участки Байкала, носители культуры плиточных могил вошли позднее в состав курыканского племенного союза (Окладников, 1955а, стр.10). Памятники, относящиеся к курыканскому времени, особенно многочисленны на Байкале. Хотя остатки курыканской керамики обнаружены на всем побережье Байкала, основная масса памятников курыкан расположена в Ольхонском районе. И это не случайно, так как курыканы, как и их предшественники, были скотоводами и выбирали для своих поселений степные районы. Кроме обычных поселений, как правило, с большим количеством железоплавильных горнов, курыканы сооружали укрепленные поселения-городища. На Байкале они сосредоточены, в основном, в районе Малого моря. Наличие маломорских городищ объясняется, очевидно, ожесточенной борьбой за главное богатство курыкан - скот. Однако курыканы не только оборонялись, но и наступали.

Взаимоотношения курыкан с местными аборигенными племенами, для которых они являлись пришельцами, видимо не всегда были мирными. В этом отношении особенно интересна группа Лударских городищ на Северном Байкале, удаленных от о.Ольхона на расстоя-

ние более 200 км. Вполне вероятно, что эти городища представляли передовой форпост курыкан среди населения, находившегося у них в определенной ("кыштымной") зависимости. Этот вывод подкрепляется тем, что вместе с типично курыканской керамикой на северном побережье Байкала встречена керамика, изготовленная старой техникой выбивания колотушкой и орнаментированная насечками по валикам зубчатым штампом. Видимо, данная керамика принадлежит предкам эвенкийских племен, живущих на Байкале до настоящего времени.

О сложном процессе этногенеза курыкан свидетельствуют их погребения. До сих пор был известен один тип курыканских погребений - так называемые "шатровые могилы", в которых обычно находят один или несколько глиняных сосудов с пеплом сожженного человека, иногда кости животных и отдельные вещи: стрелы, ножи, кресало для высекания огня и пр. Автором обнаружен на о.Ольхоне новый курыканский могильник с совершенно иным обрядом захоронения. Сверху могилы отмечены слегка заметными группами камней. При зачистке камней выявляется каменная кладка овальной формы, после снятия которой выступают очертания могильной ямы. Костяк находился на глубине 70-80 см от поверхности и был тщательно завернут в берестяной пакет. Головой скелет ориентирован на восходящее солнце, на восток. В одном из погребений обнаружен типичный курыканский сосуд (Свинин, 1971в, стр.74-75). Весь ритуал захоронения своими традиционными чертами уходит в далекое прошлое. Формы кладок живо напоминают кладки энеолитических глазковских погребений. Обычай же захоронения в берестяных пакетах встречается в погребениях, относящихся еще к шиверскому этапу, которые открыты А.П.Окладниковым на р.Селенге(1950а, стр.89),а М.П.Грязновым - на о.Ольхоне(1959). Возможно, здесь мы встречаемся с потомками ассимилированных курыканами тунгусоязычных племен, сохранивших древний обряд захоронения. В этой связи становится понятной орхонская надпись на памятнике Кюль-Тегину, упоминающая о племенном союзе "уч-курикан" [ЭИРЧЭ ЛN] (Малов, 1951, стр.29). До сих пор расшифровывалась только первая, тюркская, часть компонента этнонима - "уч" (три). Многочисленные попытки расшифровать вторую часть этнонима - "курыкан" - продуктивными не были

например: Рыгдылон, 1956; Румянцев, 1962 и др.). Только в 1972 г. А.Ф.Еланевым установлено, что термин "курыкан" почти в такой же транскрипции бытует до сих пор у эвенков Северного Байкала (курокан, куракан, курийэн). Еще раньше данный факт был зафиксирован Е.И.Титовым (1926, стр.85). Несколько в смягченном произношении (хүрэгэн, хүрьгэн, хүргэн) данный термин бытует у западных и восточных бурят и монголов. Причем, в древности, видимо, расхождения в произношении термина "курыкан" у эвенков и монголов были меньше. В древнем монгольском языке он звучит как "kuriken", что зафиксировано в монгольском словаре арабского ученого Замахшари (1938-1939, стр.229). Интересно, что в близкой транскрипции этот термин сохранился в туркменском языке - "köreken" (Малов, 1951, стр.397). В переводе на русский язык во всех случаях этот термин означает "зять". Таким образом, этноним "уч-курыкан" мы можем перевести как "три зятя" - три рода, связанные между собой так называемой "кольцевой" системой родства, впервые открытой Л.Я.Штернбергом (1933) у гиляков (нивхов) о.Сахалина, а затем обнаруженной у многих народов Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании (Ольдерогге, 1946; Пелих, 1962). Следовательно, в состав этого трехродового союза кроме древних тюрков, вероятно, входили, исходя из языкового анализа этнонима "курыкан" и последних археологических данных, группы тунгусо- и монголоязычного населения.

О широких связях курыкан на Байкале как с югом, так и с Приангарьем, свидетельствуют находки уйгурской керамики и керамики, имеющей, по-видимому, среднеазиатское происхождение (Окладников, 1960, 1965) и относящейся к согдийской колонии на р.Ангаре (Окладников, 1959).

К сожалению, мы до сих пор не знаем ни древнемонгольскую, ни древнебурятскую керамику. О том, что у бурят раньше была керамика, свидетельствует сохранившийся в бурятском языке специальный термин для ее обозначения - "больтрок". Такой термин, относящийся именно к глиняной посуде, автор впервые услышал в 1956г. на о.Ольхоне от одного пожилого бурята, который рассказал, что еще его дед умел делать без гончарного круга глиняные горшки. Судя по его рассказу, они имели большое сходство

о курыканскими. За пределами же о.Ольхона автору не удалось нигде встретить воспоминаний об умении бурят делать глиняную посуду. Никто не знает и смысла данного термина. Только в улусе Будуса, в долине р.Куды, такой термин был в употреблении, но не по отношению к керамике, а вообще по отношению ко всей национальной посуде (сообщение П.Б.Коновалова).

В том же улусе Будуса автор во время этнографической экспедиции 1955 г. обнаружил несколько хомутов, орнаментированных теми же характерными "подковками", какие часто встречаются среди орнаментальных мотивов на курыканской керамике.

Развитие скотоводства и оленеводства в железном веке, о чем свидетельствуют также и наскальные рисунки (Окладников, 1959; Свинин и Коновалов, 1958; Хороших, 1960), привели к тому, что какая-то часть населения отвлеклась от постоянных промыслов, составлявших ранее основу существования. Последними теперь занимались "безлошадные" или "безоленные" общинники. Вместе с тем, промыслы на Байкале не могли сократиться, поскольку потребность в рыбе и в нерпичьем жире, шкурах нерпы продолжала оставаться не меньшей, чем раньше.

Появление караванной торговли, известной нам по письменным источникам, выводило население Байкала на орбиту широких взаимоотношений с отдаленными народами и государствами (Окладников, 1955а, 1965). Поэтому природные богатства озера становились известными далеко за его пределами. Особенно ценным, вероятно, считался нерпичий жир, употреблявшийся в пищу, для обработки кож и для освещения - в жировые лампы.

В связи с караванной торговлей большое значение приобретает пушной промысел на белку и соболя.

Происшедшие изменения в хозяйстве и этнической структуре населения байкальского побережья в железном веке привели к усилению экономических связей между отдельными его районами, а также с прилегающими к Байкалу территориями. Однако преувеличивать значение этих связей нельзя. Несмотря на поступательный ход развития, уровень производительных сил оставался низким. Скотоводство на самом побережье Байкала не получило своего развития из-за ограниченности в пастбищах. Вплоть до прихода русских в XVII в. основным занятием большей части

берегового населения Байкала оставалось рыболовство и охота.

Преемниками скотоводческой культуры курыкан на Байкале явилось древнебурятское население (Окладников, 1937, 1959; Румянцев, 1962; Залкинд, 1958). Об этом красноречиво говорят: использование курыканских оросительных систем бурятами для орошения лугов; мероприятия по их улучшению - удобрение, огораживание (утуги); наследование курыканской земледельческой культуры - культивирование проса, овса, ячменя. Возможно, многоугольные деревянные юрты бурят также имеют курыканское происхождение. По крайней мере, конструктивно они ближе всего к алтайским жилищам древних тюрков (Шибаева М.А., 1950), чем к войлочным юртам монголов.

Преемниками древней культуры рыбаков и охотников на Байкале являются те родовые группы эвенков, которых застали в XVII в. на его побережье русские землепроходцы (Долгих, 1949, 1960).

Таким образом, полученные археологическими исследованиями материалы показывают, что древнее население Байкала прошло длительный путь развития от первобытно-общинного строя до зарождения классового общества, создало свою самобытную культуру рыболовов и охотников, близкую по облику культуре древнего населения р.Ангары и верхней Лены. В то же время, на всех этапах развития население Байкала имело тесные контакты с соседями и испытывало влияние степных культур Забайкалья. Особенно это влияние усиливается с открытием металла и развитием скотоводства в крае. Археологические памятники Байкала тесным образом связаны с прошлым палеазиатских, тунгусских, тюркских и монголоязычных народов. Байкал, возможно, являлся одним из путей, по которому шло заселение северо-востока Азии. Это, однако, не означало полную смену местного населения на новых этапах культуры. Изменения в культуре древнего населения Байкала объясняются прежде всего ее внутренним развитием. Внешние связи и влияния только в какой-то мере видоизменяли местную аборигенную культуру. На всех этапах ее мы можем проследить преемственность в традициях и устойчивое их сохранение. Поэтому вполне закономерно считать современное аборигенное население Байкала - эвенков и бурят - наследниками древней культуры на его побережье.

Однако в историческом прошлом населения Байкала остается еще немало неизвестных и неразгаданных страниц.

До сих пор не раскопаны байкальские городища, открытые свыше 200 лет назад, и неизвестно, какие загадки они в себе таят. Любопытно, что некоторые городища расположены попарно, на двух соседних вершинах гор. Таковы, например, городища в пади Крестовой и на Лударском мысу.

Нужно продолжить исследования новых типов могильников курыканского времени, которые позволят уточнить этнический состав населения Байкала в эпоху средневековья.

Очень важно продолжить поиски памятников эпохи бронзы, найти комплексы этого времени в чистом виде, в четком стратиграфическом залегании в культурном слое стоянок.

Немало неясных вопросов в изучении неолитических культур. Последние на побережье недостаточно охарактеризованы каменным инвентарем. Отсутствуют костяные изделия. Неизвестны ранненеолитические костяные изделия. Неизвестны ранненеолитические могильники. И здесь широкое поле исследователю. Выявленные разведками последних лет стоянки и позднеолитические могильники необходимо подвергнуть тщательным раскопкам.

Надо продолжить поиски мезолитических памятников и раскопки уже известных. Сейчас очерчиваются только общие контуры позднемезолитической культуры. В будущем, она может быть охарактеризована более полно.

Наконец, надо найти на Байкале и памятники эпохи палеолита. Что такие памятники будут найдены, нет никакого сомнения. В этом отношении особенно перспективны разведки в районе Южного Байкала, в окрестностях Култука, на побережье Малого моря, в районе Лударского мыса и в окрестностях Нижнеангарска где имеются древние террасы и встречается ископаемая фауна.

Археологические материалы с Байкала представляют большой интерес не только для археологов, но и для специалистов других наук. Стратифицированные памятники являются одновременно опорными геологическими разрезами и дают возможность сделать ряд заключений о колебании уровня Байкала в прошлом, о подвижности его берегов (Гурулев, 1970; Кульчицкий, Свинин, 1971).

Важно, поэтому, продолжить и расширить исследования многослойных памятников, являющихся опорными стратиграфическими разрезами, поскольку их изучение имеет не только теоретический интерес, но и практическое значение для решения народнохозяйственных задач, связанных с проблемой будущего Байкала.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

Ю.А.Мочанов, С.А.Федосеева

ОСНОВЫ КОРРЕЛЯЦИИ И СИНХРОНИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Надежные критерии для разработки корреляции и синхронизации археологических памятников Северо-Восточной Азии, под которой в данной статье подразумевается территория, расположенная к востоку от бассейна р.Енисея и к северу от бассейна р.Амура, появились около 10 лет тому назад, после открытия Приленской археологической экспедицией (ПАЭ) Якутского филиала СО АН СССР многослойных стоянок в долине р.Алдан. На этих стоянках в четких стратиграфических условиях последовательно залегали друг над другом остатки различных этапов каменного, бронзового и железного веков.

Древнейшие археологические памятники на р.Алдан приурочены к отложениям пойменной фации аллювия III и II надпойменных террас. К ним относятся стоянки Усть-Миль II, Эвенцы, Ихине I, Верхне Троицкая, Нижне Троицкая, Ихине II и Дюктайская пещера.

На этих стоянках вместе с костями мамонта, шерстистого носорога, овцебыка, бизона и лошади найдено большое количество изделий человека. Среди них наиболее показательны клиновидные, леваллуазские и массивные галечные подпризматические нуклеусы, двусторонне обработанные наконечники копий и ножи листовидной, подтреугольной и овальной форм, срединные и боковые резцы, концевые скребки. Единичными экземплярами представлены скреб-

ла, наконечники копий из бивня мамонта, костяные лощила (Мочанов, 1973а).

Остатки всех последующих этапов древней истории Алдана приурочены к голоценовым отложениям. Наиболее четко последовательность этих культур выявлена на многослойных стоянках, погребенных в отложениях современной высокой поймы (Белькачи I, Сумнагин I, Чомполоо и т.д.). В низах пойменной фации аллювия высокой поймы залегают остатки сумнагинской культуры (Мочанов, 1973б). Наиболее древние из них залегают и в пойменном аллювии I надпойменной террасы. Около 90% кремневых орудий сумнагинцев изготовлено из пластин, снятых с одноплощадочных или двухплощадочных призматических нуклеусов. Орудия на пластинах представлены вкладышами, ножами, концевыми и выемчатыми скребками, угловыми и боковыми резцами, проколками. Более половины перечисленных орудий изготовлены из пластин, ширина которых не превышает 0,4 см.

Из отщепов кремня и различных кремнистых пород изготовлялись в основном концевые скребки. Некоторые из них имеют у лезвия слегка намечающиеся ушки. Изредка встречаются скребки округлой формы и многофасеточные резцы с нуклевидной или ретушированной рукояткой.

Около 5% всех каменных изделий (без учета количества пластин-вкладышей) составляют орудия, сделанные при помощи обивки целых или расколотых диабазовых и кварцитовых галек. Они представлены в основном теслами, отдельные из которых имеют у обушка хорошо выраженные ушки, топорами и скреблами. Значительно реже встречаются так называемые грубые рубящие орудия, которые по форме и технике изготовления несколько напоминают ручные рубила, чопперы и чоппинги. Из костяных орудий характерны плоские клинки с одним боковым пазом и веретенообразные наконечники дротиков (?) с одним боковым пазом или с расщепленным острием.

Как и на всех более поздних памятниках, на стоянках сумнагинцев встречается большое количество костей лося, северного оленя, бурого медведя и других голоценовых животных.

В слоях, перекрывающих остатки сумнагинской культуры, на многослойных стоянках залегают остатки сналахской культуры

(Мочанов, 1969). Наиболее показательным признаком этой культуры являются яйцевидные глиняные сосуды с рельефными отпечатками сетки-плетенки на внешней поверхности. Все без исключения сосуды орнаментированы одним рядом сквозных округлых или овальных отверстий, расположенных под бортиком венчика. На раннем этапе сосуды украшались также одним или двумя узкими горизонтальными налепными валиками.

Среди каменного инвентаря наиболее типичны шлифованные прямоугольные и ступенчатые уплощенные тесла, шлифованные полулунные ножи, частично обработанные ретушью наконечники стрел из пластин, двусторонне обработанные листовидные наконечники стрел, концевые скребки с обработанной ретушью спинкой. Из костяных орудий выделяются односторонние бородчатые наконечники гарпунов с плоским насадом.

Слои, содержащие остатки сналахской культуры, перекрываются слоями, в которых залегают остатки белькачинской культуры (Мочанов, 1969). Наиболее характерным признаком этой культуры являются яйцевидные сосуды с округлым или заостренным донышком, внешняя поверхность которых покрыта рельефными вертикальными отпечатками шнура. По орнаменту сосуды делятся на два типа. У сосудов первого типа под венчиком расположен горизонтальный ряд сквозных дырочек, которые часто дополняются прочерченными горизонтальными линиями. Отличительной особенностью сосудов второго типа является утолщенный налепом венчик. На многих сосудах этого типа дырочек нет, а под венчиком прямо по налепу идут горизонтальные линии, нанесенные зубчатым штампом. Кроме этого, характерен орнамент в виде косой решетки и зигзага.

Каменный инвентарь белькачинцев представлен теслами с упками, шлифованными ступенчатыми теслами с высокой спинкой, ретушированными кремневыми теслами с желобчатыми лезвиями, клювовидными комбинированными орудиями, иволистными и треугольными двусторонне обработанными наконечниками стрел. У последних наблюдается асимметричная выемка в основании, а иногда имеется всего лишь одно вытянутое жальце. Широкое распространение получают многофасеточные резцы-дрили.

Над белькачинскими слоями на многослойных стоянках залегают слои, содержащие остатки ымыяхтахской культуры (Мочанов, 1969). Наиболее показательным элементом этой культуры является круглодонные сосуды, внешняя поверхность которых покрыта рельефными отпечатками вафельной сетки с квадратными, прямоугольными или ромбическими ячейками. Непременным элементом орнамента является горизонтальный ряд сквозных дырочек. На многих сосудах вниз от дырочек отходят одинарные или сдвоенные косые прочерченные или резные линии, образующие сплошной или прерывистый зигзаг.

Среди ымыяхтахского каменного инвентаря выделяются тщательно ретушированные трехгранные и четырехгранные наконечники стрел, треугольные наконечники стрел, двусторонне ретушированные прямоугольные вкладыши, небольшие подтреугольные концевые скребки с крутым лезвием и сплошь обработанной ретушью спинкой, шлифованные прямоугольные небольшие тесла. Характерным типом орудий являются веретенообразные костяные наконечники стрел. Ряд данных заставляет предполагать, что на заключительном этапе ымыяхтахской культуры впервые начинают использоваться бронзовые изделия.

Над ымыяхтахскими слоями залегают слои, содержащие остатки усть-мильской культуры (Федосеева, 1970а). Для этой культуры характерны разнообразные бронзовые изделия, многие из которых находят себе четкие аналогии среди карасукских и тагарских образцов южной Сибири. Керамика усть-мильской культуры предоставлена гладкостенными круглодонными сосудами с намечающейся шейкой. Сосуды в верхней части орнаментированы гладкими или рассеченными горизонтальными, налепными валиками. Из каменных орудий продолжают употребляться мелкие треугольные наконечники стрел, асимметрично-треугольные двусторонне ретушированные ножи и мелкие подтреугольные концевые скребки. Встречаются и грубые рубящие орудия из галек. Усть-мильцы, как и их предшественники, в основном занимались охотой и рыболовством.

Для раннего железного века, вещественные остатки которого лежат над усть-мильскими, характерно разнообразие культурных комплексов (Федосеева, 1970г). Из железных изделий показательны однолезвийные черешковые ножи с двусторонней заточкой, одно-

лезвийные коленчатые ножи с односторонней заточкой, плоские овальные панцирные пластинки. Керамика представлена круглодонными сосудами с хорошо выраженной шейкой и выступающим под венчиком налепным валиком. Внешняя поверхность большинства сосудов сплошь покрыта рельефными струйчатыми отпечатками рубчатой лопаточки. Встречаются сосуды с поверхностью, покрытой вафельными отпечатками. Последние в отличие от нижнехатхасских значительно менее рельефны и характеризуются более крупными ромбовидными ячейками.

Абсолютный возраст четко стратифицированных культурных памятников Алдана в настоящее время достаточно объективно определяется при помощи многочисленных радиоуглеродных дат. Особенно ценно, что большинство дат последовательно залегают одна над другой, образуя несколько взаимоконтролируемых вертикальных колонок. При этом радиоуглеродные даты в целом хорошо соответствуют геологическим и археологическим оценкам возраста образцов, отобранных на анализ.

Наиболее древними стоянками Алдана на данном этапе исследования являются стоянки Эжанцы и Усть-Миль II (нижние находки). Они приурочены к низам пойменной фации аллювия III надпойменной террасы. За ними следует стоянка Ихине I, остатки которой залегают в низах верхней трети пойменных отложений III надпойменной террасы. Возраст стоянки Эжанцы, судя по радиоуглеродным датам усть-мильской колонки (рис.I), около 35 тыс.лет, нижних находок Усть-Миля II - около 32-3I тыс.лет, а стоянки Ихине I (нижний слой) - около 25 тыс.лет. Эти три стоянки предварительно можно отнести к "преддиктайской" стадии верхнего палеолита.

Стоянки Верхне Троицкая, Нижне Троицкая, Ихине II и Диктайская пещера приурочены к отложениям пойменной фации аллювия II надпойменной террасы Алдана. Они относятся к "диктайской" стадии палеолита. Возраст двух первых стоянок, судя по верхнетроицкой колонке (рис.2), около 23-I8 тыс.лет. Возраст двух последних стоянок примерно I5-II тыс.лет (рис.3).

Наиболее древние находки сумнагинской культуры зафиксированы пока в верхах пойменного аллювия I надпойменной террасы на стоянках Тумулур, Билир и Усть-Тимптон (рис.4 - I). Их возраст I0,5-9,5 тыс.лет. Последующие этапы сумнагинской культу-

ры, судя по белькачинской и сумнагинской колонкам (рис.4 – I, 2), относятся ко времени 9,5–6 тыс.лет тому назад.

Сналахская культура имеет возраст 6–4,9 тыс.лет, белькачинская культура – 4,9–3,8 тыс.лет, ымыяхтахская культура – 3,8–3 тыс.лет, усть-мильская культура 3–2 тыс.лет, а культурные комплексы раннего железного века 2–0,5 тыс.лет.

В основу приведенной выше абсолютной хронологии положены радиоуглеродные даты, рассчитанные, исходя из периода полураспада C^{14}, равного 5568±30 лет. Более точным сейчас считается период полураспада C^{14}, равный 5730±40 лет. Для введения поправок все ранее полученные даты необходимо умножить на коэффициент I,03 (Серебряный, 1965). Учитывая данную поправку, хронологическую границу между дюктайской и сумнагинской культурами следует определить возрастом I0,8 тыс.лет. Начало сналахской культуры можно отнести ко времени 6,2 тыс.лет назад, белькачинской – 5 тыс.лет назад, ымыяхтахской – 3,9 тыс.лет назад, усть-мильской – 3,I тыс.лет назад. Древнейшие культурные комплексы раннего железного века должны иметь возраст 2,06 тыс.лет.

В последние годы, благодаря усилиям многих исследователей, было установлено, что радиоуглеродные даты, вычисленные на основе положения В.Ф.Либби о постоянстве концентрации C^{14} в атмосфере Земли, являются для значительного отрезка голоцена довольно омоложенными. Сопоставление этих дат с "кривой Зюсса", построенной по годичным кольцам остистой сосны для последних 7 тыс.лет, позволяет ввести соответствующие поправки и тем самым приблизить возраст радиоуглеродных дат к календарному (истинному) возрасту (Suess, I969). Если мы примем "поправку Зюсса", то возраст сумнагинской культуры будет I0,5–7 тыс. лет, сналахской – 7–5,6 тыс.лет, белькачинской – 5,6–4,2 тыс. лет, ымыяхтахской – 4,2–3,3 тыс.лет, усть-мильской – 3,3–2,I тыс.лет и культурных комплексов раннего железного века – 2,I–0,7 тыс.лет.

До принятия "шкалы Зюсса" в качестве международного эталона и пересчета по ней всех имеющихся в мире радиоуглеродных дат, пересмотр региональных дат представляется пока преждевременным. "Кривой Зюсса" следует пока пользоваться как рабочим (корректировочным), особенно при сопоставлении радиоуглерод-

ных хронологических колонок с хронологическими колонками, построенными не на основании радиоуглеродных дат (например, дендрохронологические и "письменные" колонки).

Типологический анализ материалов различных стоянок Северо-Восточной Азии свидетельствует, что большинство из них находят себе четкие аналогии среди тех или иных стратиграфически выделенных на Алдане культурных комплексов. Это дает возможность уже сейчас довольно точно определить ареал выделенных на Алдане культур.

Преддюктайские по облику и возрасту памятники пока известны только на Алдане. Дюктайские памятники открыты на Оленеке (?), Олекме (?), Берелехе (радиоуглеродные даты - I2240±I60, ЛУ-I49; I0600±90, ЛЕ-998; II630±II0, ЛУ-I47), Колыме, северо-западном побережье Охотского моря и на Камчатке (I3600±250, ГИН-I63; I0360±350, МО-345). Сумнагинские памятники известны на Пясине, Хете (6030±I00, ЛЕ-884), Вилюе (7600±80, ЛЕ-996), Лене, Витиме, Амге, Мае, Колыме и Анадыре. Сыалахские памятники обнаружены на Хете, Оленеке, Вилюе, Лене, Амге, Мае, Колыме, Анадыре; белькачинские - на Хатанге, Оленеке, Вилюе, Лене, Амге, Мае, Колыме и Анадыре; ымыяхтахские - на Хете (3I00±60, ЛЕ-I025), Амге, Мае, Индигирке (2955±50, ЛЕ-I003; 2950±50, ЛЕ-I002), Колыме и Анадыре (?); усть-мильские - на Вилюе, Лене (от Витима до устья), Амге, Мае. Культурные комплексы раннего железного века зафиксированы на Оленеке, Вилюе, Лене, Амге, Мае и Колыме.

Приведенные выше данные показывают, что ареалы выделенных на Алдане культур охватывали огромную территорию от Станового хребта и бассейна Ангары на юге до Ледовитого океана на севере, от Хеты и Верхнего Вилюя на западе до хребта Джугджур и бассейна Анадыря (включительно) на востоке. При этом очень важно, что одна и та же культура (правда, быть может, представленная особыми локальными вариантами), как показывают радиоуглеродные даты, занимала, по крайней мере, на заключительном этапе своего развития, одновременно весь ареал, где обнаружены характерные для нее памятники.

В заключение следует отметить, что только при условии надежной разработки основных критериев корреляции и синхрониза-

ции археологических памятников отдельных регионов, базирующихся на четкой стратиграфии, можно в будущем детально обосновать генеральные принципы межрегиональной корреляции и синхронизации археологических памятников всей Северной Азии.

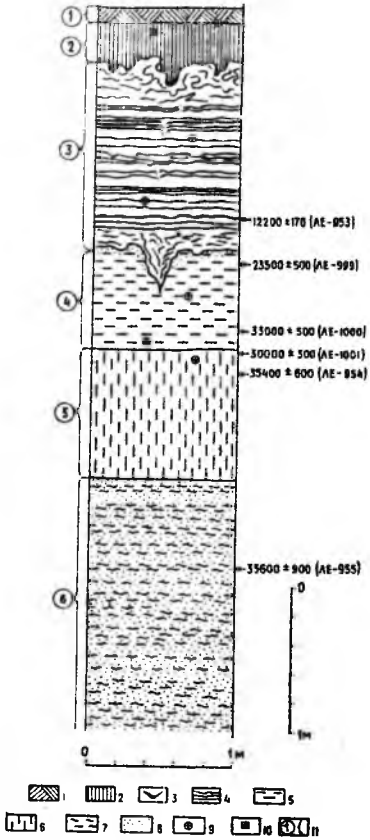


Рис.I. Сводный стратиграфический разрез стоянки Усть-Миль II:

I - дерн;
2 - коричневато-бурый комковатый суглинок;
3 - погребенная почва с солифлюкционными деформациями;
4 - горизонтально слоистые, серовато-желтоватые опесчаненные суглинки;
5 - коричневый суглинок;
6 - коричневато-серый суглинок;
7 - горизонтально-слоистый светло-серый суглинок;
8 - разнозернистый желтый песок;
9 - археологические находки плейстоценового возраста;
I0 - археологические находки голоценового возраста;
II - номер и граница геологического слоя

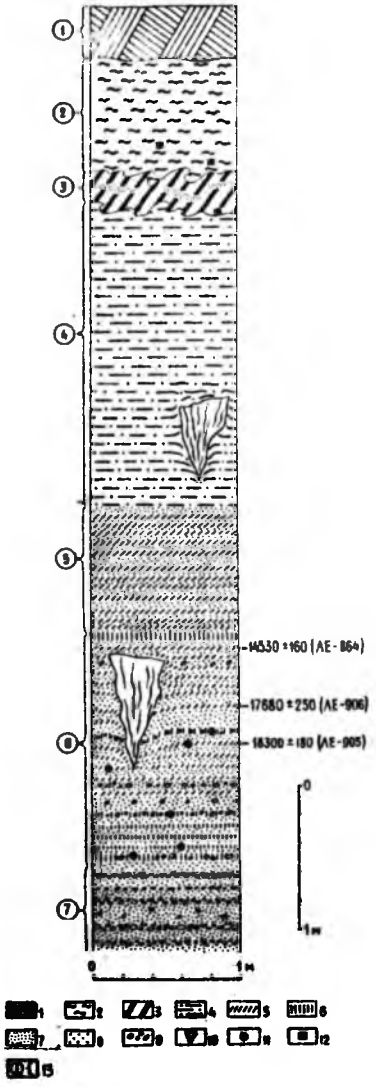


Рис.2. Сводный стратиграфический разрез стоянки Верхне-Троицкая:

I - дерн;
2 - горизонтально-слоистые коричневато-желтоватые супеси и пески;
3 - темносерый гумусированный суглинок со следами солифлюкционной деформации;
4 - горизонтально-слоистые серовато-коричневатые заиленные алевриты и желтовато-коричневатые мелкозернистые пески;
5 - серовато-лиловатые заиленные алевриты с растительными остатками;
6 - голубовато-коричневатые суглинки;
7 - мелкозернистые пески;
8 - разнозернистые пески;
9 - галька и гравий;
I0 - ледяные жилы;
II - археологические находки плейстоценового возраста;
I2 - археологические находки голоценового возраста;
I3 - номер и граница геологического слоя

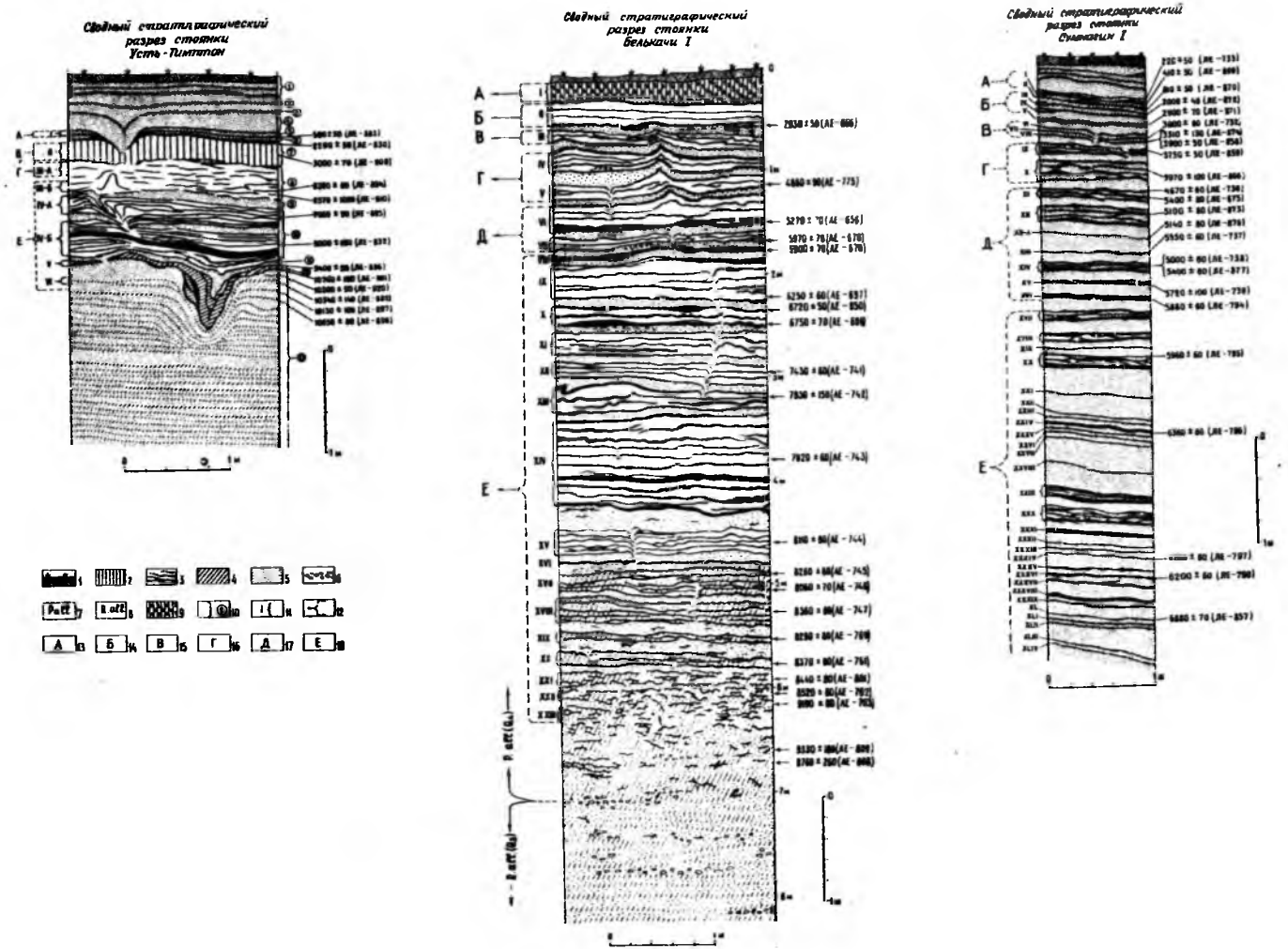


Рис.4. Разрезы опорных голоценовых археологических памятников Северо-Восточной Азии:

I – дерн;
2 – погребенная покровная супесь;
3 – алевриты с гумусом и древесиной;
4 – суглинок;
5 – песок;
6 – галька и гравий;
7 – пойменный аллювий;
8 – русловой аллювий;
9 – перепаханная супесь;
I0 – номер и граница геологического слоя;
II – номер и граница культурного слоя;
I2 – культурная пачка;
I3 – культурные комплексы раннего железного века;
I4 – усть-мильская культура (бронзовый век);
I5 – ымыяхтахская культура (поздний неолит);
I6 – белькачинская культура (неолит);
I7 – сналахская культура (неолит);
I8 – сумнагинская культура (финальный этап верхнего палеолита)

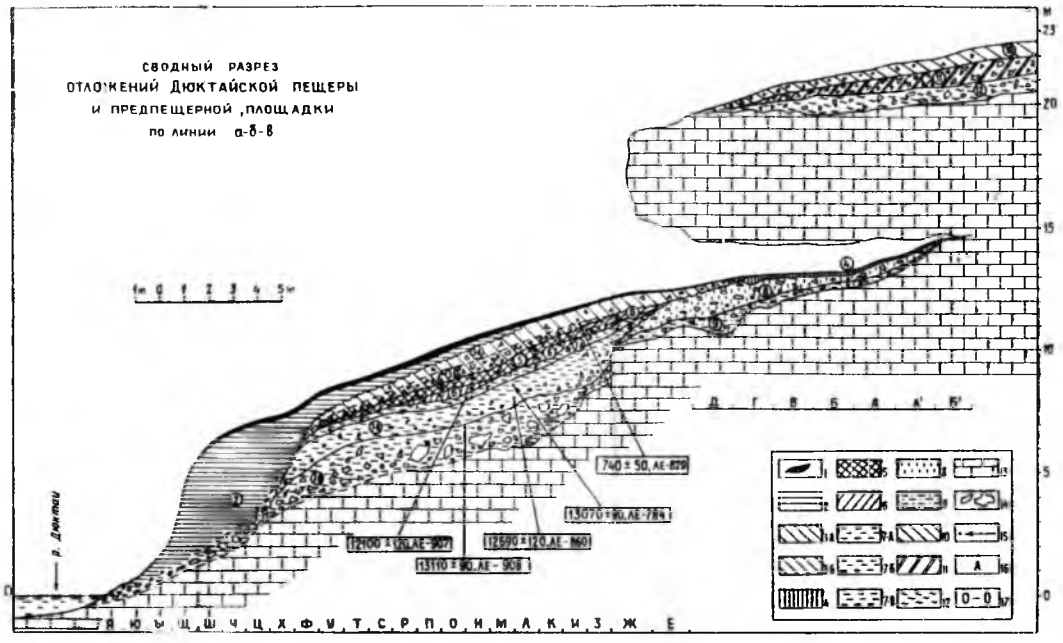


Рис.3. Сводный стратиграфический разрез отложений Дюктайской пещеры и предпещерной площадки по линии а-б-в:

I - дерн;
2 - темносерая комковатая супесь с растительными остатками;
3а- коричневато-желтоватая горизонтально-слоистая супесь с большим содержанием растительных остатков (отложения современной высокой поймы);
3б- темнокоричневая сильно гумусированная супесь;
4 - темно-серая супесь;
5 - светлосерый комковатый суглинок (погребенный почвенный слой II надпойменной террасы);
6 - желтовато-сероватый опесчаненый делювиальный суглинок;
7а- желтовато-сероватая горизонтально-слоистая аллювиальная супесь с прослойками и растительными остатками;
7б- серовато-желтоватая горизонтально-слоистая аллювиальная супесь с линзами растительных остатков;
7в- серовато-голубоватая неясно слоистая аллювиальная супесь;
8 - желтовато-сероватый опесчаненый суглинок с отдельными аллювиальными линзами желтоватой супеси у входа в пещеру;
9 - желтая супесь;
I0 - коричневато-бурый суглинок;
II - серовато-желтый комковатый суглинок (делювий);
I2 - желтоватая горизонтально-слоистая аллювиальная супесь;
I3 - кембрийские известняки;
I4 - щебенка;
I5 - положение образцов на C^{14};
I6 - линии раскопа;
I7 - меженный урез р.Дюктай

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

В.А.Ранов

ОСТАТКИ СТОЯНОК КАМЕННОГО ВЕКА У СОМОНА ИХ-ТАМИР (МОНГОЛИЯ) И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В серии статей, освещающих итоги исследований, проводимых многолетней Советско-Монгольской археологической экспедицией, которой руководит академик А.П.Окладников, рассмотрены основные особенности культур каменного века Монголии и намечены предварительные рамки их периодизации (Окладников, 1962а; Окладников, Ларичев, 1963, 1967; Окладников, Троицкий, 1967; Окладников, 1964; Ларичев, 1963; Ларичев, Волков, 1964; Окладников, 1973). Последняя, согласно этим работам может быть представлена следующим образом. Отдельные галечные орудия, найденные в северо-западных аймаках, так же у Сайн-Шанда и, равным образом, переживание "галечной техники" в более позднее время, позволяют предположить, что в основании палеолитических культур Монголии могут находиться памятники, для которых характерно распространение так называемых "pebble-tools" - галечных орудий, в основе которых лежит использование естественной формы гальки. Вместе с тем, недавние находки ашельских рубил-бифасов и пластин леваллуазского облика у горы Ярх (к западу от Сайн-Шанда) свидетельствуют о более сложной истории древнепалеолитического населения Монголии. А.П.Окладников склонен считать, что последняя традиция в отличие от автохтонной галечной куль-

туры, могла проникнуть в пустынные области Центральной Азии откуда-то с запада (Окладников, 1972).

Средний палеолит представлен зафиксированными в ряде мест Гобийской пустыни следами развеянных стоянок людей мустьерской эпохи в ее леваллуа-мустьерской технической фации. Генезис этой культуры пока неясен. Еще не видно реальной возможности вывести памятники этого типа из предшествующих культур, тем более, что возникновение леваллуа-мустьерской традиции непосредственно из галечных культур маловероятно (Равь, 1968; Окладников, 1973). Некоторые новые аспекты этого плана дают упомянутые выше находки у Сайн-Шанда. А.П.Окладников и Б.Е.Ларичев склонны объяснять появление леваллуа-мустьерских культур в Центральной Азии миграцией мустьерских "племен" из районов, расположенных западнее, в частности, из Средней Азии. Отмечается и другое направление культурных связей - известный динцунский комплекс на р.Фэнь (Окладников, 1962а; Chen [illegible], 1966). В общих чертах с высказанным мнением соглашается и М.Габори (1963).

Наибольшее количество материалов имеется по верхнему палеолиту. По данным А.П.Окладникова и Б.Е.Ларичева, основная стоянка этой эпохи - Мойлтын-Ам на р.Орхон имеет пять стратиграфически четко прослеживаемых культурных слоев, различающихся так же и по материалу, что позволяет проследить последовательное развитие верхнепалеолитической культуры Монголии, начиная с наиболее ранних этапов и кончая финальными стадиями (Окладников, Ларичев, 1963). Изменение и развитие техники раскалывания камня по слоям идет к замене нуклеусов леваллуазского типа подпризматическими, а затем и призматическими с соответствующим изменением характера заготовок. В нижних слоях полностью превалирует мустьерская техника раскалывания камня, встречены леваллуазские и реже дисковидные нуклеусы, скребла, остроконечники. Но наличие большого количества галечных орудий, редких призматических нуклеусов и скребков на крупных отщепах заставляет датировать нижние слои началом верхнего палеолита. Верхний слой принадлежит уже мезолиту и отличается как по набору инвентаря, так и стратиграфически. Важно появление настоящих нуклеусов-скребков гобийского типа.

Таким образом, имея ряд моментов сходства с сибирским палеолитом (Окладников, Ларичев, 1963), материал из Мойлтын-Ама демонстрирует и большое своеобразие каменного инвентаря, специфические черты, присущие палеолиту Центральной Азии. Конечно, предварительные сообщения до подробной публикации памятника не могут дать ясного представления об этом сложном и трудном для анализа материале.

К верхним слоям Мойлтын-Ама примыкает и целая серия местонахождений, встреченных в различных районах Монголии и прежде всего в районе г.Улан-Батора, по рр. Толе и Орхону. Здесь главную роль в изготовлении орудий играют галечные нуклеусы, в ряде случаев превращенные в орудия – чопперы. Они сопровождаются большим количеством отщепов, реже пластин. Орудия представлены скребками и остриями на отщепах, реже – крупными скреблами. Увеличивается и количество нуклеусов-скребков. В целом, инвентарь этих стоянок, отнесенных исследователями к поздним этапам верхнего палеолита и отчасти – к мезолиту, имеет более грубый и аморфный облик по сравнению с материалами из Мойлтын-Ама. Интересно, что леваллуазские формы, хотя и в меньшем количестве, встречаются и здесь.

Приведенные выше данные показывают, что палеолит Монголии, в целом, принадлежит к кругу "азиатских культур", для которых характерны свои технические традиции, связанные с особыми приемами раскалывания камня – "галечной техникой" (Окладников, 1964).

Что же касается неолита, то несмотря на работы Американской Центрально-азиатской экспедиции, весьма скупо опубликованные (Ларичев, Волков, 1964), солидную монографию И.Марингера, описавшего сборы Ф.Бергмана (Maringer, 1950) и, наконец, новейшие открытия Советско-Монгольской экспедиции, периодизация и хронология этого периода оставляет желать много лучшего (Окладников, 1964; 1962а; Maringer, 1963; Деревянко, Окладников, 1969). Следует отметить, что, как правило, во всех публикациях к неолитическому времени относятся только стоянки с кремневым инвентарем, в которых в той или иной степени достаточно хорошо прослеживаются черты пластинчатой техники расщепления первичного материала. Все же другие памятники, в ко-

торых присутствуют галечные орудия и в инвентаре которых не встречаются изделия из кремня, а только из грубых пород, относят к палеолиту или в отдельных случаях в связи с присутствием в коллекциях нуклеусов-скребков гобийского типа – к мезолиту.

Такова в общих чертах периодизация каменного века Монголии в том виде, в котором она представляется на основании публикаций, имеющих, за исключением уже устаревшей монографии И.Маринге́ра, самый предварительный характер. Еще более сложно обстоит вопрос с хронологией и геологической датировкой палеолитических памятников. Специальных работ, посвященных четвертичным отложениям Монголии, почти нет (Маринов, 1967). Единственной серьезной работой по увязке археологических памятников каменного века с четвертичными образованиями и геоморфологическими уровнями является исследование С.Л.Троицкого, принимавшего участие в работах отряда Советско-Монгольской экспедиции в 1964 г. Работа посвящена геологической привязке памятников каменного века лишь одного района – Центральной части МНР, в основном в долине р. Толы и у Хархорина. Для выяснения геологического возраста палеолита других районов Монголии, в частности, важных стоянок в Гоби, Гобийском Алтае и на западе страны, требуются специальные исследования.

По данным С.Л.Троицкого, палеолитические стоянки на рр. Орхон и Тола связаны с "покровным комплексом" пролювиально-делювиального происхождения, завершающем отложения II региональной террасы. II терраса в целом сопоставляется этим исследователем с зырянским (вюрмским) временем "в самом широком объеме" (Окладников, Троицкий, 1967). "Покровный комплекс" соответствует в этом случае последней межстадиальной эпохе (каргинской по сибирской геохронологии), которая имела место 32–20 тыс.лет тому назад. Что же касается более высоких уровней: 30–40 м (храмовая) терраса на р.Тоде, 60–70-метровые уступы и соответствующие им формы рельефа на р.Орхон, водораздельные стоянки вроде Эрденисант – то палеолитические материалы, собранные на этих, относящихся к среднему плейстоцену уровнях, принадлежат к относительно молодым культурам, распространенным ниже, на

второй региональной террасе (Окладников, Троицкий, 1967)[1].

В мае 1968 г., во время научной командировки в МНР, автору представилась возможность визуально познакомиться с некоторыми памятниками эпохи палеолита в долине р.Толы и по р.Орхону. Вместе с А.Д.Грачом и монгольским археологом Д.Нацагдоржем, мы провели разведку археологических памятников в сомоне Их-Тамир, расположенном в северных отрогах Хангайского хребта на р.Хойт-Тамрын-Гол, правом притоке р.Орхон. Упомянутой выше экспедицией в этом районе, но на левом берегу реки, на низкой I надпойменной террасе зафиксирована "мастерская-фактория", расположенная вблизи известной скалы Тайхир-Чулу. На правом берегу специальных поисков не проводилось.

Небольшие по масштабам работы, которые мы провели в районе Их-Тамира, дали достаточно выразительную коллекцию каменных изделий (35 экз.)[2], а также показали разнообразный характер залегания обработанного камня на различных формах рельефа местности.

Правый берег р.Хойт-Тамрын-Гол в районе сомона Их-Тамир имеет очень широкую и низкую (I-I,5 м) I надпойменную террасу, покрытую галечником, кое-где слабо задернованным. Сам поселок расположен на поверхности древней боковой долины, образующей сейчас II надпойменную террасу сложного аллювиально-пролювиального генезиса. Высота ее I0-I2 м, и по своему положению она соответствует нижним уровням II надпойменной террасы рр. Толы и Орхона (Окладников, Троицкий, 1967). Ниже поселка долина сужается, и здесь имеется серия останцев, возвышающихся над рекой на 40-60 м. Это останки цокольной террасы, по-видимому, среднеплейстоценового времени, соответствующие одному

I. Критические замечания по поводу изложенной периодизации каменного века Монголии, высказанные Я.Козловским (Kozlowski, I970), вряд-ли могут быть полностью приняты, так как они основываются на очень незначительном археологическом материале, собранном автором во время короткой поездки в северную часть Гоби в 1968 г. Отметим, однако, полезные геоморфологические наблюдения, приведенные в этой работе.

2. Коллекция передана Институту истории АН МНР и ныне хранится в Археологической лаборатории этого института.

из уровней этого периода[3]. Останцы, протянувшиеся вдоль реки на несколько километров, сложены коренными породами и лишь кое-где на них можно встретить тонкий слой супеси, а в западинах и ямах - речную гальку. Первый из этих останцев носит название Тээг. Выше трех описанных террасовых образований, оконтуривая долину Их-Тамира, идут обычные для Центральной Монголии мягкие увалистые гряды, соответствующие еще более древним эпохам плейстоцена.

Точки, в которых был собран археологический материал, располагаются на следующих элементах рельефа:

Точка I - на галечниках I-й надпойменной террасы.

Точка 2 - у внешней бровки II-й надпойменной террасы напротив магазина в самом поселке, на ее поверхности.

Точка 3 - западнее поселка, в глубине террасы, там, где на аллювий ложится молодой "покровный комплекс", на пахоте, вскрывшей почвенный слой и верхнюю часть красновато-бурой супеси. Находки встречались на протяжении I,5 км.

Точка 4 - на дороге, идущей по лощине, отделяющей возвышенность Тээг от увалистых холмов правого берега реки.

Точка 5 - на склоне возвышенности Тээг и на его плоской поверхности.

Точка 6 - на склоне следующего за возвышенностью Тээг останца, ближе к западному его окончанию.

Точка 7 - на поверхности этого же останца.

Таким образом, обработанный камень найден на различных уровнях над рекой и совершенно очевидно, что в отдельных случаях (точки I,4, отчасти 5,6) орудия были перемещены и даже переотложены на значительном расстоянии от места их изготовления или использования. Судя по всему, перемещение изделий каменного века является обычным явлением для Центральной Монголии и пример Их-Тамира указывает на необходимость максимальной точности при описаниях положения орудий, найденных на дневной поверхности.

---

3. Очевидно, уровню, следующему по высоте за "храмовой" террасой.

Приведем темерь суммарную характеристику археологического материала, найденного у сомона Их-Тамир (общая протяженность района находок около 3-х км).

Точка I. Единичная находка - крупный, слегка окатанный отщеп из черной кремнистой породы, довольно массивный, со слегка изогнутой ударной площадкой (рис.I - 3).

Точка 2. Единичная находка - нуклеус подпризматический из темно-зеленого кремнистого сланца. Хотя нуклеус по форме и близок призматическим, он может рассматриваться и как прототип торцового нуклеуса более позднего времени - в его форме можно проследить зарождающиеся моменты "гобийских" нуклеусов мезонеолитической эпохи. Нуклеус вытянут по сагиттальной линии и на стороне, противоположной его торцу, имеется несколько поперечных сколов. Тенденция к круговому скалыванию не имеет здесь места. Судя по фасеткам, с нуклеуса скалывались небольшие пластинки более или менее правильной формы. Площадка одна, овальной формы (3,5 х 3,2 см), расположенная под небольшим углом к рабочей поверхности, тщательно обработана (рис.2 - I). Такие нуклеусы имеются в коллекции из Мойлтын-Ама, где встречаются односторонние нуклеусы с пластинчатой огранкой поверхности (рис.2 - 2) [4].

Точка 3. Среди материала, собранного здесь, резко выделяются два нуклеуса, прежде всего состоянием поверхности: они сильно окатаны и патинизированы, тогда как остальные предметы, если и патинизированы, то в незначительной степени. Отличаются они и по своему облику, значительно более архаичному. Первый нуклеус дисковидный или, скорее, кубовидной формы из ноздреватой темно-серой породы типа окремненных базальтов. Скалывание носит радиальный характер. Край нуклеуса, как это бывает обычно у мустьерских нуклеусов, угловатый, изломанный. Средняя величина извилин - I,5 см (рис.2 - 4). Подобные нуклеусы нередки в нижних горизонтах Мойлтын-Ама, а вне Монголии встречаются, в частности, в Средней Азии (Кара-Бура, "Георгиевский бугор" и др.). Другой нуклеус также типологически бли-

4. Подъемный материал, собранный во время нашей поездки 1968 г.

зок к мустьерским, но он уже другого типа - полюсной, двухплощадочный (рис.2 - 3).

Не менее выразительны собранные в точке 3 галечные изделия. Это два галечных нуклеуса, которые отличаются от двухсторонне обработанных галечных орудий - чоппингов - положением площадки для скалывания, - во-первых, она расположена под прямым или близким к прямому углом, во-вторых, это уже настоящая ударная (отбивная) площадка нуклеуса, тогда как у чоппингов такой площадкой служит поверхность сколотого ранее отщепа (рис.3 - 2,3).

Из галечных орудий наиболее хорошо выражен чоппер с поперечным рабочим краем (рис.3 - I), совершенно аналогичный орудиям, описанным А.П.Окладниковым как чопперы с узким лезвием (Окладников, 1962б). Такие орудия в большом количестве собраны этим исследователем в районе оз. Орок-Нор. Не менее характерны они и для позднепалеолитических комплексов района г.Улан-Батор. Помимо нескольких отщепов найдено и одно орудие-обломок острия или остроконечника. Ретушь круговая, пластинчатая, очень крутая, местами почти затупливающая. Тщательно обработан и притупленный конец изделия. Толщина в изломе - 0,6 см (рис.4 - I).

Точка 4. Здесь собрано несколько отщепов и сильно патинизированный нуклеус. Отщепы обычного облика, широкие, неправильной формы, "мустероидные" по своему характеру (рис.I - I). Среди них имеется скребловидный инструмент - отщеп с небрежной ретушью, нанесенной с брюшка (рис.I - 2).

Точка 5. По геоморфологической позиции находок - это наиболее интересный пункт около Их-Тамира. Хорошо выраженный одноплощадочный нуклеус, скалывание с которого производилось под углом 90°, найден в верхней части склона с западной стороны возвышенности Тээг. В нижней части склона среди обломочного материала поднято интересное орудие типа широкого остроконечника или, вернее, двойного скребла с одним прямым, а вторым слегка выпуклым лезвием. Последнее обработано очень тщательно мелкой ретушью по самому краю и более широкими фасетками выше. Угол заострения около 50°. Прямая сторона обработана лишь на отдельных участках. Кончик орудия сломан в

процессе работы или же притуплен поперечным сколом, перпендикулярным длинной оси изделия. Орудие заметно окатано. Патина средней интенсивности. Изготовлено из плитки темно-серой кремнистой породы (рис.4 - 2).

Некоторое количество предметов найдено непосредственно на плато, на поверхности тонкой прослойки почвы, перекрывающей местами коренные породы возвышенности Тээг. Это - 6 отщепов, скребок с круговой ретушью и чоппинг. Отщепы в основном мелкие, маловыразительные. Такие отщепы могут встретиться в коллекциях очень широкого временного диапазона (рис.I - 4,5). Один из них при помощи небрежной ретуши, нанесенной с брюшка, превращен в скребловидное орудие (рис.I - 6).

Скребок изготовлен из широкой массивной пластины толщиной в I,4 см, имеющей неправильную форму, причем выпуклая часть заготовки не была удалена, а обработана, как и все остальное лезвие, приостряющими сколами с углом заострения 70^0 (рис.4 - 3). Орудие имеет прямые аналоги в коллекции из Мойлтын-Ам. А.П.Окладников отмечает для нижних слоев этого памятника присутствие скребков, "изготовленных из широких древних пластин, сходных с солютрейскими в Европе" (Окладников, I964). Мы нашли точно такой же скребок недалеко от раскопа при посещении Мойлтын-Ама.

Очень интересное галечное орудие было обнаружено А.Д.Грачом в западной части плато. Изделие частично находилось в земле. Это - чоппинг (менее вероятно - галечный нуклеус) из гальки желтой кварцитовидной породы. Галька крупная и тяжелая. Максимальная толщина - 9 см. Рабочий край поперечный, сделан на расширяющейся части гальки. Лезвие угловатое, оформленное небрежно, фасетки сколов неровные, с заносами, обломами, ступенчатые. Угол заострения примерно 70^0. Рабочий край забит, специальная подправка отмечается с одной стороны лезвия. Рабочий край в целом прямой с зигзагом в центральной части. Он смещен к левой стороне гальки. Галечная корка снята с одной стороны примерно на 60% поверхности, с другой - меньше (рис.5). Изделие такого типа вполне можно обнаружить среди двусторонне обработанных галечных орудий древнего или позднего соана, ранних галечных орудий Средней Азии и т.д.

Точка 6. На склоне следующего за возвышенностью Тээг останца найдено обычное галечное орудие с плоским основанием, чрезвычайно живо напоминающее галечные орудия гиссарской культуры Южного Таджикистана (рис.6 - I), и несколько отщепов.

Точка 7. На поверхности этого же останца найден крупный отщеп со слегка подправленной ударной площадкой. Небольшой участок края ретуширован и превращен в прямое лезвие скребловидного или ретушного характера (рис.6 - 2).

Несмотря на приведенные аналогии, датировать собранный у Их-Тамира материал очень трудно. Судя по всему, мы имеем дело с остатками разновременных стоянок, в процессе разрушения которых происходило смещение каменных орудий. Об этом говорит, в частности, факт нахождения изделий каменного века на трех надпойменных террасах р.Хойт-Тамрын-Гол. В основном собранный материал соответствует находкам в районе Улан-Батора и по р. Толе, т.е. концу палеолита - мезолиту по А.П.Окладникову. Стоит обратить внимание на следующий факт. Геологическая привязка ашельских и мустьерских стоянок Гобийского Алтая и недавно открытых новых пунктов у г.Кобдо (Западная Монголия) пока не осуществлена. В Центральной же Монголии мустьерских памятников не обнаружено, хотя в упомянутых публикациях отмечалось, что в нескольких пунктах ниже слоя с галечными орудиями и нуклеусами-скребками in situ были найдены дисковидные и левалуазские площадочные нуклеусы (Сонгино, Булун-Худжир). Поразительное сходство части коллекции из нижних (особенно 5 и 4 слои) горизонтов Мойлтын-Ама с типичными мустьерскими орудиями Средней Азии, Ближнего Востока и Европы неоднократно отмечалось А.П.Окладниковым и В.Е.Ларичевым [5]. С другой стороны, примесь орудий, выполненных техническими приемами, свойственными уже для последующего времени, омолаживает нижние слои Мойлтын-Ама, по крайней мере, до ранних этапов верхнего палеолита. К сожалению, краткое суммарное описание раскопок

---

5. В справедливости этого наблюдения мы убедились, просматривая коллекцию из Мойлтын-Ама, хранящуюся в Археологической лаборатории Института истории АН МНР (например, коллекционные номера 0222, 0054, 0083, 0084 и мн.др.).

памятника и беглое – его геологии, затрудняют понимание этого исключительно важного с многих точек зрения объекта.

Исследователи монгольского палеолита склонны считать, что мы здесь сталкиваемся с исключительно длительным переживанием собственно мустьерской техники раскалывания камня. Широко пользуясь термином "леваллуа", применяемом обычно к определенной исторической эпохе (поздний ашель-мустье), А.П.Окладников указывает на переживание леваллуа-мустьерских традиций в ряде областей Азии (Алтай, МНР, Сибирь) не только в верхнем палеолите, но и в постпалеолитических культурах (Окладников, 1966). Хорошо известная стоянка Шуйдунгоу в Ордосе также дает смешение элементов мустьерской и верхнепалеолитической техники (Boule, Breuil, Licent et Teilhard, 1928; Цзя Лань-По, Гай Пэй и Ли Янь-Сянь, 1964). Но в этом случае нет достаточных оснований датировать мустьерским временем и другие памятники, такие, как Оцон-Майнт, Арц-Богдо, Богдо-Сомон и др., тем более, что все они представляют собой открытые стоянки, к тому же не имеющие геологической привязки [6]. Нам кажется, что предположение о длительном переживании мустьерской техники в палеолите Монголии совершенно справедливо и имеет право на существование. Однако фактический материал еще нельзя считать исчерпывающим. Необходимы широкие и целенаправленные исследования, которые должны вскрыть ряд непонятных пока моментов, в частности показать невозможность механического смешения разновременных материалов. Так, вплоть до полной публикации Мойл-

---

6. В работе J. Kozlowski. The Problem of the so-called Ordos culture in the light of the Palaeolithic finds from Northern China and Southern Mongolia. Folia Quaternaria, t.39, Krakow, (1971) автор, сопоставляя серии А и В1 Шуйдунгоу с монгольскими материалами типа Оцон-Майнт, пишет: "С точки зрения культурной принадлежности эти культуры характеризуются применением пластинчатой техники и типичным для верхнего палеолита комплексом орудий, а так же среднепалеолитическими традициями, особенно переживанием некоторых леваллуазских традиций, распространенных в леваллуа-мустье Центральной Азии" (стр.95). Эта мысль, также как и предложенная в этой работе периодизация палеолитических памятников Ордосса и Монголии не подкреплена у Я.Козловского достаточно убедительными доводами. Взять хотя бы совершенно формальное, ничем не доказанное сопоставление центральноазиатских памятников с ледниковой хронологией Сибири. Мы считаем необходимым более осторожный подход к датировке южномонгольских палеолитических памятников.

тын-Ама нельзя исключить вероятность сноса с более высоких уровней части материала (возможно, - мустьерского облика). Во всяком случае характер отложений и динамика их образования (сувеси делювиально-пролювиального характера, силевой вынос), отсутствие очагов и других элементов культурного слоя в нижней части разреза раскопа не могут полностью исключить такой возможности [7]. В пользу столь осторожного подхода говорит и то, что "покровный комплекс", с которым связаны почти все палеолитические находки в Центральной Монголии формировался отчасти за счет разрушения рыхлых отложений более высоких уровней (Окладников, Троицкий, 1967).

Находки в районе сомона Их-Тамир подтверждают, что в отдельных случаях палеолитические изделия встречаются на высоких террасах, возможно, среднеплейстоценовых по своему возрасту. Несмотря на незначительное количество материала, наличие мустьерских (?) нуклеусов явно переотложенных (точка 3), галечное орудие и отщепы (точки 5 и 7) с поверхности высокой террасы, скребло и одноплощадочный нуклеус, найденные на западном склоне горы Тээг, свидетельствуют, что часть собранного внизу на второй надпойменной террасе могла переотложиться сверху. Если подходить к этому уголку Центральной Монголии с мерками, выработанными для значительно подробнее изученной Средней Азии, то с останца Тээг и близких ему уровней, соответствующих по высоте над уровнем воды к общему положению в рельефе долины молодой части среднеазиатских среднеплейстоценовых террас - Q_2^2 , должны смываться и переоткладываться именно орудия мустьерского времени (Ранов, 1965). Это не значит, конечно, что мустье Монголии соответствует по возрасту

---

7. В 15-20 м выше раскопа на склоне, ведущем к небольшой площадке, соответствующей более древней ("храмовой") террасе, нами найден превосходный односторонний остроконечник из кремнистого сланца, отличающийся тщательной "стелющейся" ретушью, не выходящей, однако, за рамки мустьерской вторичной обработки (рис.6 - 3).

столь древней части плейстоценовой эпохи, так как цоколь (базальная часть) террасы и его рыхлый покров могли вырабатываться в разное время; последний, в частности, в верхнем плейстоцене (Костенко, Ранов, 1966), но это значит, как кажется автору, что, если подлинные мустьерские памятники когда-нибудь будут найдены в Монголии (их облик и отличие от нижних слоев Мойлтын-Ама трудно себе представить, возможно, что различия будут лишь количественными), их первоначальное положение должно быть связано не со второй, а с третьей, а, может быть, и с четвертой террасами или их аналогами.

Значение работ Советско-Монгольской экспедиции для исследования каменного века Сибири трудно переоценить. Судя по первым памятникам, известным на сегодняшний день, Тува и Монголия составляли единую палеолитическую область и культуры различных этапов каменного века Тувы были, скорее, сходны с культурами Монголии, чем с ближе расположенными памятниками Минусинской котловины. Помимо географических причин (трудность прохождения через Саяны (Астахов, 1966) важную роль здесь играло сходство экологических условий Тувы и северо-западной части Монголии. Вполне возможно, что в Туве, где древние среднеплейстоценовые уровни сохранились лучше, чем в Центральной Монголии, и будет решена "загадка" центральноазиатского мустье, вставшая с такой остротой в результате исследований в Монголии.

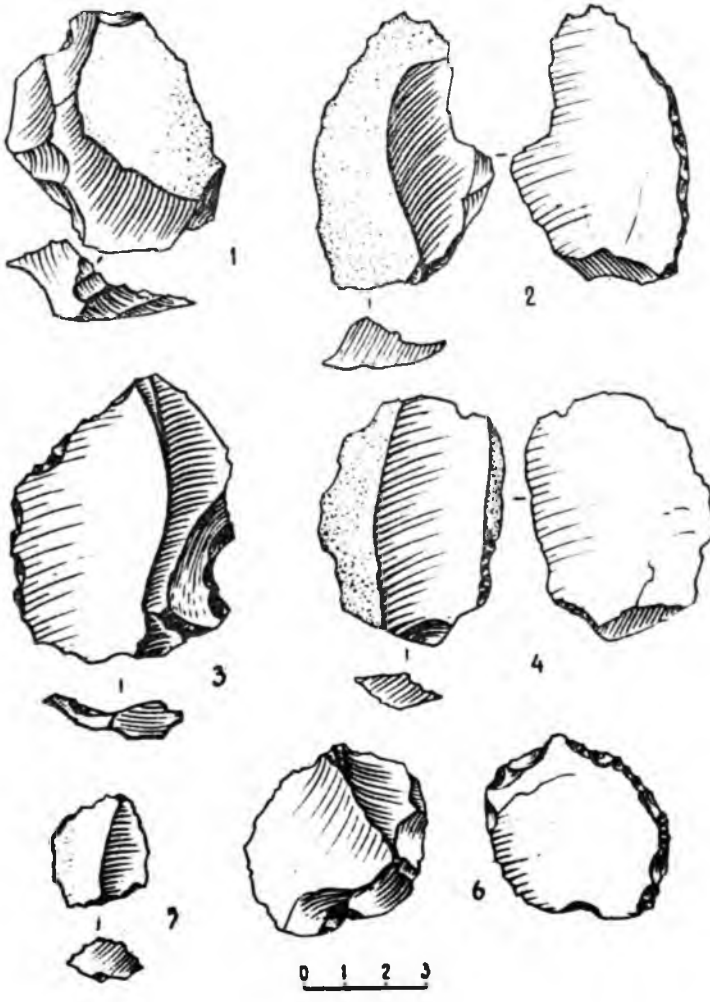


Рис.I. Отщепы, грубые пластины, скребловидные инструменты: I-6 - Их-Тамир

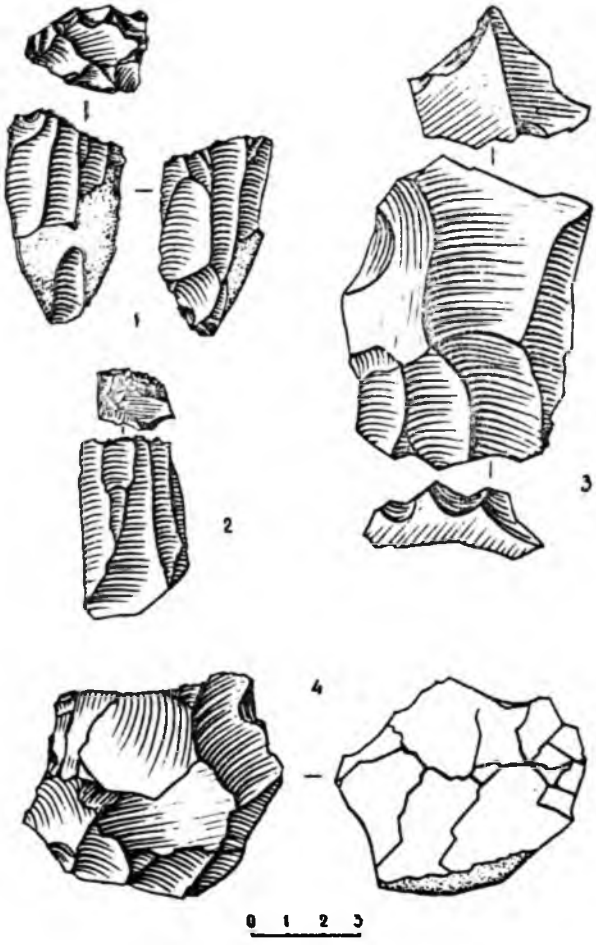


Рис.2. Нуклеусы: I, 3-4 - Их-Тамир, 2 - Мойлтын-Ам

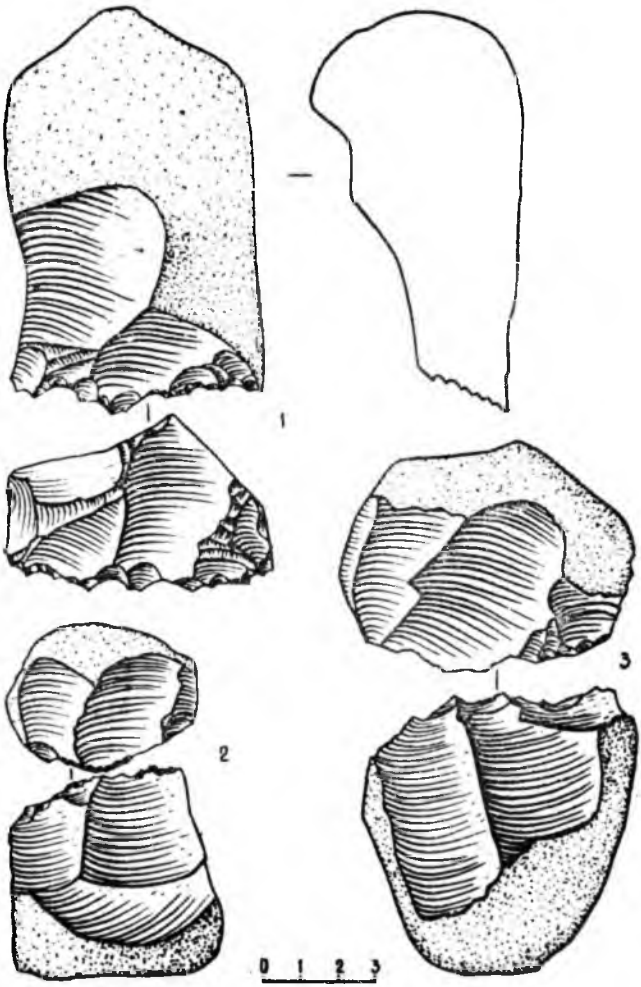


Рис.3. Галечные нуклеусы и чоппинги: I-3 - Их-Тамир

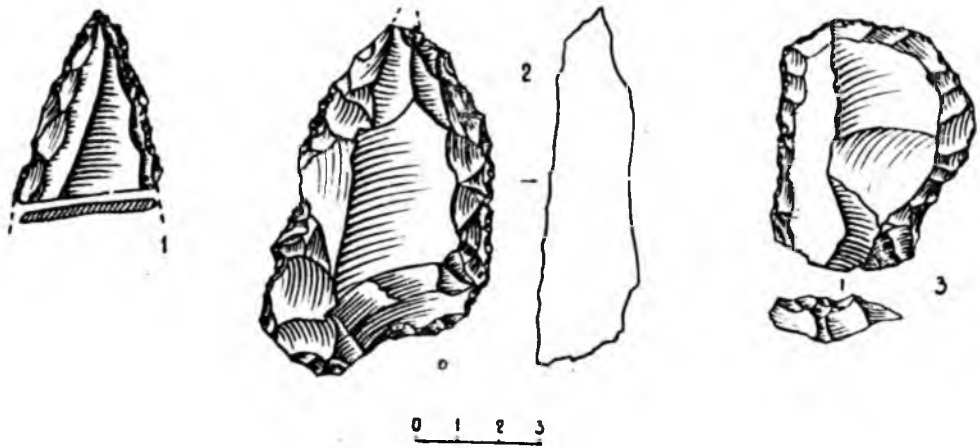


Рис.4. Остроконечник, скребло и концевой скребок: I-3 - Их-Тамир

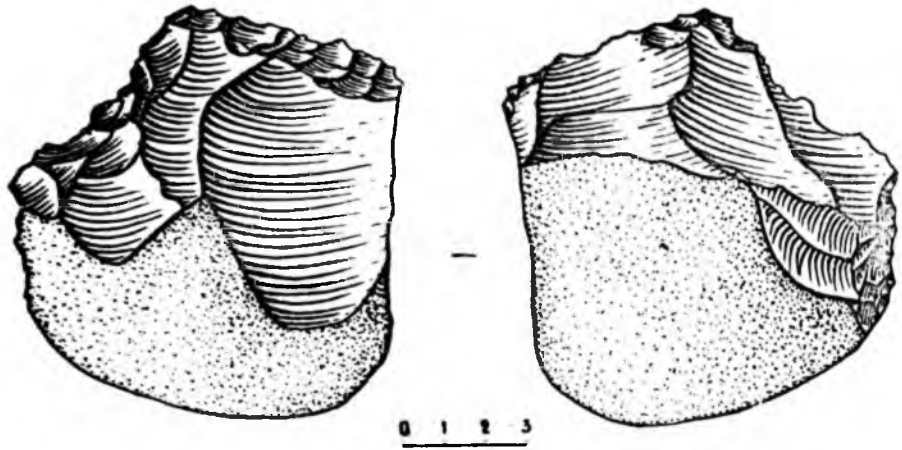


Рис.5. Чоппинг с поверхности возвышенности Тээг

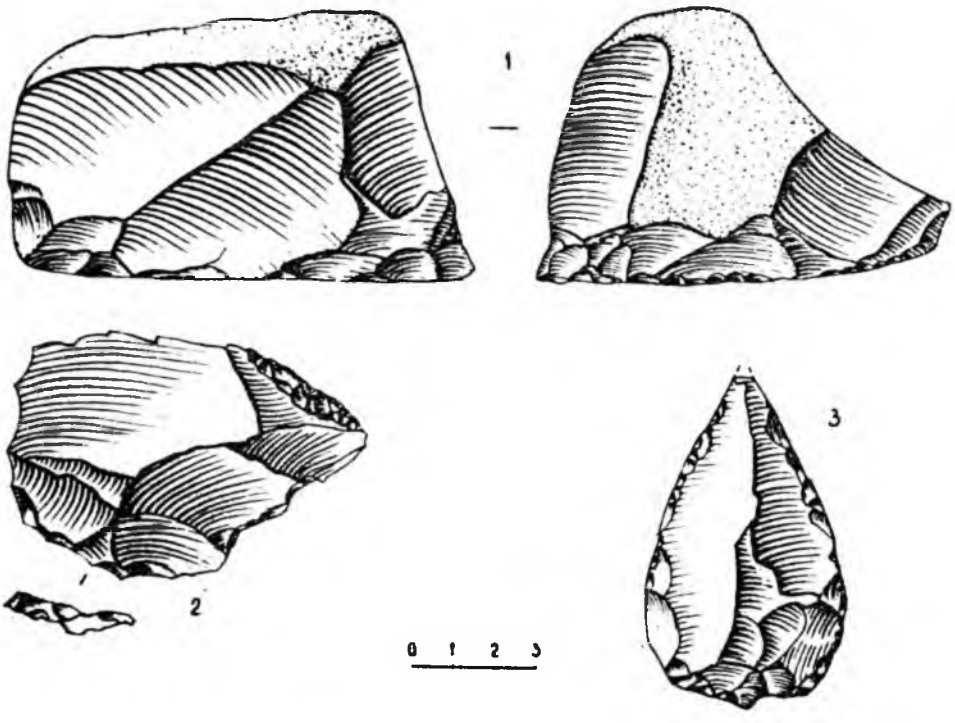


Рис.6. Галечное орудие, отщеп с подправкой и остроконечник:
1-2 – Их-Тамир, 3 – Мойлтын-Ам

М.П.Аксенов, П.Е.Шмыгун

ШИШКИНО II

В районе ранее известной стоянки Шишкино на р.Лене (Окладников, 1953б) в августе 1971 г. Денской партией археологической экспедиции Иркутского университета было обнаружено новое многослойное местонахождение (Аксенов, 1972). Оно получило условное название Шишкино II (рис.1).

Стоянка расположена на второй надпойменной террасе, которая образует правый устьевой мыс пади Шаманка (18-й км) тракта Качуг - Жигалово). Русло сухого ручья в тальвеге пади отделяет его от обнажений 80 м террасы со знаменитыми Шишкинскими писаницами. Новый памятник находится в непосредственной близости от старого раскопа А.П.Окладникова на стоянке Шишкино. Эти местонахождения разделяет полотно шоссе Качуг - Жигалово, но дислоцируются они на различных террасах. Шишкино II - на второй (10-12 м), Шишкино - на первой (6-8 м). В 1973 г. на базе шурфа № I 1971 г. был развернут раскоп площадью 67 м^2. Наряду с археологическими материалами получены новые данные, позволившие детализировать геолого-стратиграфическую часть исследования. В месте раскопок выявлена следующая ситуация залегания рыхлых отложений (рис.2):

Сверху вниз	Мощность в м
I. Почва. Гумусированный горизонт.	
I культурный слой	0,10-0,15

2. Подпочва. Осветленный горизонт почвы с вкраплениями дресвы. П культурный слой 0,10-0,15

3. Лессовидная палевая супесь, заметно карбонатизированная. В подошве слоя выявлены устья морозобойных трещин 0,10-0,30

4. Прослойка серого среднезернистого песка. Верхи пойменного аллювия 0,10-0,15

5. Прослойка сильно карбонатизированной палевой супеси. Редуцированная погребенная почва. Ш культурный слой 0,08-0,10

6. Горизонтально слоистые чередующиеся прослойки карбонатизированных супесей, илов, суглинков, песков. Карбонатизация заметно усиливается к подошве толщи 1,40-1,50

7. Прослойка красноватой супеси с включением дресвы, мелкого щебня и серого крупнозернистого песка 0,10-0,20

8. Палевая супесь с тонкими прерывистыми пропластками серого и красноватого песка 0,50-0,60

9. Щебень, галька, песок, илы. Русловой аллювий

Стратиграфически четкая картина отложений осложнена двумя генерациями гетерогенных по характеру трещинно-полигональных систем. Верхний ярус трещин связан с особенностями протекания природного процесса в голоцене. Трещины шириной 10-15 см, длиной 50-70 см прослеживаются в разрезе от верхов современной почвы. В плане они образуют полигональную решетку трещин с длиной сторон 0,5-1,0 м. Подобные структурные деформации, связанные с позднеголоценовыми и современными отложениями, прослежены на ленских археологических памятниках повсеместно на пространстве от пос.Качуг до р.Витима.

На местонахождениях, где современный почвенный покров маломощен и незадернован (Поповский Луг, раскоп № 2), эти трещины прослеживаются на поверхности. Полигонально-жильные образования, связанные с современным морозным растрескиванием в деятельном слое широко распространены на территории Сибири (Каплина, 1973; Данилова и Баулин, 1973). Трещинами этой поздней генерации нарушены отложения, вмещающие культурные остатки бронзы, неолита (I слой) и позднего мезолита (II слой). В результате явно разновозрастные остатки перемешаны. Совместно с изделиями, характерными для позднего мезолита (трансверсальный резец, рис.3 – 7; нож-уду, рис.3 – I) обнаружено несколько фрагментов керамики с отпечатками "сетки-плетенки", гладкостенной и бронзовая отливка.

Реликты более древней позднеплейстоценовой фазы криогенеза проявляются в разрезе, начиная с подошвы третьего слоя. Ширина трещин этой генерации в устьевой части 0,2–0,6 м, длина – более 2 м (они разрывают все нижележащие рыхлые отложения и уходят вершинами в русловой аллювий). Длина сторон трещин этой полигональной системы 2,0–2,5 м. Следы деформаций, полностью аналогичных шишкинским обнаружены на соседних близких археологических местонахождениях Макарово II и III (Аксенов, 1970; 1971; 1973). Уровень заложения этих трещин отмечает финальную вспышку криогенных процессов и является стратиграфической гранью между плейстоценом и голоценом.

Культурные остатки третьего слоя залегают в погребенной почве на контакте делювия с аллювием второй террасы, что полностью аналогично положению III культурного слоя на местонахождении Макарова II (Аксенов, 1974). Стратиграфическая однозначность отложений, заключающих остатки культурной деятельности людей на этих памятниках, позволяет синхронизировать III культурный слой Макарова II с III слоем Шишкино II. По образцам, взятым из кострищ III слоя Макарова II, ГИН АН СССР получены две даты, согласующиеся с результатами споро-пыльцевого анализа, проведенного палинологической лабораторией Института Земной коры СО АН СССР, – 11860±200 (ГИН-480а), 11400±500 л.н. (ГИН-480б), (Клид, Виноградова и др., 1973).

Культуросодержащие прослойки погребенных почв соответствуют по времени таймырскому потеплению сартанского оледенения (Кинд, 1973).

Абсолютный возраст позднемезолитических остатков из II культурного слоя должен быть не древнее даты 8000-7700 л.н. (ГИН-303), определяющей отложения с остатками мезолитической эпохи на соседнем памятнике Шишкино (Кинд, Виноградова и др., 1972).

Смешанность культурных остатков и отсутствие материалов, пригодных для анализа, не позволяют определить абсолютный возраст I слоя Шишкино II.

Фаунистические характеристики культурных комплексов на Шишкино II не многочисленны и бедны по видовому составу. В I слое определены остатки сибирской косули и суслика, во II – косули, суслика и костей птиц, в III – кости рыб и неопределимые осколки костей крупных млекопитающих.

Послойный анализ культурных остатков

I с л о й

В явно смешанном состоянии встречаются остатки, характерные для местных памятников эпохи палеометалла и неолита. Всего собрано 292 предмета. Из них керамики 35 фрагментов (с отпечатками "сетки-плетенки" – 3 фрагмента, гладкостенной – 14 фрагментов и гладкостенной с налепным валиком – 18 фрагментов).

Керамика составляет 12% от общего числа находок. 6,5% приходится на изделия из камня. Из них морфологически определимых орудий 3%: 1) концевой скребок из отщепа с крутой ретушью на дистальном конце. Ретушь заходит на I/5 дорсальной стороны, на остальной части сохраняется галечная корка (рис.3 – 10; 2) концевой скребок из отщепа с круто ретушированным дистальным концом (рис.3 – 6); 3) отбойник из удлиненной гальки (рис.4 – 1); 4) призматический микронуклеус (рис.3 – 8); 5) два ретушированных отщепа; 6) шесть призматических микропластинок; 7) две гальки с негативами околов. Сколы, отщепы, осколки кварцита составляют 37%. Фрагменты костей составляют 42,3% от всех находок (124 экз.).

II с л о й

Коллекция насчитывает 1920 находок. Основную массу (84%) составляют обломки костей. 2,3% - изделия из камня, в том числе 1% - орудия: 3 ножа (0,18%), 2 нуклеуса (0,1%), 10 скребков (0,52%), 24 призматических микропластинки (1,25%), нож-улу и трансверсальный резец верхоленского типа.

Один из ножей изготовлен из массивного краевого скола. Разнофасеточной ретушью частично обработаны оба фаса. Другой нож (унифас) изготовлен также из краевого скола. На вентральной стороне наблюдается несколько плоских сколов. Третий нож (бифас) изготовлен из обломка плоской гальки обработанной ударной ретушью (рис.3 - 2,4,5).

Скребки делятся на две типологические группы: боковые и концевые. Два боковых - из массивных краевых сколов с крутой ретушью (рис.4 - 5), два - из плоских отщепов. Концевых скребков шесть. Три из них изготовлены из призматических пластин, один из призматического скола, один из кремневого отщепа и один скребок с "ушком" - из плоского отщепа серого кремня (рис.3 - 3, 11-13). Найдено два одноплощадочных монофронтальных нуклеуса с призматическим принципом скалывания. Их дистальные концы подработаны в форме киля (рис.4 - 2,4). Кроме того, найдены отбойник из удлиненной гальки и отщеп с рабочей ретушью. Все эти формы характерны как для неолита, так и для позднего мезолита верхней Лены.

Однако имеются два орудия, характерные исключительно для мезолитических комплексов Прибайкалья. Это трансверсальный резец верхоленского типа и полулунный бифациально обработанный нож типа улу (рис.3 - 1,7). "Отходы производства" составляют 13,7%.

Большая часть "отходов производства" и кости концентрируются пятном вокруг очага и в самом очаге, вскрытом в юго-западной части раскопа. Конструктивно очаг II слоя является типичным для мезолитических комплексов верхней Лены. Он представляет собой округлую в плане яму диаметром 1,30 м. В верхней части прослеживаются остатки кладки из плитки песчаника. Под плиткой углистое заполнение мощностью до 0,20 м. В заполнении обнаружено

более 60 осколков кварцита. Под угластой линзой прослеживается зольник мощностью до 0,20 м. В зольнике и под ним собрано основное количество костей - 1405 фрагментов (73,2% от всех находок). Дно очажной ямы практически выходит на уровень Ш культурного слоя. Кроме костей и кварцита в очаге было найдено костяное острие - проколка (рис.4 - 7), 4 призматических микропластинки, 17 отщепов.

Основная масса находок тяготеет к очагу. Именно здесь, в юго-западной части раскопа наиболее четко проявляются криогенные деформации слоя.

Ш с л о й

Ш слой характеризуется остатками наземного округлого в плане жилища, конструктивно близкого мезолитическому жилищу Макарова I (Аксенов, 1970). Их сближает наличие очага с маломощным зольником и концентрическим расположением вокруг него плит "обкладки" жилища. На плитах очага, как и на Макарово I, обнаружено небольшое количество костей рыб (рис.5). Особенностью этого комплекса является исключительно малое количество находок - боковой скребок из отщепа красноватого кремня и нож из крупного пластинчатого скола, ретушированного с дорсальной стороны, 30 фрагментов кости (из них 25 рыбьей) и 30 отщепов, сколов, обломков галек. В силу криогенных деформаций, которым подвергались отложения этого слоя, первоначальное расположение находок нарушено.

Малое количество морфологически определимых орудий исключает возможность проведения сравнительного анализа инвентарного комплекса с синхронными памятниками этого района. Наличие же сходства в конструктивных особенностях жилища Шишкино II с макаровским мезолитическим является еще одним доказательством генетической связи позднего палеолита верхней Лены с мезолитическими комплексами этого района.

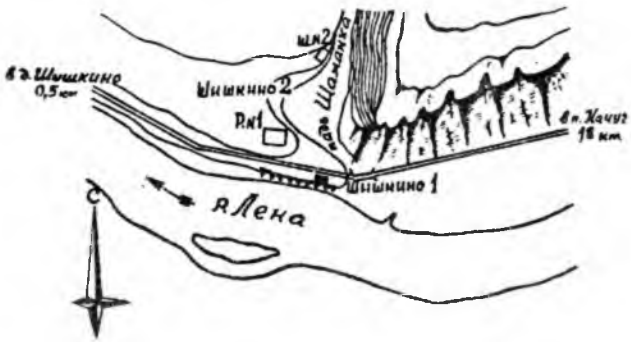


Рис.I. Ситуационный план

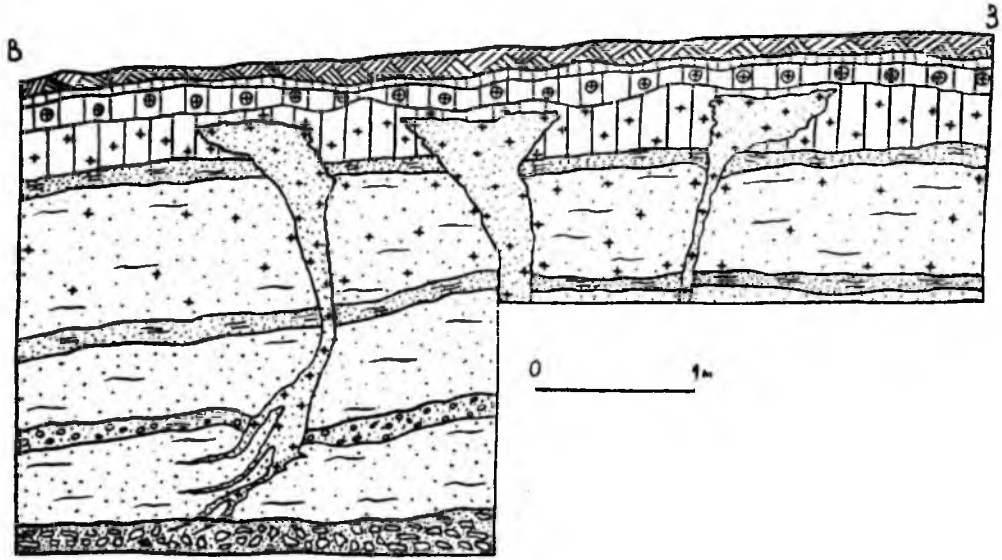


Рис.2. Разрез юго-восточной стенки раскопа № I

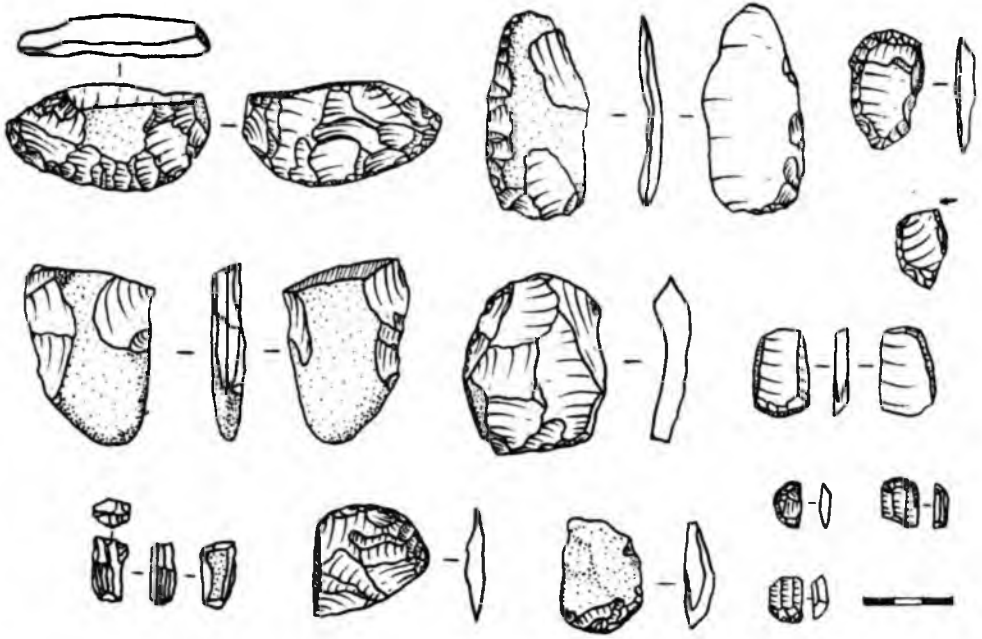


Рис.3. Изделия из камня

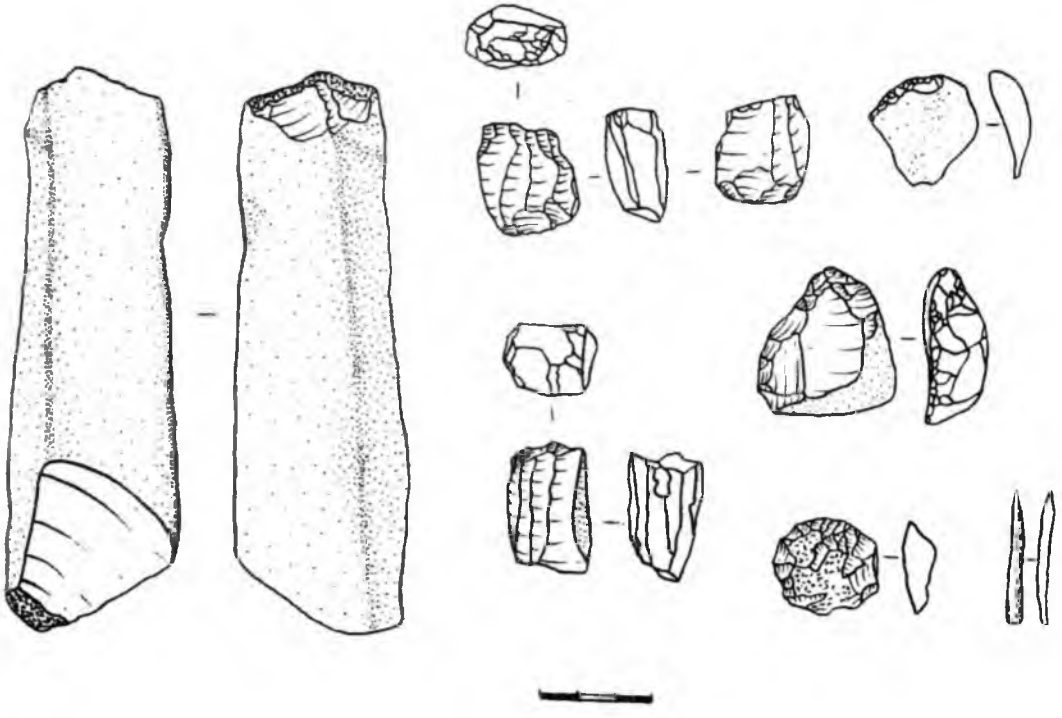


Рис.4. Изделия из камня и кости

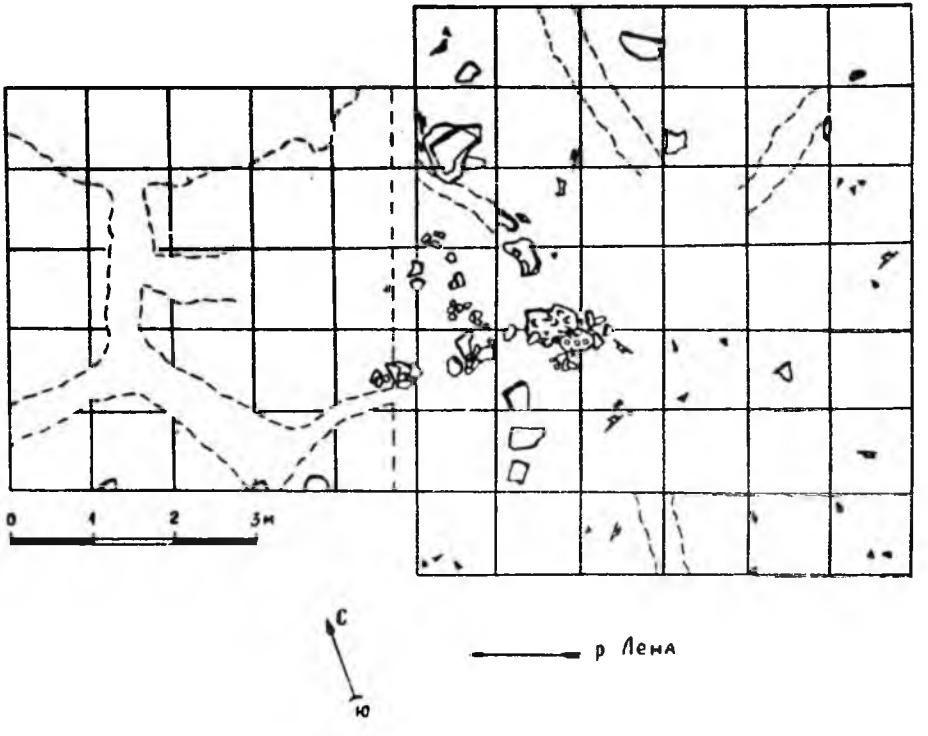


Рис.5. Слой Ш. План расположения находок и морозобойных трещин

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

И.Л.Лежненко

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУЛАКОВО I И ЧЕРЕМУШНИК П

Несмотря на то, что в изучении палеолита верхнего Приангарья достигнуты определенные результаты, а история исследования равна столетнему периоду, до сих пор остается незаполненным значительный хронологический промежуток между Мальтой и Буретью, с одной стороны, и бадайско-верхоленскими памятниками раннего мезолита, с другой стороны. Незавершенные раскопки Красного Яра (Абрамова, 1962; Медведев, 1966), рекогносцировочные работы на Федяево (Астахов, 1963) и открытие многослойной стоянки Сосновый Бор (Медведев, 1967, 1968; Медведев и др., 1971а, 1971б), нижние горизонты которой относятся к эпохе палеолита, не могут полностью ликвидировать пробела в изучении палеолита данного региона. Поэтому актуальным является открытие каждого нового памятника.

В этом плане открытие позднего палеолита на Кулаково в 1967 г. и в сходных геологических условиях залегания на местонахождении Черемушник П в 1969 г. Ангаро-Бельской археологической экспедицией Иркутского государственного университета представляется важным событием. Эти памятники дополняют существующую схему периодизации донеолитического периода Приангарья (Медведев, Аксенов, 1963; Аксенов, Медведев, 1967) и в какой-то

степени заполняют хронологический разрыв между Мальтинско-буретским этапом приангарского палеолита и Бадайско-верхоленской стадией раннего мезолита, являясь материнской основой бадайской культуры.

Материалы исследований Черемушника П и Кулаково I еще не получили должного освещения в археологической литературе, имеются только предварительные сообщения, констатирующие факт их открытия (Медведев и др., 1971б; Лежненко, 1972). Цель данной публикации – ввести новый материал в научный оборот и попытаться определить, хотя бы в первом приближении, его место среди уже известных в Приангарье палеолитических и мезолитических комплексов.

Кулаково I

Памятник Кулаково I находится на правом берегу р.Ангары, в 112 км ниже Иркутска и в 9 км выше палеолитической стоянки Буреть на осередке 10-12-метровой ангарской террасы. До затопления водами Братского водохранилища местность напоминала своеобразный мыс (рис.1). Рядом, на левом мысу в устье пади Черемуховый Ручей и далее вверх по берегу р.Ангары у подножья г.Глиняной на расстоянии 400 м, расположено местонахождение Кулаково П, представленное подъемным материалом, включающим массивные нуклеусы различных форм параллельного принципа скалывания из валунов кварцита и снятые с них отщепы и пластины. Археологический возраст Кулаково П, как и его положение в геохронологической шкале Восточной Сибири, определить крайне затруднительно. Возможно предположить даже, что здесь содержатся материалы одновозрастные Кулаково I. Но, к сожалению, памятник разрушен водами Братского водохранилища, материал не стратифицирован и не может быть в данной статье предметом специального рассмотрения.

Подъемный материал со стоянки Кулаково I был известен давно (Окладников, 1955б), но первые шурфовочные работы здесь были произведены Ангаро-Бельским археологическим отрядом Иркутского университета только в 1967-1968 гг.

В 1969 г. на памятнике был заложен раскоп, площадью в 115 кв. м, расположенный на отметках 11-12 м и непосредственно примыкающий к траншее № 2 1968 г.

Стратиграфия памятника по северо-восточной стенке раскопа представляется следующей (рис.2):

Сверху вниз	Мощность в м
I. Почвенно-растительный горизонт, включающий культурные остатки неолита и бронзы	0,55
2. Красновато-бурый суглинок с затеками гумуса из вышележащего слоя	0,I0-0,55
3. Светлая, оглиненная лессовидная супесь с пятнами обизвесткования, включениями среднезернистого песка и дресвы. Вниз по склону слой пронизан линзочками погребенного гумуса, смытого со склона	0,I0-0,20
4. Слой плотного эластичного суглинка темно и светло-коричневого тона, местами приобретающего очень темную окраску - погребенная почва. В слое, на его поверхности и в подошве фиксируются обработанный кремень и фауна	0,I0-0,I5
5. Светлый плотный лессовидный карбонатизированный суглинок с вертикально-столбчатой структурой	0,30-0,35
6. Вязкие пластичные глины коричневатых и красноватых тонов с содержанием дресвы, отдельных мелких и крупных галек и обломков известняка. В нижней части толщи появляются прослои белых глин и охристые пятна	I,00-I,I0
7. Галечник (видимая мощность)	0,50

На участке раскопа в слое 4 зафиксировано два уровня находок с максимальным расхождением в глубине залегания в пределах I0 см. Изделия, найденные на этих уровнях, типологически не различаются, а представляют единый археологический комплекс, и поэтому рассматриваются суммарно как единый культурный горизонт. Вертикальное смещение находок может быть объяснено склоновым положением местонахождения.

Мощность слоя, включающего культурные остатки, неодинакова по всей площади раскопа и варьирует от 5 до 20 см, увеличиваясь вниз по склону.

Находки в плане располагаются неравномерно, небольшими скоплениями или отдельными предметами (рис.3).

При зачистке слоя в юго-восточной части раскопа на глубине 0,80 м было вскрыто кострище овальной формы, сконтуренное обкладкой из крупной речной гальки и плит доломитов кембрия. В районе кострища отмечена наибольшая концентрация находок.

Каких-либо других бытовых и хозяйственных комплексов, кроме кострища, не обнаружено.

В характеристике материальной культуры обитателей стоянки Кулаково I мы можем опираться лишь на комплекс изделий из камня, поскольку изделий из кости нет совершенно.

В качестве поделочного материала обитатели Кулаково использовали главным образом кварцит, который в изобилии находится в окрестностях в галечниках юрского возраста. В береговых обнажениях они непосредственно выходят на поверхность и очень широко распространены в галечниках ангарского бичевника. Кроме того встречаются находки из черного и светлого кремня из окресных выходов доломитов кембрия, а также изредка из халцедона, происходящего, возможно, также из речных галечников Ангары.

Всего в коллекции культурного слоя раскопа насчитывается 1066 предметов каменной индустрии.

Как и повсеместно в Приангарье подавляющую часть находок - 791 предмет - составляют отщепы и осколки кремня и кварцита (74,20% от общего числа каменных предметов в слое). В основной массе они представлены экземплярами мелких и средних размеров.

При общей слабой насыщенности культурного слоя процент содержания изделий из камня составляет 26,27% от числа найденных предметов. Они составляют пять групп - пластины, нуклеусы, ножи, скребки, скребла и скребловидные инструменты.

П л а с т и н ы кремня и кварцита представлены наибольшим числом - 220 экземпляров (20,6%). В общей массе пластин 16,5% составляют пластины кремня, немалая доля которых приходится на правильные призматические (рис.4 - 2). Они варьируют в размерах от микропластин до довольно крупных пластин (от 2-3 см до

8-10 см в длину и от 0,2-0,4 см до 0,6-1,0 см в ширину). На очень немногих из них заметны следы использования в работе без предварительной специальной подготовки. В основной своей массе пластины в сечении треугольные. Среди обломков пластин преобладают проксимальные сегменты.

Н у к л е у с ы – вторая, после пластин, группа по количеству предметов ее представляющих – 40 экземпляров (14,28% от общего числа изделий в слое). Морфологически внутри этой группы можно выделить призматические – 22 (рис.4 – 4-6), клиновидные – 3 (рис.4 – 1) нуклеусы, их обломки – 7, заготовки – 8. Ударные площадки нуклеусов, как правило, не имеют дополнительной подработки с фронта и только в редких случаях несут на себе фасетки 2-3 фронтальных сколов. Большинство нуклеусов находится в начальной стадии расщепления. Обращает на себя внимание единственный экземпляр двуплощадочного бифронтального, фронтальноуплощенного нуклеуса, у которого площадки по отношению друг к другу располагаются под углом в 90^0 (рис.4 – 7).

Н о ж и. Их в коллекции Кулаково 4 экз. Материал, использовавшийся для их изготовления различен – кремень (2 экз.), аргиллит (1 экз.), кварцит (1 экз.). Все без исключения изделия этой группы, как, впрочем, и других, характеризует односторонняя дорсальная обработка. Степень обработки отдельных экземпляров и ее тщательность неодинаковы. Наиболее интересен двулезвийный нож с лезвиями, выполненными на обоих маргиналах пластины аргиллита, явившейся субстратом для его изготовления (рис.5 – 4). Контур орудия вторичный, представляет собой вытянутый овал. Ретушь, формирующая лезвие – дорсальная, ударная, разнофасеточная, поперечно ориентированная в центральной части заготовки и доходящая до медиального гребня пластины, продольно ориентированная на проксимальном и дистальном концах. Ударная ретушь дополнена отжимом по кромке лезвия. Размеры изделия: l = 10 см; m = 3 см; n = 1,5 см. Единственный экземпляр ножа, выполненного из отщепа кварцита, имеет слегка вогнутое лезвие (рис.5 – 6). Ретушь ударная, короткофасеточная, зубчатая, поперечно ориентированная – локализуется непосредственно вдоль правого маргинала, трансформированного в лезвие ножа. Обушок – другой маргинал отщепа притуплен локально нанесенной ударной разнофасеточной ретушью.

Аналогично выполнен нож из отщепа кремня (рис.5 – 2). Коллекции 1967-1968 гг. содержат еще два обломка ножевидных инструментов из отщепов кремня и кварцита.

Измерения углов, образованных дорсальной ретушью и поверхностью вентрала, укладывающиеся в пределах 45^0, дали возможность объединить все эти предметы в единую морфо-типологическую группу ножей, беря во внимание степень остроты рабочего лезвия. Судя по характеру подработки обушков, можно предположить, что ножи использовались будучи оснащены рукоятками типа обойм из кости или дерева.

С к р е б к и. Их тоже 4 экземпляра, морфологически отличных друг от друга. Единственный экземпляр концевого скребка имеет субстратом отщеп кварцита; размеры его: l =5,5 см; m = 5 см; n = 1,2 см (рис.6 – 6). Скребки из отщепов и пластин кремня невелики по размерам, среди них два микроскребка и один небольшой боковой скребок с выемкой (рис.6 – 5). В материале 1967 г., давшем 6 концевых скребков, имеется интересный экземпляр концевого скребка (субстрат – пластина кварцита) с двумя угловыми резцовыми сколами (рис.6 – 4). В большинстве случаев контуры – очертания рабочих лезвий концевых скребков – приближаются близко к дугам окружностей, т.е. они попадают в категорию закругленных, но асимметричных (степень кривизны различных участков рабочего края различна) концевых скребков. В то же время наблюдается асимметрия лезвий относительно рабочей оси заготовки. Классификация материала на основе метрического анализа не представляется возможной ввиду отсутствия устойчивых серий и малочисленности изделий, найденных на стоянке

С к р е б л о , найденное в районе кострища (рис.5 – 5), представляет собой довольно характерный экземпляр скребла для памятников бадайского типа. В данном случае – субстрат – крупная пластина кварцита (l = 11 см; m = 5 см; n = 1,2 см), контур – полуовал; ретушь, формирующая лезвие, ударная, дополненная отжимной, нанесенной локально, короткая, поперечно-ориентированная, разнофасеточная. Контур рабочего края – выпуклый, слегка волнистый. Обушок – левый маргинал пластины – в проксимальном сегменте выровнен четырьмя дорсальными сколами. Кроме описанного, коллекции 1967-1968 гг. содержат 4 экземпляра довольно круп-

ных по размерам скребел из отщепов кварцита и несколько обломков скребловидных изделий. Заслуживает внимания скребло из отщепа кварцита с высоким рабочим краем (угол, образуемый дорсальной ретушью и поверхностью вентрала 55-60°). Контур - подтреугольный, ретушь - ударная, крутая, разнофасеточная, поперечно ориентированная. Контур лезвия слегка выпуклый (рис.5 - 3).

В отношении скребел, также как и скребков, прежде всего следует отметить асимметрию контуров рабочих лезвий, но общую тенденцию в морфологии очертаний к полуовалу.

Галечных орудий в слое, за исключением гальки-отбойника, не обнаружено. В подъемном материале, которым изобилуют окрестности памятника, число их также незначительно.

Резцы в коллекции, как таковые, отсутствуют, нет здесь и изделий из кости и рога.

Фауна стоянки по предварительному определению представлена костными остатками северного оленя и лошади. Сохранность кости удовлетворительная.

Очевидно, местонахождением Кулаково I представлена кратковременная стоянка эпохи позднего палеолита Приангарья, ориентировочно датируемая 13-12 тысячелетиями.

Черемушник II

Стоянка Черемушник I, расположенная на 20-метровой II надпойменной террасе левого берега р.Белой, в 3-4 км выше впадения ее в р.Ангару, вошла в археологическую литературу как раннемезолитический памятник бадайского типа (Герасимов, 1940; Береговая, 1960; Аксенов, 1966, 1967; Медведев и др., 1971а). Но разными исследователями в окрестностях стоянки неоднократно фиксировались грубооббитые крупные речные гальки, нуклеусы архаических форм (рис.7), фаунистические остатки, вымываемые из стенок древнего оврага; предметы своим обликом наводящие на мысль о принадлежности их к более древним слоям, нежели культурный горизонт Черемушника I.

В правом борту оврага, заложенном в тальвеге древнего лога, хорошо прослеживаемого в современном рельефе, на глубине 1,20-1,40 м в толще слоистых песков и суглинков геологом С.М.Цейтлиным осенью 1967 г. были зафиксированы отщепы и фауна. Он дати-

ровал эти находки временем древнее Мальты и предложил произвести здесь детальную шурфовку.

В августе 1969 г. специальный отряд Ангаро-Ленской археологической экспедиции производил разведочные работы на местонахождении Черемушник II с целью обнаружения палеолитического горизонта. В серии шурфов древний культурный слой не был зафиксирован, но в шурфах, заложенных выше оврага к западу от него на поверхности IУ террасы с отметкой 23,5 м от уреза р.Белой в кровле палевых суглинков были обнаружены культурные остатки: отщепы, многоплощадочный нуклеус, скребло из кварцита, кости лошади. Положение культурного горизонта в палевом суглинке на глубине 0,75–0,85 м от поверхности могло свидетельствовать о том, что этот горизонт находок явно предшествует культуре Черемушника I.

В 1970–1971 гг. на местонахождении Черемушник II были произведены раскопочные работы общей площадью в 305 кв. м (рис.8).

Одновременно был проделан большой объем шурфовочных работ – заложен 41 шурф на различных отметках и на разнохарактерных участках рельефа. Цель расшурфовки 1970–1972 гг. – выявление наиболее перспективных для исследований участков памятника и фиксация горизонта, синхронного Мальте, а также более древнего горизонта находок, зафиксированного в 1969 г. в борту оврага, и который так и не удалось обнаружить на площади, вскрытой раскопами[1]. В отдельных шурфах на отметках 18–19 м (Ш терраса) на глубине 1,40 м в нижней толще палевой карбонатизированной супеси и на контакте с горизонтально-слоистыми оглиненными супесями были зафиксированы немногочисленные культурные остатки – отщепы и осколки кремня, относящиеся, по-видимому, к горизонту, синхронному Мальте. В шурфах магистральной линии В–З на отметках выше участка раскопов (30–35 м) более древний культурный горизонт лежит в древних отложениях балочного типа. По всей вероятности, материал этого древнего горизонта находок был переотложен и снесен с более высоких отметок.

---

1. Если не считать обнаруженных в раскопе № 2 двух осколков кремня и двух фрагментов трубчатой кости, лежащих на глубине 1,40 м от поверхности в верхней части слоя 5, на участке блока, не подверженного криогенным нарушениям (см. стратиграфический разрез стенки раскопа, рис.9).

Таким образом, было подтверждено наличие на местонахождении культурных остатков по меньшей мере трех разновременных палеолитических горизонтов. В процессе шурфовочных работ подтвердилось возникшее первоначально предположение о том, что древняя поверхность памятника подверглась интенсивному морозному растрескиванию на заключительных этапах сартанского оледенения. Морозобойные трещины, в свою очередь, при участии процессов солифлюкции (Цейтлин, 1973) послужили причиной образования древних оврагов, выраженных даже в современном рельефе. В результате не удалось найти такой участок памятника, где культурные остатки лежали бы компактно in situ.

С целью точной топографической привязки шурфов и раскопов в 1972 г. произведена инструментальная съемка местности Черемушник, на основании которой был вычерчен топоплан (рис.8)[2].

Стратиграфия памятника на участке раскопок представляется следующей по северо-западной стенке раскопа № 2 (рис.9):

Сверху вниз	Мощность в м
I. Почвенно-растительный горизонт, подверженный перепашке	0,10–0,12
2. Темно-коричневый суглинок, сильно гумусированный в верхней части и осветленный в нижней части	0,45–0,65
3. Супесь палевая, местами коричневато-серая или белесоватая, карбонатизированная	0,50–0,60
4. Прослойка песка	0.05–0,10

2. Съемка производилась под непосредственным руководством старшего инженера Главвостокоизбстроя А.А.Сокальского. Им же был вычерчен план местности.

5. Супесь сероватая, песчанистая, с отдельными пятнами чистых песков 0,60 0,70

6. Суглинки, глины, с отдельными продольными линзами ожелезненного песка (видимая мощность) 3,00 [3]

Стратиграфическая ситуация осложнена явлениями криогенного характера - морозобойными трещинами, заложенными с уровней слоев 3 и 5. На их базе получила свое развитие целая система древних овражных выемок.

На участке раскопов было зафиксировано два уровня находок, два культурных горизонта - I (мезолитический) и II (позднепалеолитический). I культурный горизонт заключен в слое коричневого суглинка. Комплекс его полностью аналогичен культуре Черемушника 1. Культурные остатки II культурного горизонта лежат в кровле и верхней части слоя карбонатизированной супеси.

Находки обоих горизонтов в плане раскопов располагаются неравномерно, отдельными пятнами. Подобная дислокация характерна для большинства докерамических памятников Приангарья. Часть археологического материала кроме того была снесена по склонам древних овражных выемок и отложена в их тальвегах. Таких овражных выемок в раскопе № 2 было зафиксировано три. На рисунке 10 дается буквенное обозначение трещин и их ситуационный план. Наиболее четко выражена трещина "а", пересекающая раскопы № I и № 2 в их центральной части в направлении З-В со всеми присущими ей боковыми ответвлениями. Она сингенетична II культурному горизонту и заложена из слоя палевой карбонатизированной супеси. В заполнении этой овражной выемки четко различаются два уровня скоплений археологического материала. Верхним уровнем представлен I культурный горизонт.

---

3. При выяснении стратиграфической ситуации и описании разреза были учтены советы и замечания С.М.Цейтлина, старшего научного сотрудника Геологического института АН СССР.

Нижнее скопление в тальвеге древней овражной выемки относится ко II культурному горизонту. Овражная выемка "б" пересекает площадь раскопов в направлении ЮЗ-СВ. Трещина, послужившая причиной образования оврага, заложена из подошвы слоя сероватой супеси. Время ее образования предшествует времени формирования мальтинского горизонта. Культурные остатки I и II культурных горизонтов, заключенные в отложениях этого времени очень немногочисленны, поскольку овражная выемка к этому времени была заполнена рыхлыми отложениями. В северо-западной части раскопа зафиксирована еще одна трещина, эпигенетичная II культурному горизонту, которая совсем не содержит культурных остатков. Схождение овражных выемок "б" и "в" в центральной части раскопа образует расширение в устьевом участке овражной выемки "в".

Каких-либо бытовых и хозяйственных комплексов на площади раскопа не обнаружено.

В характеристике материальной культуры обитателей стоянки Черемушник II мы можем опираться лишь на комплекс изделий из камня, дополненный во II горизонте обломком шила из кости и несколькими фрагментами обработанной кости.

В качестве поделочного материала каменная индустрия Черемушника II использует главным образом кремень и кварцит, происходящие из юрских галечников и конгломератов или из доломитов кембрия, выходами которых изобилует нижнее течение р.Белой.

Описание материалов, полученных в ходе раскопочных работ дается послойно.

I культурный горизонт

Для I культурного горизонта, как и для II характерна средняя насыщенность культурного слоя (рис.11). Общее количество предметов каменной индустрии составляет 5609 единиц.

Основной процент находок составляют отщепы, осколки и куски битого кремня и кварцита - 86,77% (4867 предметов).

На долю изделий из камня приходится 13,23% (742 единицы). Среди них можно выделить следующие группы: пластины, нуклеусы, скребла, скребки, ножи, группу пластин и отщепов с двусторонней подтеской (pieces e'cailles), группу галечных орудий.

П л а с т и н ы. Основную массу изделий составляют призматические пластины, микропластинки, пластины случайных форм, пластинчатые сколы - отщепы удлиненных пропорций (l > m) - 552 единицы (9,8% от числа предметов каменной индустрии). Пластины отделены от нуклеусов преимущественно средних и небольших размеров и находятся в соответствии с размерами фасеток на нуклеусах, найденных в слое (l - от 2 до 5 см; m - от 0,5 до 2 см; n - от 0,1 до 0,8 см) (рис.12 - 1-3). Отдельные экземпляры пластин достигают 10 см в длину.

Н у к л е у с ы. Наибольшим после пластин количеством предметов представлена группа нуклеусов, их обломков, заготовок - 114 экземпляров, что составляет 15,36% от числа изделий в слое. Из них только 55 являются вполне законченными экземплярами, поддающимися классификации. Призматические и клиновидные нуклеусы характеризуют параллельный принцип скалывания.

Наиболее четкими формами представлена группа клиновидных нуклеусов (11 экз.) со всеми присущими им характерными признаками - вытянутостью тела по сагиттальной линии, сильной уплощенностью боковых сторон (латералей), переходящих в клин. Общим для них является бифациальная обработка латералей, за исключением немногих экземпляров, представляющих собой аномалии данного типа; ударные площадки, как правило, горизонтальные, имеющие подработку с фронта и с одной из латералей. Они дают устойчивый тип нуклеуса (рис.12 - 4,6,8).

Наибольшим числом экземпляров представлены призматические нуклеусы. Однако внутри этой группы столько вариаций в морфологии и технологии, что необходима детальная классификация этой группы, с введением новых номенклатурных понятий. Предварительно здесь можно выделить целый ряд типов: монофронтальные одноплощадочные, бифронтальные одноплощадочные, двуплощадочные бифронтальные с полюсным расположением площадок, многоплощадочные бифронтальные (рис.13 - 2,4) и полифронтальные, среди которых имеют место ортогональные. Среди многоплощадочных нуклеусов представляют интерес уплощенные нуклеусы с двумя плоскостями скалывания. На рисунке 12 - 5 представлен двуплощадочный уплощенный бифронтальный нуклеус

со встречным скалыванием. Наибольший удельный вес в группе призматических нуклеусов приходится на долю монофронтальных одноплощадочных нуклеусов (рис.I2 - 7), среди которых имеется один экземпляр нуклеуса из гальки окремнелой породы в начальной стадии расщепления с двумя фасетками снятия крупных пластин (l = I8 см; m = I,5 см; n = I,5 см) (рис.I3 - 3). Площадки призматических нуклеусов, как правило, имеют подработку с фронта.

В коллекции I культурного горизонта обращают на себя внимание 3 предмета, которые мы предварительно относим также в разряд нуклеусов. Они представляют собой массивные отщепы кварцита с двусторонней оббивкой по периметру. Возможно, они предназначались для последующего отделения крупных пластин типа леваллуа. В таком случае это нуклеусы в подготовительной стадии, отличного от параллельного принципа расщепления.

Две другие многочисленные группы изделий представлены скреблами и скребками.

С к р е б л а. Изделий, которые можно отнести к скреблам, скребловидным инструментам и их обломкам - 24 экземпляра. Исходным материалом для них послужил кремень и кварцит местного происхождения. Морфологические различия внутри этой группы значительны. Однако их сближает форма лезвий, приближающаяся к полуовалу и преимущественно односторонний характер обработки. Орудия этой группы варьируют по величине от довольно крупных (до I0-I2 см в длину) (рис.I4 - I,2) до сравнительно небольших скребловидных инструментов (l = 6 см; m = 4 см; n = I,5 см) (рис.I5 - 5). Лезвия некоторых орудий имеют сильную сработанность от длительного употребления по мягкому материалу. Таковые следы употребления носит скребло с высоким рабочим краем, оформленным крутой - до 80^0 - разнофасеточной ретушью. Субстрат - обломок гальки окремнелой породы. Обушок в виде галечной корки (рис.I4 - 4). Из отщепа кварцита с ярко выраженным ударным бугорком и сохранившейся частью площадки в виде галечной корки, которая служит обушком выполнен другой экземпляр скребла, обушок и поверхность вентрала которого сильно залощены, видимо, от длительного

использования. Такая же заложенность обушка и вентрала присутствует и на других орудиях этой группы. У единичных экземпляров при изучении под бинокуляром отмечены следы работы по твердому материалу (рубящие инструменты ?). Но инструментов полулунной формы, напоминающих двусторонеобработанные скребла, описанных и классифицированных как рубящие орудия, отмеченных на Черемушнике I (Аксенов, 1966) не обнаружено.

Как правило, обработка не видоизменяла первоначального контура субстрата, в качестве которого обычно служил отщеп, поскольку обработке ударной ретушью подвергался непосредственно край заготовки, трансформированный в рабочее лезвие скребла (рис.I4 - I,4; рис.I5 - 5), и только в редких случаях обработанная поверхность занимает более I/2 или 2/3 фаса. Примером более экстенсивного ретуширования может служить скребло-нож из отщепа белого с прожилками кремня (рис.I5 - 6) (l = 8,8 см; m = 4,3 см; n = I,4 см). Контур его вторичный, приближающийся к овалу, рельеф дорсала вторичный за счет удаления ударного бугорка, с целью уплощения. Лезвие оформлено, вероятно, на дистальном конце отщепа, так как обушок представляет собой остаток ударной площадки, но возможно, и на маргинале субстрата. Утверждать трудно, так как контур заготовки сильно изменен в процессе обработки орудия. Ретушь оформляющая лезвие скребла дорсальная, ударная, длиннофасеточная, регулярная, не слишком крутая - в пределах 50^0, поперечно ориентированная. Контур лезвия - выпуклый, кривизна дуги - +4 [4]. Более чем на 2/3 обработана поверхность фаса другого скребла (рис.I4 - 2). Субстрат - отщеп темного

---

4. Форма контура рабочего края классифицируется при помощи условной шкалы кривизны, предложенной З.А.Абрамовой (1972) для классификации рабочего края галечных орудий и успешно примененной ею на материале енисейского палеолита. Верхнее полушарие шкалы соответствует кривизне со знаком + (выпуклое лезвие), нижнее полушарие - кривизне со знаком - (вогнутое лезвие), нулевая линия соответствует прямому лезвию. В применении к скреблам число дуг верхнего полушария шкалы с интервалами в 1 см следует увеличить до I0 при максимальной длине лезвия I0 см. Для лезвий большего размера эту шкалу соответственно можно увеличить за счет увеличения диаметра круга, для лезвий меньшего размера - уменьшить.

мелкозернистого кварцита (l = 10,5 см; m = 8,6 см; n = 2,5 см). Контур – вторичный, представляет собой полукруг. Рельеф дорсала вторичный за счет экстенсивного ретуширования, вентрала – первичный. Лезвие оформлено на дистальном конце и маргиналах отщепа. Ретушь дорсальная, ударная, разнофасеточная, широкая, крутая – 60^0, продольно и поперечно ориентированная, косонаправленная. Контур рабочего края сильно выпуклый, кривизна дуги – +9.

В отношении скребел I горизонта, также как и Кулаково, да и, заранее оговоримся, II горизонта, следует отметить асимметрию лезвий, общую тенденцию контуров к полуовалу – кривизна дуг укладывается обычно в пределах 4-5. Угол заострения тоже довольно стабилен – от 45 до 60^0.

С к р е б к и. Почти столь же многочисленна группа скребков. Их 20 экземпляров. Все они выполнены из отщепов и пластин кремня и не велики по размерам. Морфология скребков различна. Среди них можно выделить концевые скребки (рис.I6 – I,7), скребки с овальным рабочим краем (рис.I6 – 3), боковые (рис.I7 – 5), комбинированные (рис.I6 – 5,8), концевой микро скребок с двумя боковыми выемками (рис.I6 – 2), скребок с конвергенцией лезвий (рис.I6 – 9). Своеобразен скребок, выполненный на подживляющем сколе с нуклеуса (рис.I6 – 6). Высокий рабочий край его обработан мелкой разнофасеточной отжимной ретушью, наложенной на фасетки снятия призматических пластин с нуклеуса, с которого был сделан подживляющий скол.

Обработка скребков исключительно односторонняя, дорсальная. Степень ретуширования различна – от локального прерывистого (неконвергентная ретушь) до экстенсивного, непрерывного (конвергентная ретушь). Наиболее устойчивый тип скребка – концевой. Ориентация скребущего лезвия относительно рабочей оси заготовки преимущественно асимметричная. Угол заострения рабочего лезвия главным образом средний (укладывается в пределах $45–50^0$)[5].

Н о ж и в коллекции представлены двумя типами "улу" из плитки кремнистого сланца (рис.I4 – 3) и из отщепа кремня

---

5. При систематизации группы скребков были применены элементы метрического анализа, предложенные Мовиусом и рядом авторов (Movius et al., I968).

(рис.15 – 4). Контуры полуовальные, вторичные. Размеры их: l = 10 см; m = 4,8 см; n = 0,9 см и l = 8 см; m = 3,5 см; n = 1,5 см. Рельеф дорсала и вентрала вторичный в обоих случаях. В первом случае обработке ретушью было подвергнуто 2/3 фаса и менее 1/3 контрфаса. Во втором случае ретуширование более экстенсивное. Ретушь покрывает всю поверхность фаса, контрфас – вентрал обработан более чем на 2/3. Характер ретуши – дорсально-вентральная, ударная, дополненная отжимной по краю, разнофасеточная, поперечно ориентированная и продольно ориентированная на концах. Контур рабочего края выпуклый. Кривизна дуг соответственно – в пределах 4,5 – 5. Угол заострения в первом случае – 22^0, а во втором – 39^0. Небольшой ножевидный инструмент (l = 5,2 см; m = 3,5 см; n = 1,2 см) (рис.15 – 3) из тонкого отщепа кремня с односторонней обработкой дополняет группу ножей.

P i e c e s e' c a i l l e s. В слое найдено 6 предметов, которые можно выделить в особую типологическую группу пластин и отщепов с двусторонней подтеской (pieces e'cailles), функции подобных долотовидных инструментов принято считать деревообделочными (рис.15 – 7).

Р е з е ц в I культурном горизонте зафиксирован как таковой один. Выполнен он из пластинчатого скола кремня (рис.15 – 1). По-видимому, его следует отнести к боковым резцам. Маргиналы скола обработаны мелкой краевой зубчатой ретушью, рабочий край образован диагональным резцовым сколом, пересекающим пластину наискось слева направо, и двумя небольшими фасетками дополнительных сколов, дающими в совокупности скошенный резцовый край, заходящий на вентральную поверхность заготовки. Ось заготовки не соотносится с продольной и рабочей осями, которые почти совпадают. Наблюдается некоторая асимметрия вправо (Movius et al., 1968). Угол резцового скола – 90^0.

Два предмета (один из них – отщеп кварцита с двусторонней подтеской – рис.15 – 7), обнаруженные в слое и имеющие довольно сомнительного происхождения резцовые сколы представляют собой нехарактерные атипичные экземпляры, и, по-видимому, их не следует относить к данной группе изделий.

Группа галечных орудий маловыразительна, хотя она представлена 10 экземплярами. Из них – 6 галек-отбойников, 2 чоппера и 2 чоппинга.

Чоппер из округлой речной гальки с крутым рабочим краем – наиболее выразительное орудие в данной группе (рис.17). Размеры его: высота (от пятки до центра лезвия) по дорсальному фасу – 9,8 см, длина лезвия между краями (по концам обработанной дуги) – 11,7 см – "продольный" чоппер; максимальная толщина орудия – 6 см. Контур лезвия выпуклый, выбоины от работы придают ему неровные очертания, симметричный. Кривизна дуги – +5. Угол заострения – 75-80°. Дорсальный фас обработан на 80%. Лезвие составляет около 2/3 периметра. Первоначально чоппер оформлен 4 сколами, очень напоминающими фасетки снятия пластин с нуклеуса, возможно, в качестве такового и использовалось орудие первоначально. Затем произведена вторичная оббивка лезвия по всей протяженности рабочего края. Ретушь очень крутая, ступенчатая.

В коллекции имеется несколько заготовок изделий, назначение которых трудно определить. На этом перечень изделий из камня, обнаруженных в I культурном горизонте исчерпывается.

Фауна I культурного горизонта представлена северным оленем и лошадью[6].

II культурный горизонт

Культурные остатки II культурного горизонта от находок I горизонта отделены достаточно четко в результате хорошо выраженной смены структуры и цвета вмещающих отложений, хотя стерильной прослойки, разделяющей эти два горизонта практически нет.

Находки II культурного горизонта заключены в кровле слоя палевой карбонатизированной супеси. На отдельных участках раскопа выделялись два уровня находок. Но это незначительное расхождение в уровнях залегания в пределах 5-8 см, видимо,

---

6. Предварительное определение фаунистических остатков было произведено старшим научным сотрудником Института Земной Коры Л.Н.Иваньевым.

являющееся следствием процессов солифлюкции, можно не принимать во внимание. Весь материал, заключенный в кровле карбонатной суглеси с максимальным рассеиванием по вертикали до 15 см, рассматривается как единый II культурный горизонт.

Находки II культурного горизонта в плане располагаются отдельными скоплениями в пониженных участках древнего рельефа (рис.18).

В слое найдено 3467 предметов каменной индустрии. Подавляющее большинство находок (2686 единиц) – отщепы, осколки, куски битого кремня и кварцита, битые речные гальки кварцита и окремнелой породы, чешуйчатые сколы, краевые и подживляющие сколы – так называемые "технические отходы производства". На них приходится 77,47% от числа предметов каменной индустрии, найденных во II культурном горизонте. Процент изделий из камня – 22,53 (781 предмет).

П л а с т и н ы. Основной процент изделий (16,9% от общего числа предметов каменной индустрии в слое) приходится на долю пластин, пластинчатых сколов кремня и кварцита. Их насчитывается 622 экземпляра. Преобладают пластины правильных призматических форм (рис.19 – 1-3). Они варьируют по размерам от микропластин до довольно крупных пластин кремня и кварцита (l = 8-10 см; m = 3-4 см; n = 1,5-2 см), но преобладают пластины мелких и средних размеров (l = 4,5 см, при m , редко достигающей 1 см). В основной своей массе пластины в сечении треугольные. Подавляющее большинство пластин из кремня (98,4%), хотя кварцит как поделочный материал и использовался обитателями отоянки довольно широко.

Н у к л е у с ы. Хотя количество их значительно (95 экз.), четких типов внутри этой группы немного, преобладают заготовки и обломки нуклеусов самых различных форм. Подавляющее большинство составляют клиновидные и призматические нуклеусы.

Наиболее многочисленная группа нуклеусов – призматические (около 70 экз.). Внутри ее можно выделить те же типы, что и в I горизонте. Наибольший удельный вес среди этих типов имеют одноплощадочные монофронтальные (рис.20 – 5). Среди двуплощадочных бифронтальных обращают на себя внимание фронтально-уплощенные нуклеусы (рис.19 – 7; рис.20 – 4,6). Призматические

нуклеусы часто имеют две площадки при одном, двух или нескольких фронтах скалывания. Ударные площадки призматических нуклеусов не всегда имеют подработку рабочего сегмента.

Клиновидные нуклеусы (22 экз.) – группа с наиболее четко выраженными морфологическими признаками типа (рис.19 – 4,6,8; рис.20 – 1,3). Площадки последних большей частью имеют специальную подработку рабочего сегмента в виде фронтального скола и нескольких дополнительных фронтальных сколов. Часто имеет место подработка с одной из латералей.

К группе нуклеусов мы предварительно относим три предмета – специфичные изделия с односторонней оббивкой по периметру. Устойчивой серии они не представляют и, возможно, впоследствии они будут исключены из разряда нуклеусов.

С к р е б л а – самая многочисленная группа орудий (19 экз.). Среди этой группы 4 обломка и 2 заготовки скребловидных инструментов. Заготовками для изделий этой группы явились отщепы и пластины кремня и кварцита. Характер обработки скребел преимущественно односторонний и только на одном овальном скребле из кварцита имеется подработка с другого фаса лезвия (рис.23 – 5). Ретушь дорсальная. Степень ретуширования отдельных экземпляров различна. Морфология скребел весьма вариабельна, но также как и скребла I культурного горизонта их сближает контур лезвий, тяготеющий к полуовалу, кривизна дуги укладывается преимущественно в пределах 2–3, в редких случаях достигая 6 (рис.22 – 5). Угол заострения 50–60°. Положение рабочего края по отношению оси симметрии заготовки – асимметричное.

Среди этой группы изделий имеется экземпляр скребла с обработкой ударной регулярной равнофасеточной крутой (45–50°) ретушью почти по кругу (рис.22 – 4). Субстрат – отщеп мелкозернистого кварцита. Контур вторичный. Рельеф дорсала изменен в процессе обработки на I/3, рельеф вентрала – первичный. Скребло из пластины кварцита (рис.22 – 5) имеет почти правильную овальную форму. Характер обработки аналогичен вышеописанному. Особый интерес представляет конвергентное скребло-нож (рис.23 – 3) из отщепа кремня (l = 8,8 см; m = 6,5 см; n = 1 см). Контур, по всей вероятности первичный, треугольный,

слегка выпуклый - кривизна дуги одного из лезвий, сходящихся под углом 73°, - +I, второго - 0 (прямой рабочий край). Рельеф дорсала изменен в процессе обработки на 1/3, рельеф вентрала - первичный. Лезвия оформлены на маргиналах отщепа. Ретушь - дорсальная, ударная, поперечно ориентированная, пологая (в пределах 40° - угол заострения, часто встречающийся у ножей), дополненная мелкой отжимной ретушью по краю. Наблюдается легкая асимметрия положения рабочих краев по отношению оси симметрии заготовки.

С к р е б к и. Все 17 экземпляров изготовлены из кремня. Из них концевых - 9 (рис.24 - 4,6), боковых - 4 (рис.24 - 5), с овальным рабочим краем - 3 (рис.24 - 8,10) и один концевой двулезвийный скребок с полюсным расположением рабочих краев, с боковой выемкой, оформленной двусторонней отжимной ретушью (рис.24 - 9). Субстрат - отщеп кремня. Только 2 скребка, относимых к разряду концевых, выполнены на призматических пластинах кремня, для остальных заготовками явились отщепы, пластинчатые сколы. Этим объясняется асимметрия рабочих лезвий относительно оси симметрии заготовки. Это же относится к скребкам с овальным рабочим краем. Лезвия всех концевых скребков оформлены притупляющей крутой дорсальной ретушью, за исключением уже описанного двулезвийного скребка, у которого одно из лезвий подретушировано с вентрала. Степень кривизны контуров рабочих лезвий в большой степени вариабельна - от 100 до 180° - измеряется по шкале, предложенной американскими археологами (Sackett, 1966; Movius et al., 1968)[7]. Все скребки, за исключением боковых, попадают в категорию закругленных, но асимметричных (различна степень кривизны различных участков рабочего края). Угол заострения, образуемый дорсальной ретушью и поверхностью вентрала главным образом средний - в пределах 50°. Трасологический

---

7. Элементы метрического метода анализа (Movius et al., 1968), примененные в настоящей статье в порядке опробирования, будут подробно изложены, сопровождаемые соответствующим иллюстративным материалом в реферате Лежненко, публикацию которого намечено осуществить в следующем выпуске серии. На наш взгляд, предложенный метод исследования не достаточно совершенен и требует доработки.

анализ показал, что большинство скребков использовалось для работы по мягкому материалу и имеют залощенность от использования по кромке лезвия и со стороны вентрала.

Н о ж и. Их в коллекции I культурного горизонта всего 3 экземпляра. Причем два из них – невыразительные ножевидные инструменты из отщепов кремня с небольшой протяженностью собственно рабочего края лезвия (рис.22 – 2). Нож из пластины черного кремня (рис.23 – I) имеет два лезвия, расположенные по обоим маргиналам субстрата. Размеры его: l = 7,4 см; m = 3,8 см; n = I см. Контур, по-видимому, первичный, овальный. Рельеф дорсала – вторичный, вентрала – первичный. Рельеф дорсала изменен экстенсивной ретушью, покрывающей более 2/3 фаса. Ретушь ударная, дорсальная, разнофасеточная, ступенчатая (фасетки сколов перекрывают друг друга), довольно пологая (в пределах 45^0), поперечно ориентированная, на ближайшей к проксимальному концу трети орудия конвергентная, у дистального конца обработке подвергнуты непосредственно лишь маргиналы. Ударную ретушь дополняет мелкая отжимная с целью выравнивания рабочей кромки. Дистальный конец заготовки обломлен.

Г а л е ч н ы е о р у д и я. Эта группа заслуживает внимания, несмотря на сравнительно небольшое число артефактов (IO единиц). Из них 4 – гальки-отбойники, 5 чопперов и галька, оббитая с двух концов по принципу технологии изготовления чопперов. Наряду с чопперами, выполненными из галек, сохраняющих большую часть корковой поверхности, имеют место в коллекции и экземпляры вовсе не несущие на себе галечной корки или поверхность ее незначительна (рис.2I – 2). Чоппер из гальки кварцита (рис.25 – I) имеет следующие параметры: высота от центра пятки до центра лезвия – IO см, длина лезвия между краями (по концам обработанной дуги) – I9 см, максимальная толщина орудия – 9,5 см. Контур лезвия – выпуклый, кривизна дуги – 5,5. Лезвие выполнено на длинной стороне гальки – "продольный чоппер", составляет более 1/2 периметра гальки. Дорсальный фас обработан почти на 100%. Первоначально его оформляют 4–5 радиально нанесенных сколов. Вторичная оббивка лезвия произведена по всей протяженности рабочего края. Выпуклая кромка лезвия ровная. Ретушь ударная, разнофасеточная. Угол заострения $78–80^0$. Другой

экземпляр чоппера, в отличие от первого, можно назвать "поперечным", так как его лезвие расположено на короткой стороне гальки (рис.25 - 2). Его параметры: высота - 13,4 см; длина лезвия - 9,2 см; толщина - 9,4 см. Контур лезвия - слегка выпуклый, кривизна дуги - +I. Обработка дорсального фаса произведена на 45-50%. Первоначально был произведен один крупный скол, расколовший гальку. Вторичная обработка произведена равнофасеточной ударной ретушью. Кромка лезвия достаточно ровная. Угол заострения - 75°. Чоппингов во II культурном горизонте нет, хотя в I они имеют место.

P i e c e e' c a i l l e найдено в единственном экземпляре и имеет необычно малый размер (при длине орудия 2 см и ширине рабочей части 1,5 см) - нетипичный экземпляр для данной группы орудий. Субстрат - пластина желтого кремня (рис.24 - 7).

Остальные группы орудий также представлены единичными экземплярами.

Р е з е ц, найденный во II культурном горизонте близок к срединному типу (рис.24 - 2). Размеры его лезвия: l = 2 см, при максимальной w = I,5 см. По типу это резец центрального действия. Принцип снятия резцовых сколов - двусторонний. Один из сколов произведен справа налево и послужил площадкой для двух других, собственно резцовых сколов, произведенных слева направо и заходящих на вентральную поверхность заготовки. Угол резцового края и площадки, с которой он был произведен, составляет приблизительно 45°.

О с т р и е - б и ф а с из молочно-белого кремня, пожалуй, единственный предмет в слое, имеющий двустороннюю обработку. Вероятно, это обломок орудия, может быть наконечника, у которого слом в дальнейшем был подвергнут подработке (рис.22 - I).

Небольшой предмет (2,5 х 2 см), по-видимому, следует отнести в разряд отжимников из кремневых желваков. Выступающие грани его сильно сглажены и замяты от употребления.

Вызывает интерес предмет подтреугольных очертаний (рис.22 - 3) из первичного скола с кремневого желвака с односторонней обработкой крутой (до 65°) ударной разнофасеточной ретушью краев, сходящихся под углом в 65°. Своим обликом он отдаленно напоминает мустьерские остроконечники. Отнести его к какой-то

определенной группе по существующей номенклатуре затруднительно.

Помимо перечисленных орудий, в коллекции имеется несколько заготовок, обломков орудий, назначение которых трудно определить.

К о с т я н о й и н в е н т а р ь представлен единственным экземпляром обломка шила из осколка трубчатой кости (рис.24 – 3). Кроме него мы располагаем несколькими фрагментами трубчатой кости с мелкими поперечными насечками и подвеской грушевидной формы из зуба оленя (рис.24 – I), положение которой в плане раскопа № I, к сожалению, не удалось четко зафиксировать. Но принадлежность ее ко П культурному горизонту не вызывает сомнений.

Ф а у н а П культурного горизонта представлена костными остатками северного оленя и лошади.

Анализ инвентаря культурных комплексов Кулаково I и Черемушника П, а также изучение стратиграфических условий залегания культурных остатков позволили сделать ряд предварительных заключений о характере комплексов и их месте среди палеолитических и мезолитических комплексов верхнего Приангарья.

Перечисленные в процессе описания основные формы каменного инвентаря, соотношение их, а также примерно одинаковое процентное соотношение изделий и отходов каменной индустрии (рис.26) и, в первую очередь, преимущественно односторонний характер обработки изделий объединяют комплексы Кулаково I и Черемушника П и позволяют усмотреть черты сходства с материалами бадайских стоянок. По всей вероятности бадайская раннемезолитическая традиция выросла на основе тех приемов расщепления камня, которыми владели обитатели Черемушника и Кулаково. В пользу этого предположения свидетельствует и факт стратиграфической преемственности культур П и I горизонтов Черемушника П. Но насколько культура Черемушника П и Кулаково I является продолжением мальтинско-буретской традиции, говорить пока трудно. Очень ценным в этом смысле представляется фиксация древнего горизонта на Черемушнике П, синхронного Мальте, который представлен на сегодняшний день единичными невыразительными предметами.

Положение культурных остатков этих памятников в карбонатизированных лессовидных супесях и суглинках позднего плейстоцена, отмеченных проявлениями криогенных процессов, позволяет отнести их к последним стадиям сартанского оледенения и ориентировочно датировать 13–12 тысячелетиями. Возраст I культурного горизонта, комплекс которого аналогичен комплексу Черемушника I, является раннеголоценовым и определяется 10–11 тысячелетиями. В культурном отношении это следующая фаза бадайской культуры, очень мало отличающаяся от предшествующего ему комплекса (II горизонта Черемушника II). То, что мы пока не располагаем абсолютными датировками, обуславливается отсутствием органических остатков для радиокарбонового анализа, а также особенностями геоморфологии, которые, в свою очередь, ставят под сомнение результаты палинологического анализа.

Отсутствие остатков долговременных жилищ, а также каких-либо производственных и бытовых комплексов, позволяет рассматривать оба памятника как места сезонного обитания человека на протяжении довольно значительного промежутка времени.

Таким образом, результаты исследования этих памятников явились вполне достаточными для того, чтобы составить представление о способе существования, образе жизни обитателей стоянок, хозяйстве, характере индустрии, об особенностях памятников и их хронологических границах; но коллекции их далеко не удовлетворяют целям классификации и систематизации материала ввиду отсутствия устойчивых серий орудий, их малочисленности. Трудность выделения типов на таком ограниченном материале не снимается даже попыткой применения элементов метрического метода анализа, который может оказаться очень эффективным при систематизации материала памятников, дающих большие устойчивые серии орудий.

Необходимо продолжить поиск стратифицированных верхнепалеолитических местонахождений в верхнем Приангарье, которые могут дать комплексный материал по археологии и геохронологии позднего палеолита данного региона.

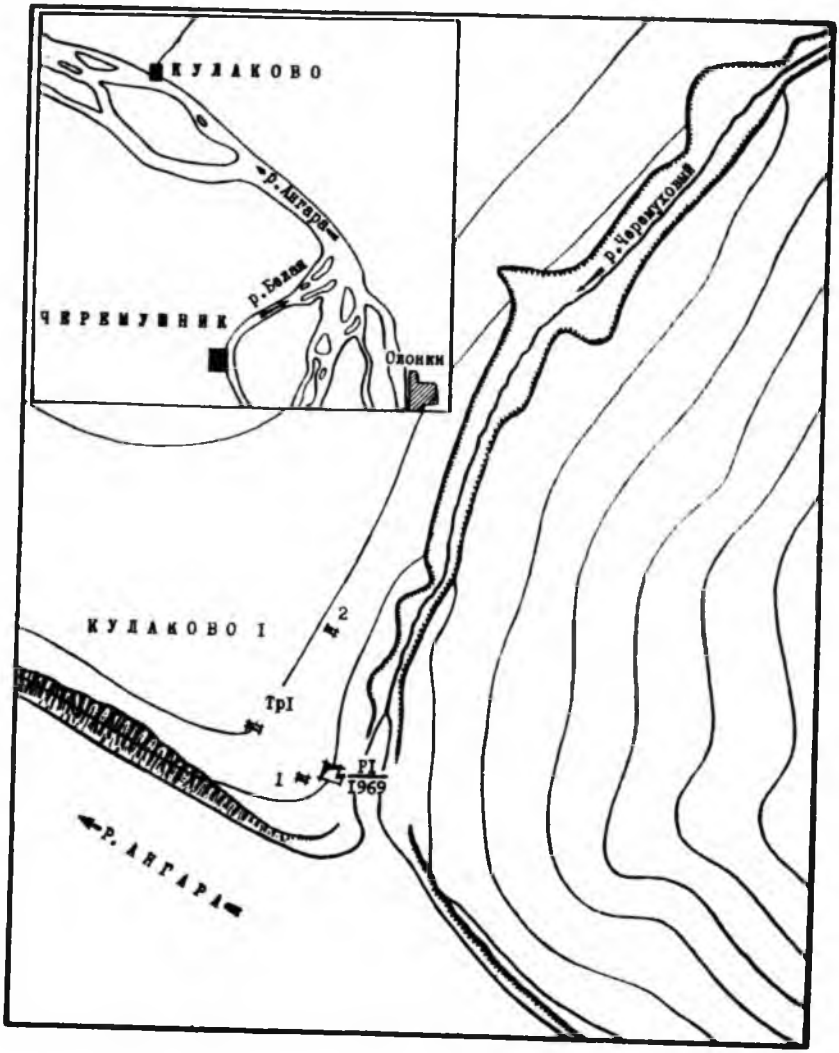


Рис.I. Кулаково. План местности

Рис.2. Стратиграфический разрез северо-восточной стенки раскопа

Условные обозначения

(к рис. 2)

1 - почвенно-растительный горизонт;
2 - красновато-бурый суглинок;
3 - светлые лессовидные карбонатизированные супеси и суглинки;
4 - плотный эластичный суглинок темно- и светло-коричневого тонов - погребенная почва;
5 - вязкие пластичные глины;
6 - галечник

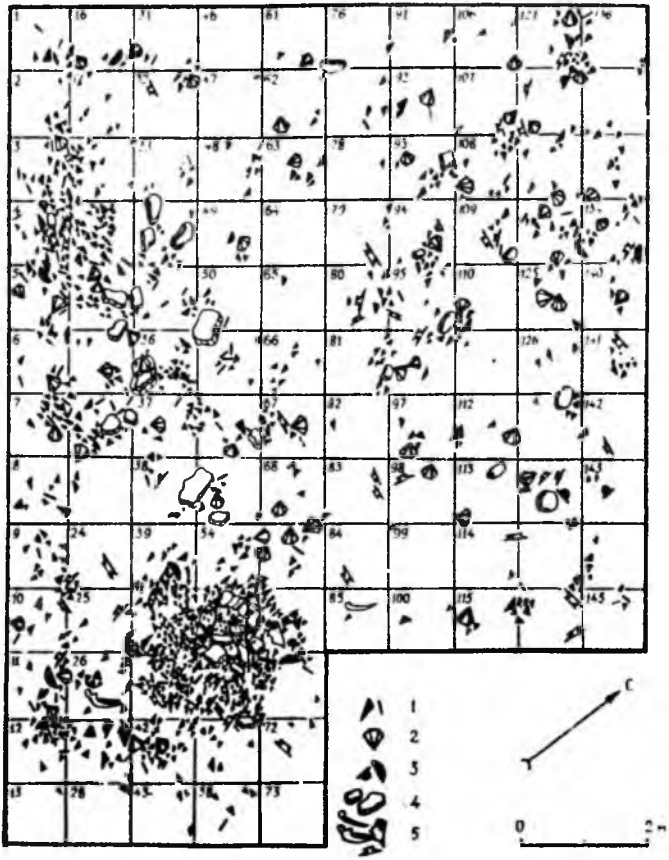


Рис.3. План находок

Условные обозначения

(к рис. 3)

1 - отщепы, пластины;
2 - нуклеусы;
3 - скребки, скребла, ножи;
4 - речная галька, плитки известняка;
5 - фауна

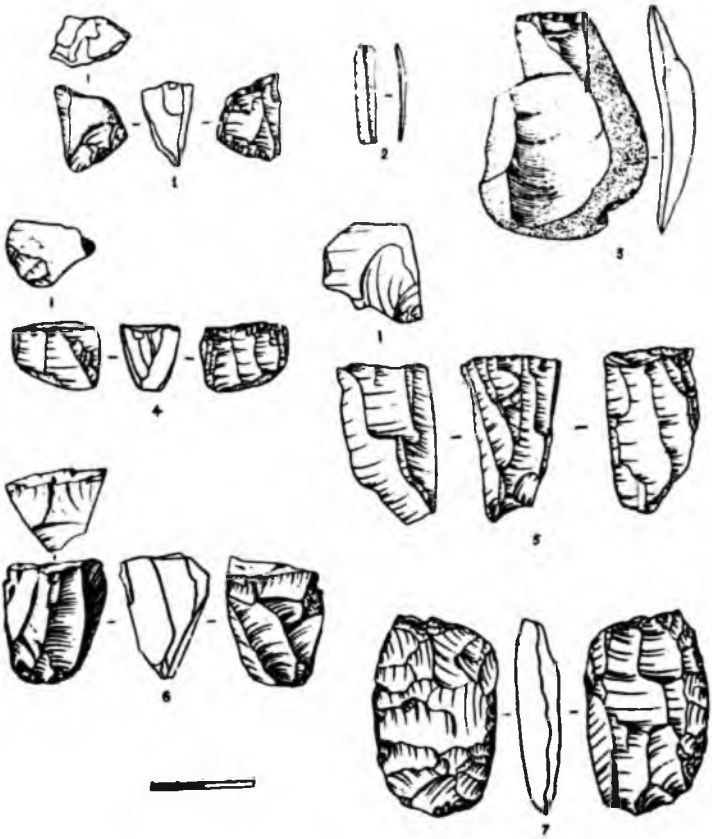


Рис.4. Изделия из камня

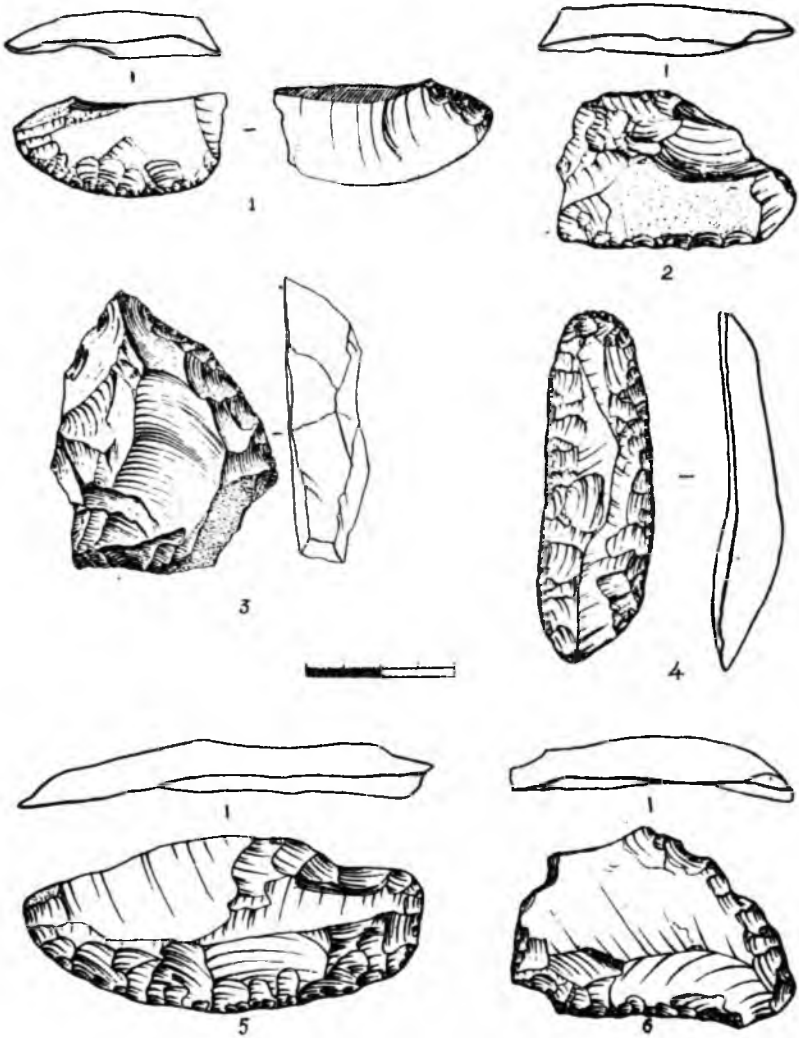


Рис.5. Изделия из камня

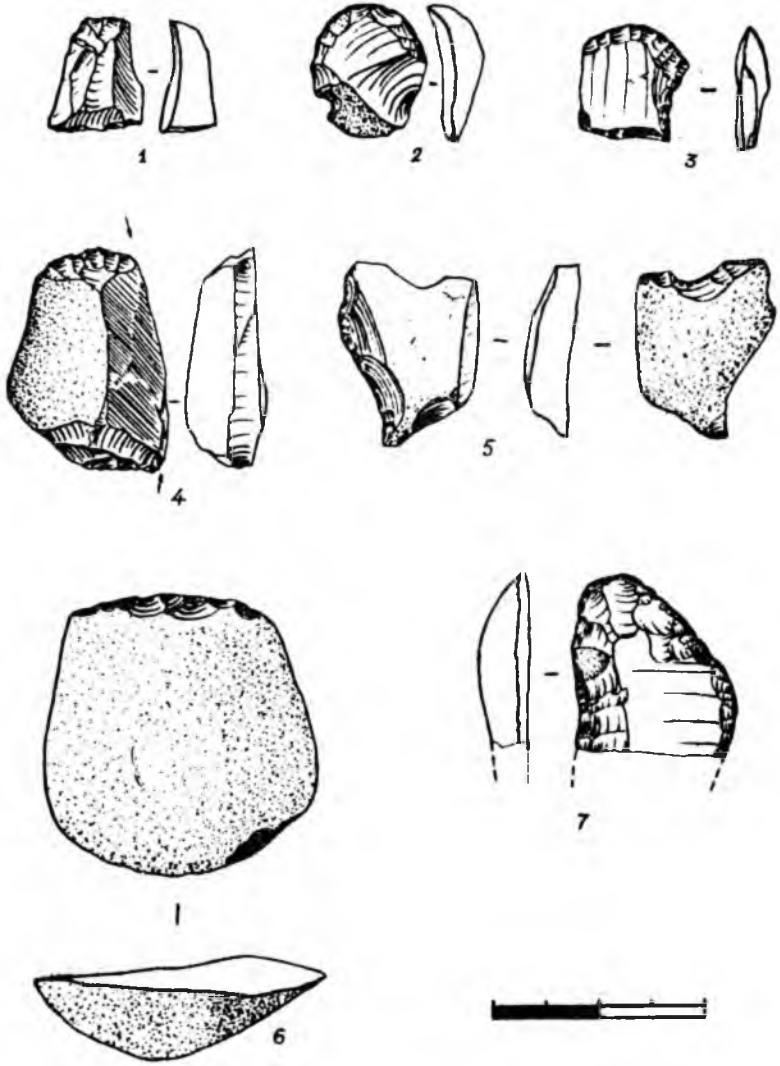


Рис.6. Изделия из камня

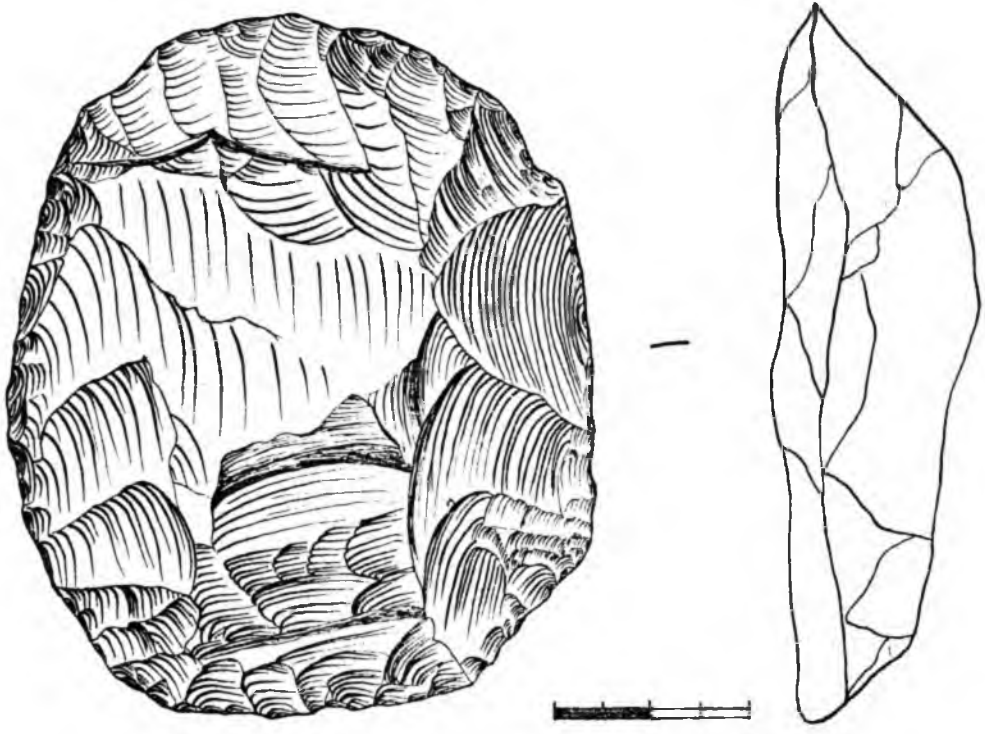


Рис.7. Черемушник П. Нуклеус

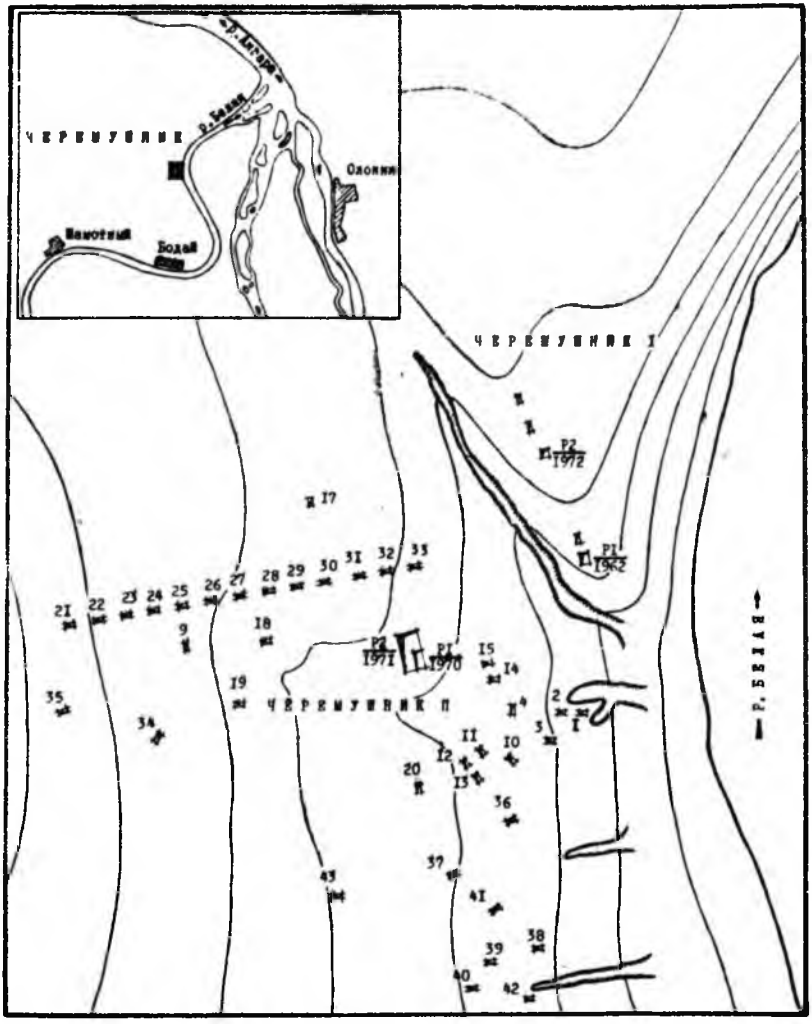


Рис.8. Черемушник. План местности

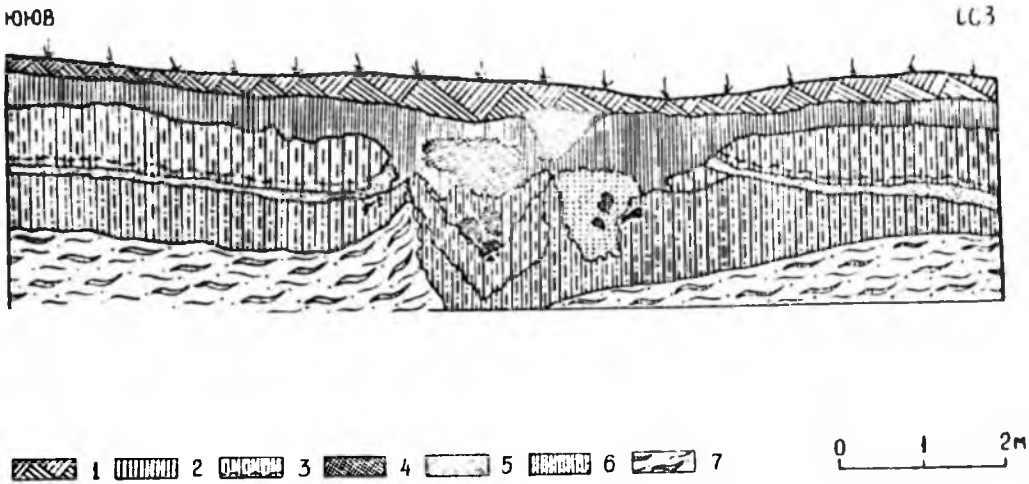


Рис.9. Стратиграфический разрез северо-западной стенки раскопа № 2

Условные обозначения
(к рис. 9)

1 - почвенно-растительный горизонт;
2 - темно-коричневый суглинок;
3 - палевая карбонатизированная супесь;
4 - гумусные пятна в заполнениях трещин;
5 - прослойка песка;
6 - сероватая песчанистая супесь;
7 - суглинки, глины с линзами ожелезненного песка

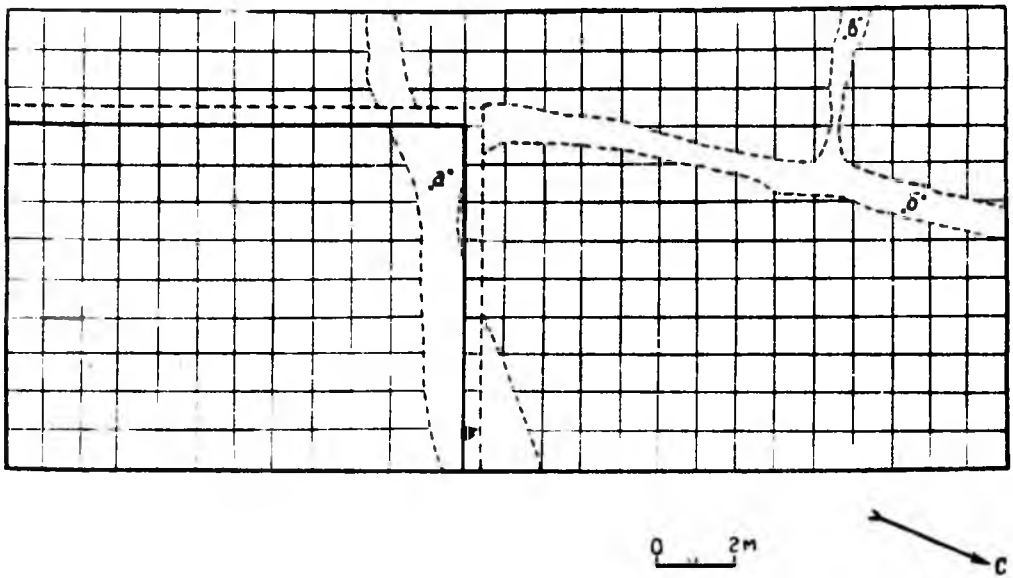


Рис.IO. Ситуационный план трещин, вскрытых в раскопах № I и № 2

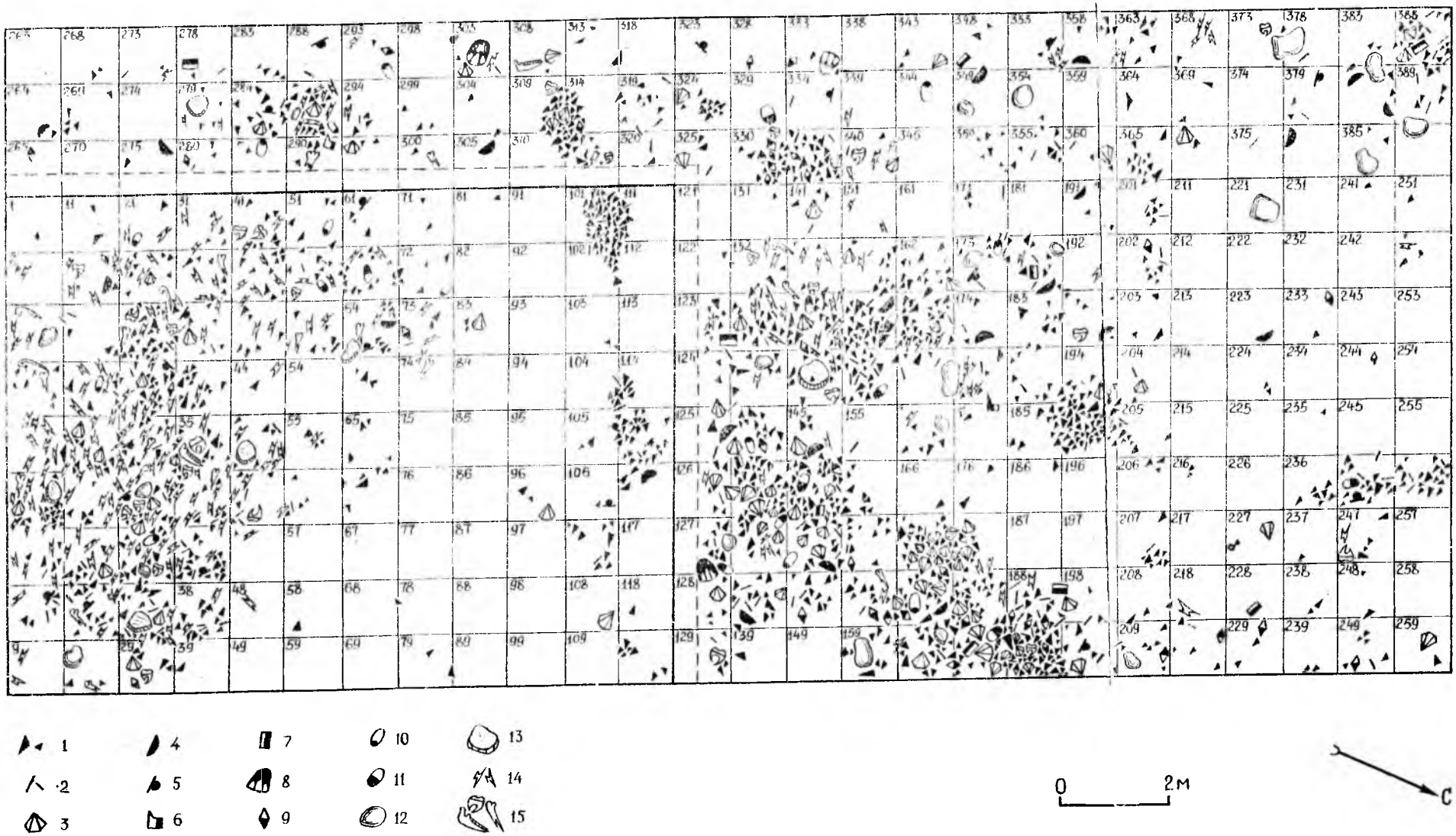


Рис.II. План находок I культурного горизонта

Условные обозначения

I – отщепы;
2 – пластины;
3 – нуклеусы;
4 – нож[illegible], скребла;
5 – ск[illegible];
6 – резцы;
7 – пластины с двусторонней подтеской;
8 – чопперы, чоппинги;
9 – битый кремень;
I0 – галька-отбойник;
II – битая галька;
I2 – речная галька;
I3 – плитки известняка;
I4 – осколки трубчатых костей млекопитающих;
I5 – определимая фауна

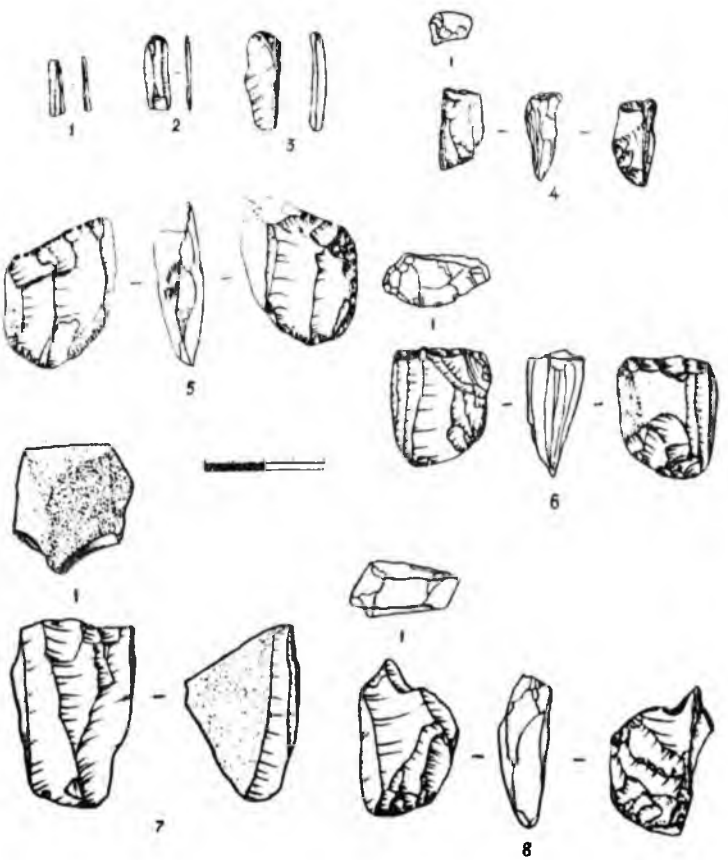


Рис. I2. Изделия из камня. I культурный горизонт

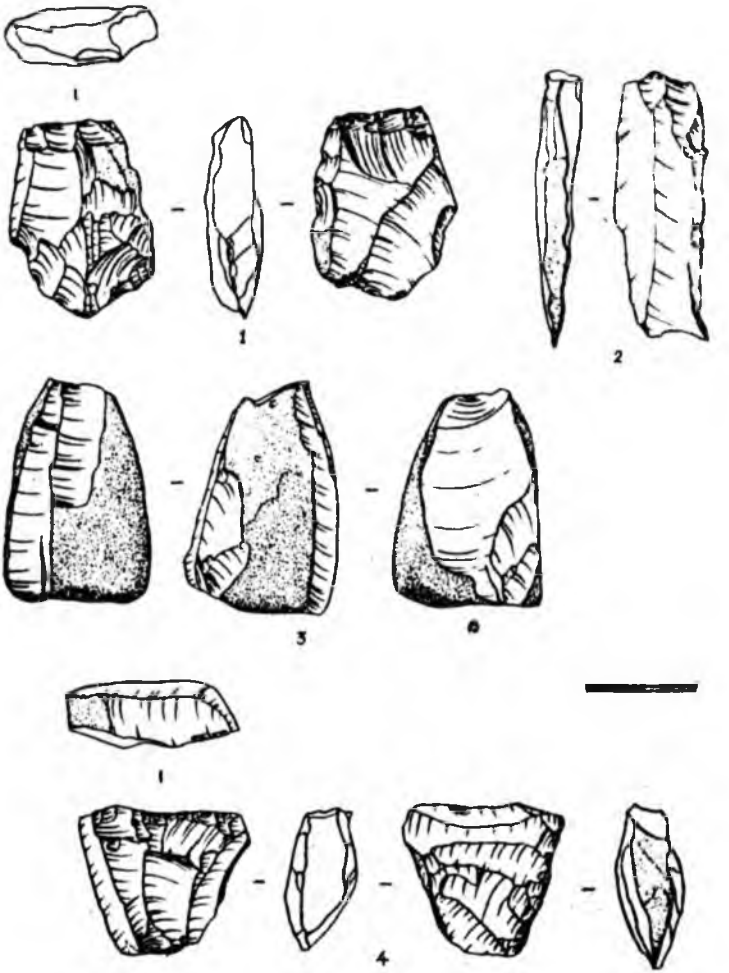


Рис.13. Изделия из камня. I культурный горизонт

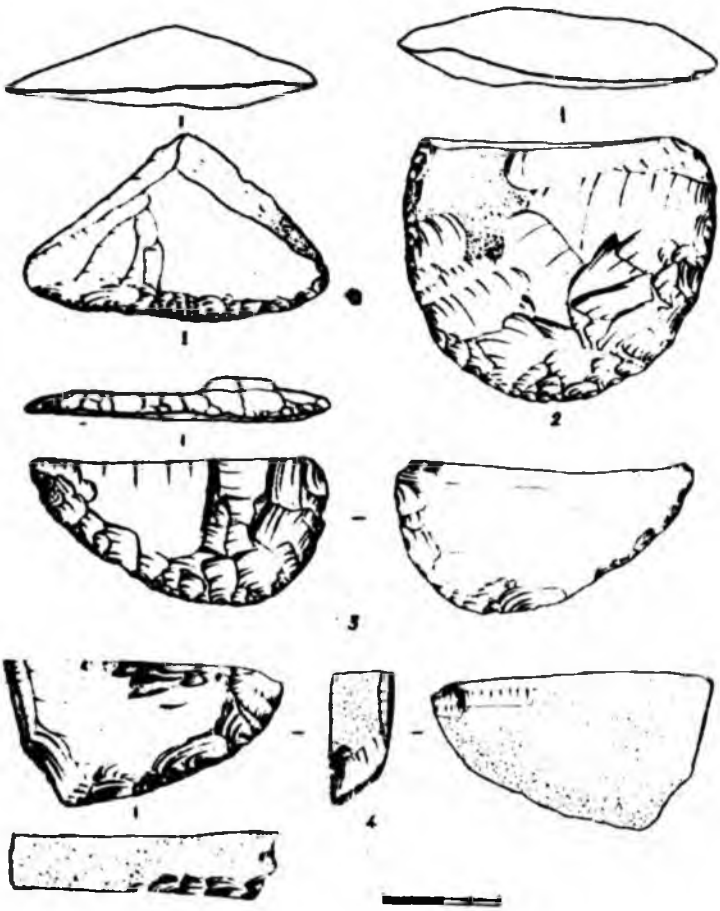


Рис. I4. Изделия из камня. I культурный горизонт

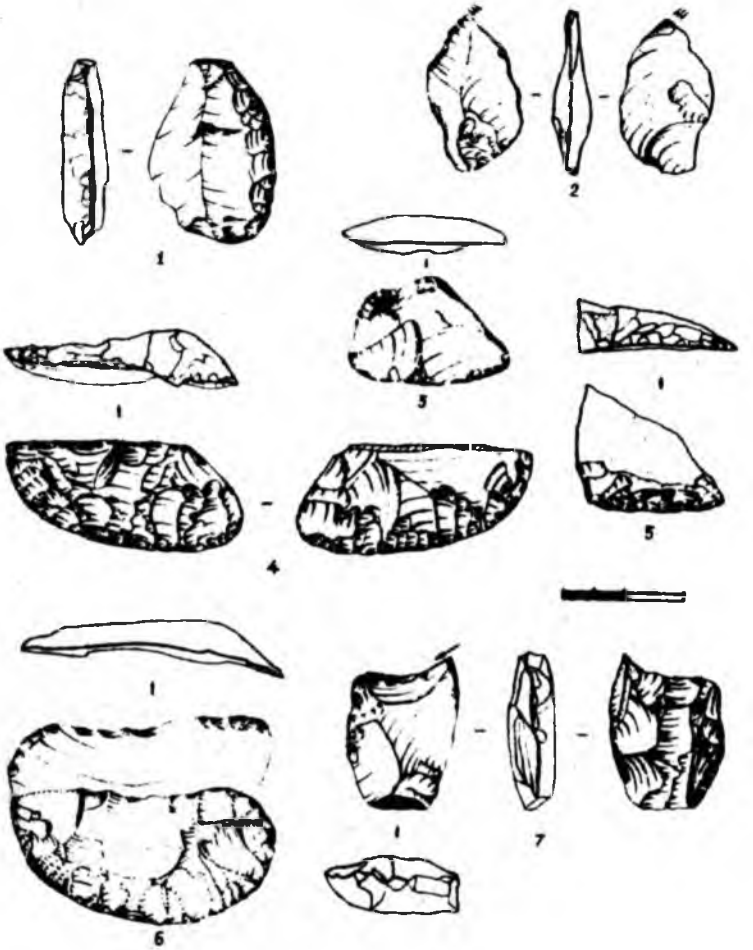


Рис.15. Изделия из камня. I культурный горизонт

Рис.16. Изделия из камня. I культурный горизонт

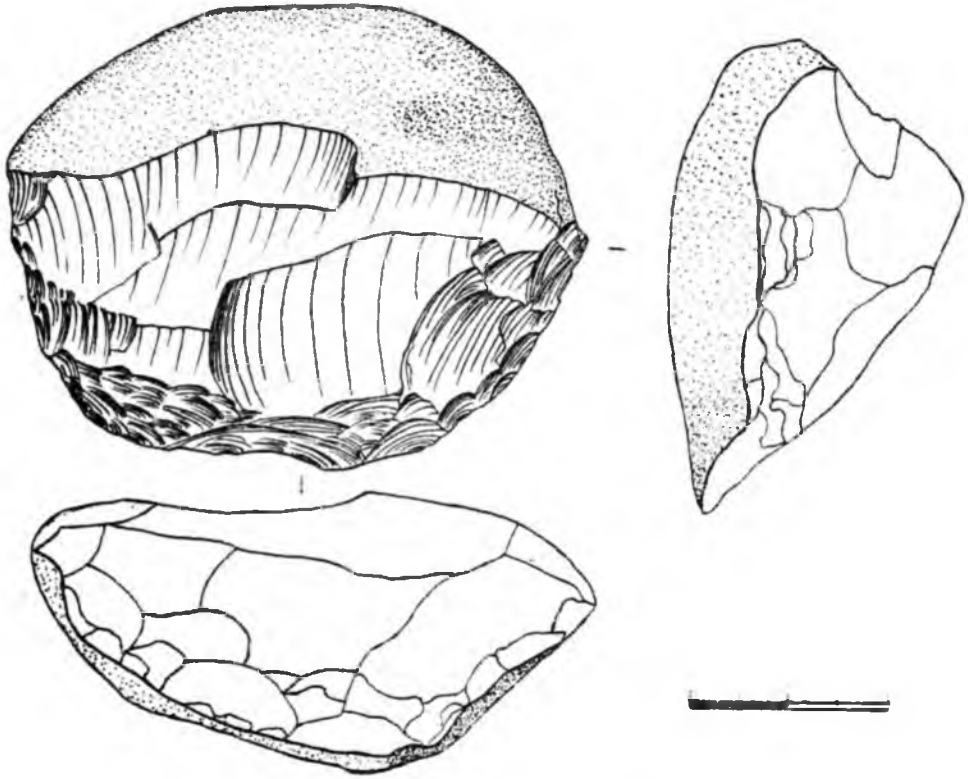


Рис.17. Чоппер. I культурный горизонт

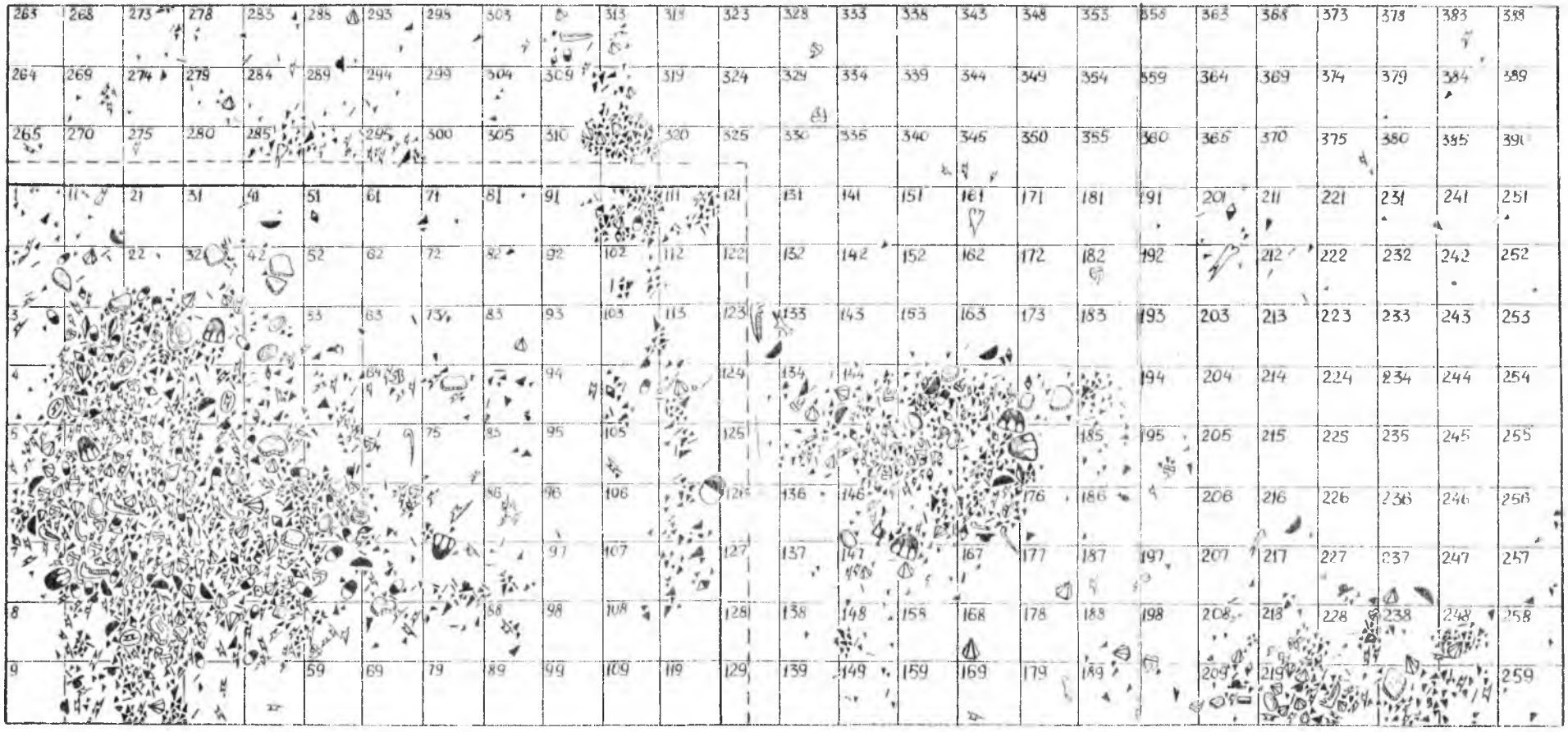


Рис.18. План находок II культурного горизонта

Условные обозначения

1 – отщепы;
2 – пластины;
3 – нуклеусы;
4 – остроконечники;
5 – ножи, скребла;
6 – скребки;
7 – резцы;
8 – пластины с двусторонней подтеской;
9 – чопперы, чоппинги;
10 – битый кремень;
11 – галька-отбойник;
12 – битая галька;
13 – речная галька;
14 – плитки известняка;
15 – осколки трубчатых костей млекопитающих;
16 – осколки трубчатых костей с насечками;
17 – обломок шила из кости;
18 – определимая фауна

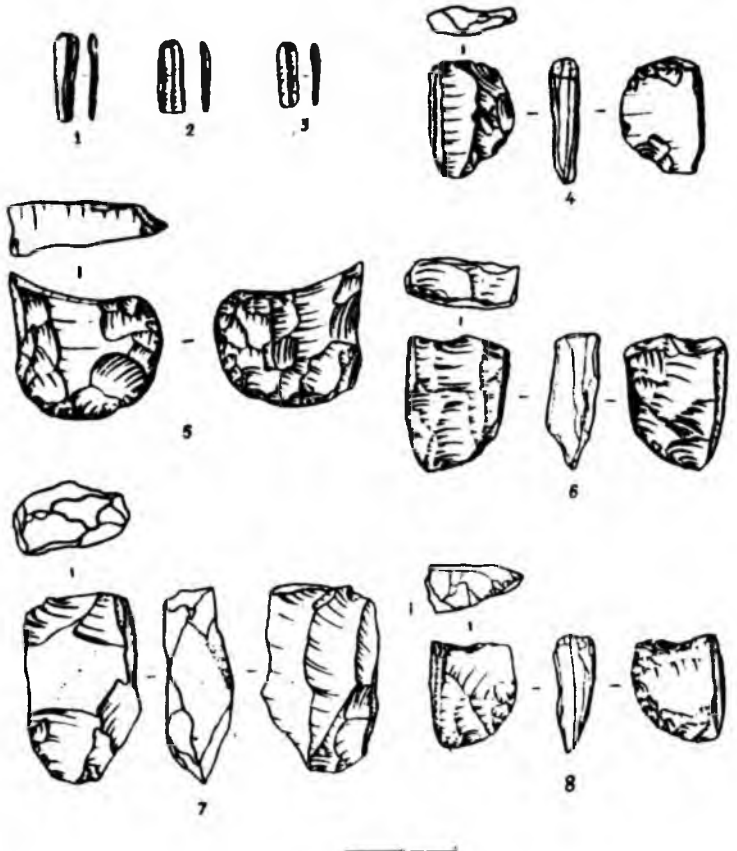


Рис.19. Изделия из камня. II культурный горизонт

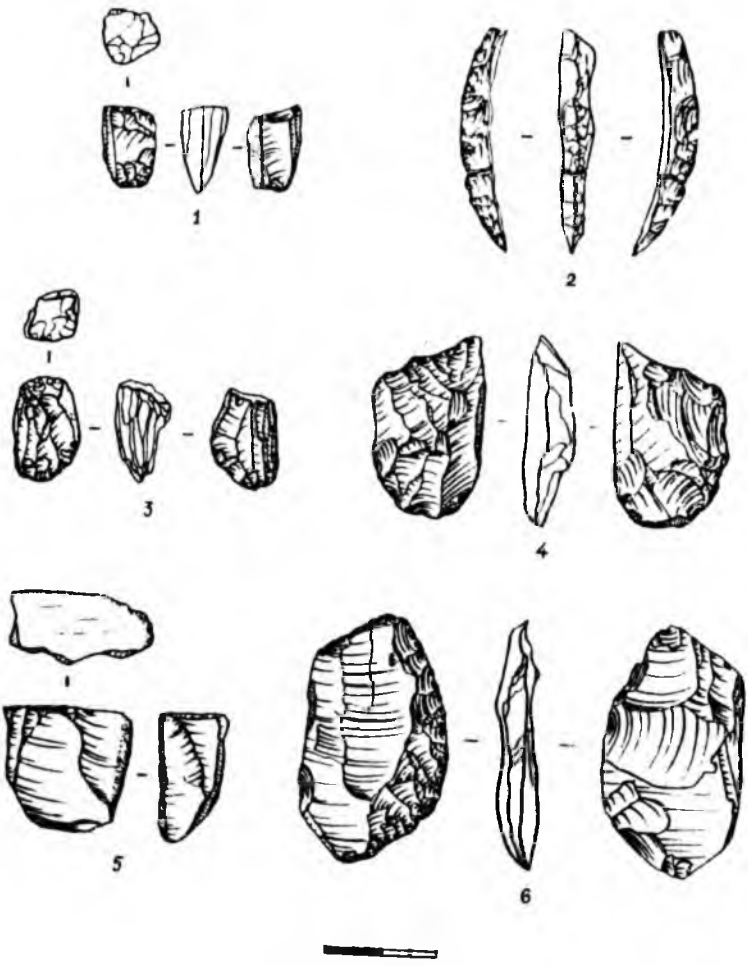


Рис.20. Изделия из камня. II культурный горизонт

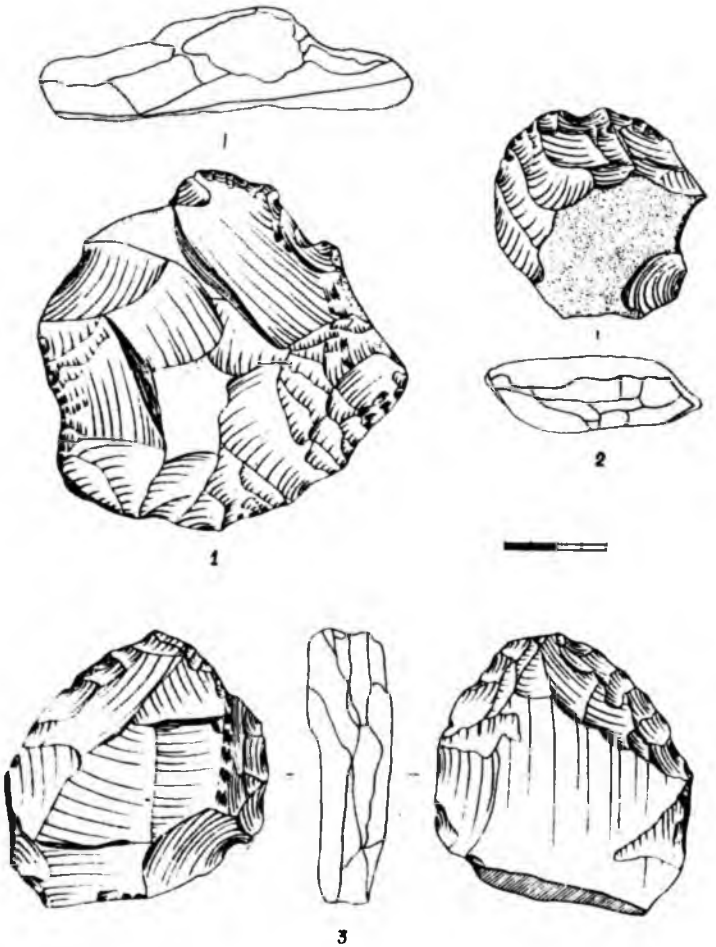


Рис.21. Изделия из камня. II культурный горизонт

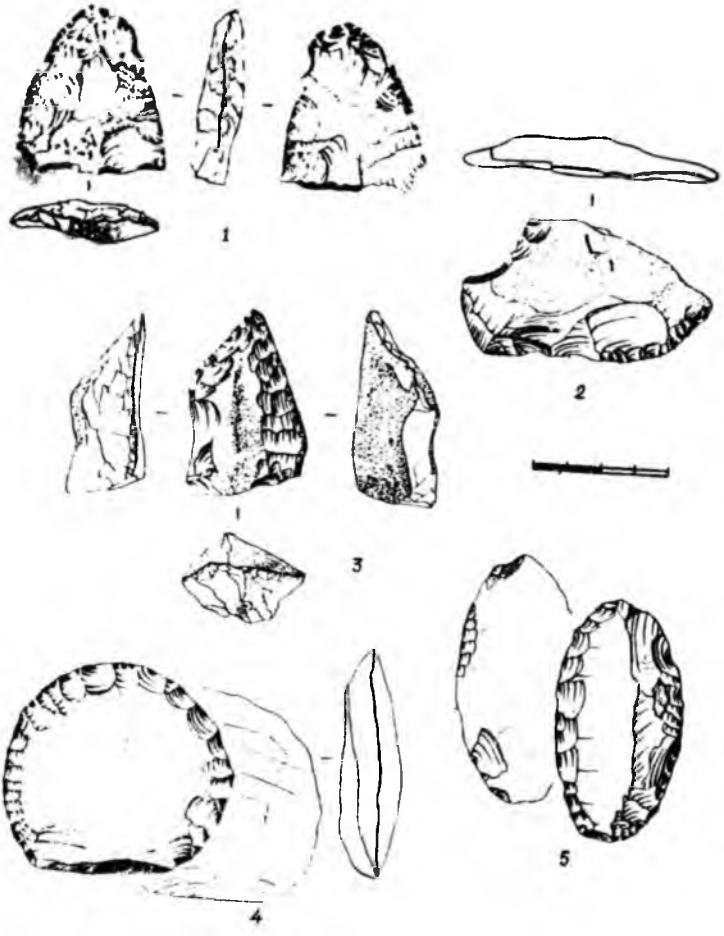


Рис.22. Изделия из камня. II культурный горизонт

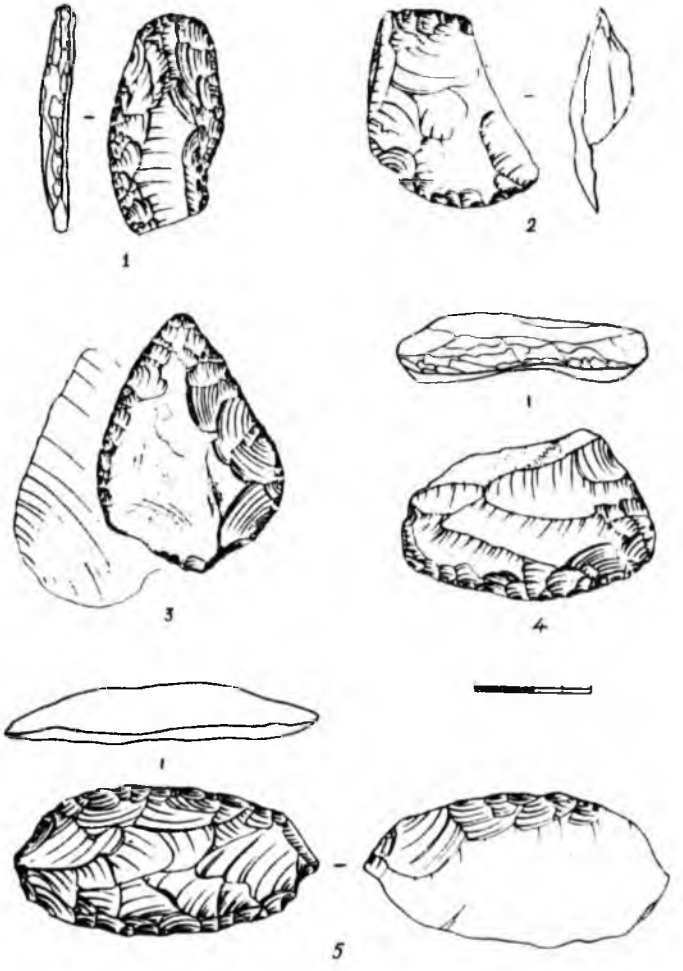


Рис.23. Изделия из камня. II культурный горизонт

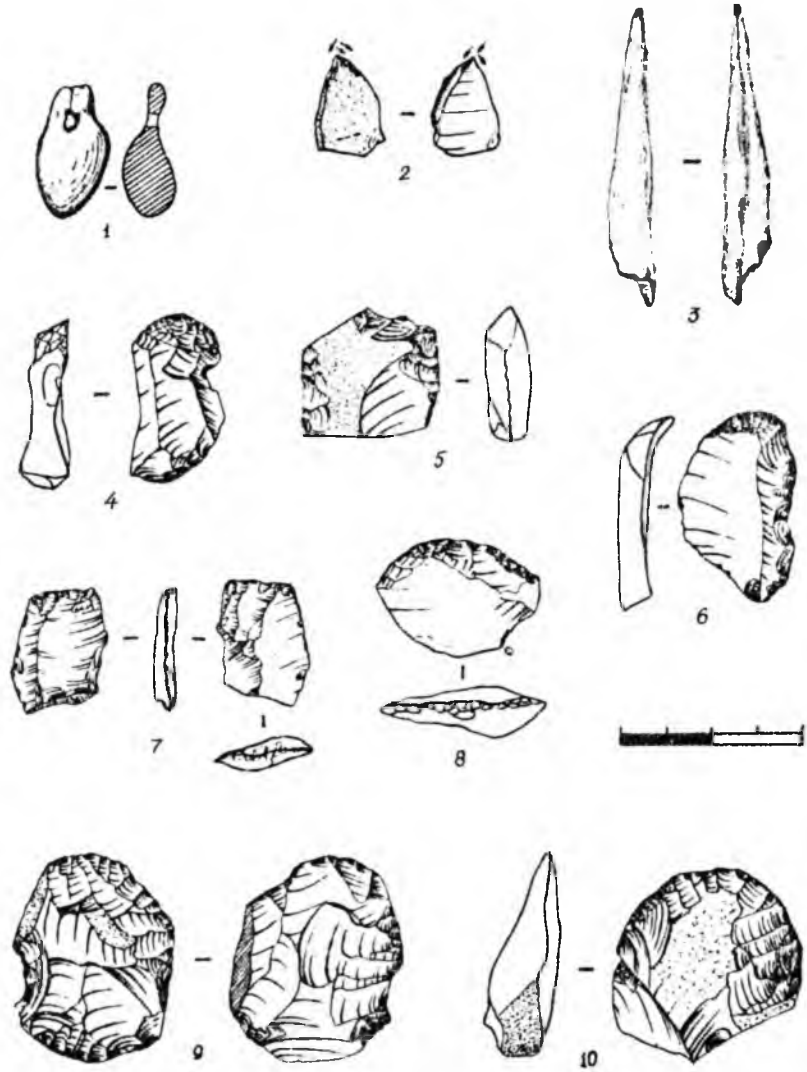


Рис.24. Изделия из камня. II культурный горизонт

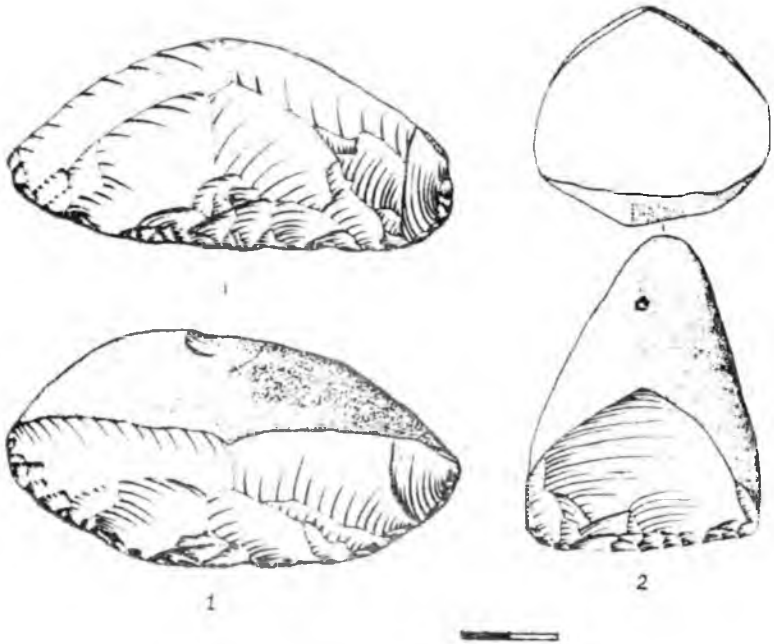


Рис.25. Изделия из камня. II культурный горизонт

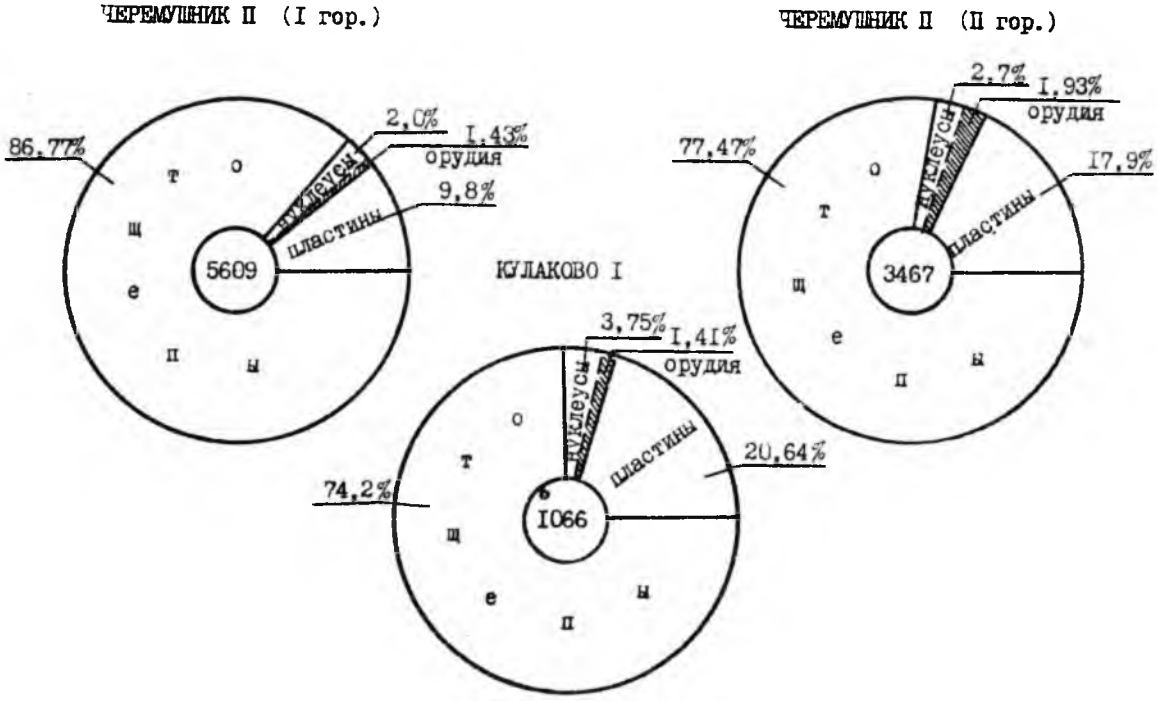


Рис.26. Процентное соотношение основных групп каменного инвентаря Черемушника II и Кулаково I

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ КГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

М.В.Константинов, В.Ф.Немеров

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПОДЛОПАТКИ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Село Подлопатки расположено в низовьях Хилка - одного из самых крупных притоков Селенги. В 1949 г. А.П.Окладников обнаружил между селом и Долгинскими увалами в котловине выдувания осколки скорлупы яиц страуса и пять каменных изделий: заготовку нуклеуса, отбойник, скребок, отщепы (Окладников, 1959). До недавнего времени - это было единственное известное поселение каменного века во всей долине Хилка, протяженность которого около 1000 км.

Широкие археологические исследования в долине р.Хилка развернулись, начиная с 1969 г. Они позволили в течение нескольких полевых сезонов (1969-1973 гг.) открыть более 100 археологических памятников разных эпох. Среди них и новое поселение близ с.Подлопатки. Находится оно в 4 км ниже этого села и в 6 км выше с.Ноехон на левом берегу реки в распадке под названием Лужки.

Стоянка занимает сравнительно ровную площадку на склоне увала на высоте, примерно, 20-25 м над рекой и имеет северо-восточную экспозицию.

Часть стоянки разрушена узкой и длинной котловиной выдувания. В ней в 1971 и 1973 гг. и была собрана небольшая, в

196 номеров, но выразительная коллекция каменного инвентаря, сочетающего в себе черты палеолитического и неолитического времени, и керамики эпохи металла.

Каменный инвентарь включает в себя следующие изделия:

I. Нуклеусы. Семь из них, включая две заготовки, относится к разряду обыкновенных широко распространенных клиновидных нуклеусов (рис.I - I4-I6). С нуклеусов снимались узкие, длинные и правильные микропластинки. Фасетки от них занимают боковую поверхность. Прилегающие поверхности, затесанные вертикальными и поперечными сколами, образуют клин - прямой или дугообразный. Ударные площадки тщательно выровнены мелкими сколами. Они - прямые или слегка вогнутые, перпендикулярные поверхности скалывания. Высота нуклеусов в 2-3 раза превышает ширину и только у одного - равна ширине. Рабочая поверхность этого нуклеуса, покрыта негативами отщепов и испорчена грубым изломом (рис.2 - II). От этого нуклеуса можно перекинуть мостик к нуклеусам 2-й группы.

Нуклеусы, образующие эту группу (5 экз.) отличаются большим своеобразием (рис.2 - I0,I2). На первый взгляд это - простые отщепы средних размеров или бесформенные сколы, и только после тщательного сопоставления их друг с другом и правильного расположения в пространстве выявляются, как некоторые закономерности их формы, так и назначение. В основу нуклеусов действительно положены отщепы, с одного из концов которых, обычно слегка утолщенного, без всякого специального или, по крайней мере, не бросающегося в глаза оформления, сбивались пластинки. Они могут быть длинными или короткими, обыкновенно узкими и, судя по фасеткам, не всегда правильными. Остальные поверхности нуклеусов обычно располагаются так, что образуют клин с основанием в нижней или боковой (противоположной рабочей) частях нуклеуса. Тело нуклеуса при этом приобретает широтное простирание, с шириной в I,5-2 раза превосходящей высоту. У одного из нуклеусов - 2 рабочие поверхности. Они расположены на противоположных концах отщепа и развернуты по отношению друг к другу на 90^{0}. В целом, однако, эти нуклеусы, несмотря на все их своеобразие и примитивизм, близки к нуклеусам гобийского типа.

Два нуклеуса являются призматическими. Пластинки у них снимались с центральной части прямоугольной в плане поверхности, по краям же ее сохраняется естественная корка. Кроме того можно отметить 6 нуклевидных желваков.

2. м и к р о п л а с т и н к и. Найдено 27 экземпляров. Почти все они - в обломках. Микропластинки отличаются правильностью форм и огранки, хотя есть среди них и искривленные. Ширина пластинок колеблется от 0,3 до 1 см, высота в 3-5 и более раз превосходит ширину, толщина - 0,1-0,2 см. Многие пластинки имеют так называемую "рабочую ретушь". Фасетки ее прослеживаются по граням со спинки или с брюшка. Очевидно, пластинки использовались как вкладыши. Одна пластинка снабжена двумя небольшими симметричными выемками на боковых гранях: одна из выемок оформлена ретушью с брюшка, другая - со спинки. Орудие изготовлено из разноцветной зеленовато-коричневой яшмы.

3. П л а с т и н ы. Их можно выделить 8. Высота их 3,5-5 см. 3 из них полупервичные. Остальные - с некоторыми отклонениями от норм (выступы по граням и т.д.). Происхождение пластин во многом случайно и связано или с оформлением или с начальным снятием заготовок с нуклеусов. 7 пластин имеют по длинным граням и нижнему концу зазубринки, свидетельствующие об их употреблении в деле без дополнительной обработки.

4. Б о к о в ы е с к о л ы - II экз. 8 из них крупные, сбитые с нуклеусов еще задолго до их полного "истощения"; 3 - с мелких нуклеусов. Некоторые боковые сколы имеют поперечную затеску, у других ребро устранено пластинчатыми снятиями, третьи - полностью или частично сохраняют корку. Один боковой скол дополняет серию пластин и микропластин с "рабочей ретушью".

5. К о н ц е в ы е с к р е б к и. Они разбиваются на несколько групп. I группа состоит из скребков, заготовками для которых явились короткие пластины или пластинчатые отщепы (9 экз.). Рабочий край у них выпуклый. Оформлен он при помощи крутой ретуши со спинки на конце, противоположном ударному бугорку. Такой же по характеру ретушью обработаны боковые грани, образующие зауженный обушок. Размеры скреб-

ков стандартные. Высота 4–4,5 см, ширина 2,3–3 см, толщина 0,4–0,9 см. Только один из скребков более крупный – 6,7 х 3,7 х 1,3 см и имеет полукруглый рабочий край. Из боковых граней обработана только одна, другая же уплощена несколькими сколами (рис.2 – I–5). К этой группе близок еще один скребок изготовленный из плоской естественной плитки, с очень крутой ретушью по рабочему краю, а также по боковой грани, но уже нанесенной с противоположной поверхности.

2 группу характеризует только одно изделие трапециевидной формы из крупного отщепа. В отличие от скребков I группы, сохраняющих ударную площадку, боковая спинка у него оформлена ударной ретушью. (рис.2 – 7).

В 3 группе объединены скребки (4 экз.), близкие к таковым из I группы, но изготовленные из отщепов средних размеров и обработанные по нижнему краю мелкой эпизодической ретушью.

В 4 группе – скребки из маленьких отщепов, два из них – концевые с высоким выпуклым, обработанным со спинки рабочим краем. У трех же скребков мелкая эпизодическая ретушь сопровождает одну из длинных сторон (рис.2 – 8,9).

5 группа состоит из двух изделий, которые по размерам можно считать скреблами (рис.1 – 17,18). Они изготовлены из крупных отщепов округлой формы. Ретушью нижняя и две боковые стороны соединены в единую параболлическую линию. Еще два скребка – из отщепов чуть меньших размеров с полукруглым рабочим краем.

Отдельно следует описать массивное скребло из целой гальки. Рабочий край у него оббит крупной высокой, очень тщательной ретушью с одной поверхности. Не исключено, что это галечное орудие употреблялось и (или только) в качестве чоппера (рис.2 – I3). И еще одно изделие – из массивной трапециевидной в плане гальки. Один край ее оформлен крутой односторонней ретушью. Обработка также коснулась противоположного конца, превращенного рядом ударов в ровную площадку. Если считать это изделие чоппером, то нижний край будет рабочим, а верхняя площадка – "пяткой". Но вполне возможна и трактовка изделия как нуклеуса – верхняя площадка – ударная, тогда как нижняя подтеска – оформление опорного края.

3 изделия являются ножами (рис.1 – 19). Они изготовлены из плоских галек и имеют удлиненную форму. Их боковые грани полностью или частично оббиты, тогда как верхняя и нижняя поверхности сохраняют корку. Рабочим является [illegible] заостренный конец, превращенный ретушью в [illegible] прочное лезвие. У одного из орудий он обломан.

Специальное назначение, вероятно, имело орудие, изготовленное из пластинчатого полупризматического бокового скола (рис.2 – 6). Крутой ретушью со спинки и уплощенной подтеской с брюшка у него оформлены верхний и нижний конец основы. Ретушью обработаны и выпуклые боковые грани. Орудие несколько напоминает концевые скребки. О настоящих функциях его судить трудно.

3 каменных орудия определяются как резцы, но они маловыразительны. Для одного из них использован пластинчатый отщеп. По одному краю нанесена ретушь. Резцовый скол, если только это не случайный слом, рассекает полотно наискось, тем самым вызывая в памяти трансверсальные резцы. Еще один резец – плоская ромбическая плитка с двумя короткими и одним длинным, подправленным ретушью, резцовыми сколами, образующими рабочее острие (рис.2 – 14). Третий резец из отщепа ладьевидной формы с резцовыми сколами по длинным боковым граням.

Керамика в выдуве представлена фрагментами. Всего их 45. Сразу бросается в глаза присутствие гуннской керамики – серой, лощенной, плотной, хорошо обожженой. Имеется несколько крупных фрагментов от венчиков 2 больших по объему сосудов. Венчики сильно профилированные. Такая керамика широко представлена в Иволгинском городище и других гуннских памятниках Селенги. Ими она обнаружена на Хилке, в выдувах близ с.Пески, Узкий Луг, Нижний Мангиртуй. Остальные фрагменты в Подлопатках – другого характера. Из них – 2 венчика от сосудов с кирпичным оттенком, с примесью песка. Один венчик слегка утолщенный, заовленный сверху, другой – фигурный, с четко обозначенным уступом. Есть фрагменты с невысоким валиком, рассеченным короткими прямыми насечками и фрагмент с частыми, образующими горизонтальный ряд, прямоугольными вдавлениями. 2 последних фрагмента, как и все прочие неорнаментированные, один из которых происходит от плоского донышка, имеют светло-коричневый цвет, а на

ощупь, от очень большой примеси крупнозернистого песка, - шероховаты. Возраст и принадлежность этой керамики неясны.

В 1973 г., т.е. во время второго посещения стоянки, по кромке выдува, в месте не затронутом развеиванием, был забит шурф № 8 на 1 м.Он позволил выявить 2 культурных слоя.Они залегали в следующих условиях:

Сверху вниз	Мощность в м
1. Дерн, рыхлый, серого цвета	0,20-0,25
2. Гумусированная черная супесь	до 0,85
3. Желтая супесь	до 1,15
4. Белый песок - материк.	

I культурный слой залегает в слое 2 на глубине 60 см, фактически "в одну линию". Находок немного: несколько невыразительных фрагментов керамики грязно-коричневого цвета толщиной 0,5-0,6 см, обломок почвидной пластины и зубы животных (определение не проводилось). Возраст слоя остается невыявленным, хотя, очевидно, с ним связана какая-то часть керамики из выдува.

II культурный слой - ниже первого на 20 см и связан с нижними 5 см гумусированной и первыми 10 см желтой супеси (80-95 см от поверхности). В слое найден клиновидный нуклеус того же характера, что встречались в выдуве. Пластинки снимались с боковой стороны. Ударная площадка тщательно выстругана. Основание клина выкалено только в нижней части, а в верхней устранен пластинчатым торцовым сколом (рис.I - I).

Кроме того в коллекции II культурного скола присутствуют:

- заготовка клиновидного нуклеуса с шириной чуть больше высоты (рис.I - I3),

- микропластинки, из них 3 целых и 8 обломанных; почти все с "рабочей ретушью" (рис.I - 3-I0);

- I7 маленьких и 6 средних отщепов; один отщеп с мелкой частичной ретушью по грани;

- 2 остроконечника (рис.I - II,I2). Изготовлены из отщепов. Один по форме близок к равнобедренному треугольнику. В верхней части спинки от неудачного удара образовался залом, на остальной части - корка. Подупервичный отщеп - основа второго

орудия – имеет скошенную ударную площадку; ударный бугорок на брюшке расположен сбоку. У обоих орудий обработка произведена со спинки по граням очень мелкой, особенно у второго, ретушью. Грани образуют острие.

Керамика в слое отсутствует. Сопоставление материала из слоя 2 и каменного инвентаря[1] из выдува, свидетельствует об их однозначности – это и будет основной культурный пласт стоянки. Для него характерно сочетание палеолитических и неолитических типов изделий. Палеолитическими типами вправе называться галечные изделия, остроконечники, концевые скребки. Клиновидные нуклеусы появляются во второй половине верхнего палеолита, но широко распространяются и приобретают совершенство в неолите. То же самое относится к микропластинкам. Есть на стоянке и такие своеобразные изделия, как удлиненные ножи и гобийски нуклеусы из отщепов. К этому следует добавить, что в процентном соотношении микроформы преобладают над макроформами. Все это, в целом, говорит, что каменная индустрия Подлопаток является более развитой, чем палеолитическая, но здесь нет еще совершенства и разнообразия неолитического времени, как нет и керамики. Именно эти черты характерны и для ряда других памятников Забайкалья. Это – Чентурук на Ингоде, Дакетуй на Мензе (приток Чикоя) (Кириллов, Ржаский, 1973; Кириллов, 1969), Санный мыс, 2 горизонт – на Уде (Окладников, 1971). Все они определяются как мезолитические. К этому времени, возможно, относятся и некоторые селенгинско-чикойские памятники – Ошурково, "86 км", Дурены, Поворот, Усть-Кяхта I и II, Херексурин-Ури,

---

1. По определению канд. геол. наук С.П.Смеловского в Подлопатках использовались афировый трахит (лиловый), ороговикованный туф и яшмовидные породы.

Ивашка, Дюрбен [2]. Их - и между собой и с предыдущей группой - объединяет как характер археологического материала, так и условия залегания культурного слоя (в тех случаях, когда он выявляется) [3].

Полного совпадения в материалах между мезолитическими памятниками, однако, нет (см. табл.). Это, на наш взгляд, объясняется отчасти тем, что известны они по небольшим коллекциям - в них могут быть не представлены отдельные типы орудий. Но существуют, вероятно, и другие, более глубокие, причины различий, во-первых, временного порядка (в пределах мезолита), во-вторых, определяемые происхождением - они требуют специального изучения. Здесь же следует обратить внимание на то, что из забайкальских палеолитических поселений по характеру материала ближе всего к Подлопаткам недавно открытое поселение близ с.Малый Куналей (долина Хилка, в 100 км выше с.Подлопаток; Кириллов, Константинов, 1972). Расположено оно на 12-метровой террасе и связано со слоем суглинка (1,70-2,40 м от поверхности), пронизанного в верхней части системой морозобойных трещин, что позволяет его датировать периодом сартанского оледенения (22-10 тыс. лет до н.э.).

---

2. На стоянках Санный мыс (2 горизонт), "86 км", Усть-Кяхта - I и II, Ошурково (верхний слой) культурный слой залегает в верхней части лессовидной супеси, начинающейся сразу под дерном (Окладников, 1971; Окладников, 1959; Абрамова, 1959). В Чегуруке - в нижней части гумусированной супеси, перекрываемой дерном (Кириллов, Рижский, 1973). Три нижних культурных слоя приурочены к трем погребенным почвенным слоям, залегающим в покровных лессовидных делювиальных супесях (Окладников, 1971) Геологи (Н.А.Флоренсов, Д.Б.Базаров) расходятся во взгляде на возраст погребенных почв. Датировать стоянку мезолитическим временем позволяет, на наш взгляд, сравнение ее с прибайкальскими памятниками (Усть-Белая, Верхоленская Гора и др.). На стоянках Дакетуй, Ивашка, Дюрбен, Дурены, Поворот - материал подъемный (Кириллов, 1969; Окладников, 1959; Абрамова, 1959).

3. Из указанных памятников Усть-Кяхту I и II, Херексурин-Ури, Ивашку, Дюрбен А.П.Окладников относил к раннему неолиту, остальные - к донеолитическому периоду (Окладников, 1959; Абрамова, 1959).

На поселении найдены серии галечных нуклеусов, чопперов, скребел из массивных отщепов с краевой ретушью, представлены здесь проколки, тесловидные и долотовидные инструменты, крупная леваллуазского типа пластина с ретушью по длинным граням - изделия, которые в с.Подлопатках не известны. Но есть на этом поселении и такие формы, которые повторяют подлопаткинские. И дело здесь не столько в коротких и широких призматических пластинках с мельчайшей ретушью по граням, сколько в концевых скребках с суженным обушком из коротких пластин и пластинчатых отщепов. Только тщательный анализ позволяет увидеть отличия между двумя сериями: куналейские скребки имеют слегка вогнутые боковые стороны и, в некоторых случаях, на контактах этих сторон и рабочего края - небольшие уступы - усики, тогда как у подлопаткинских скребков боковые стороны прямые или слегка выпуклые. Также как и в с.Подлопатках резцы в Куналее немногочисленны и маловыразительны. Есть в Куналее 2 микронуклеуса и несколько микропластинок - достаточная гарантия возможности более широкого употребления этих форм в будущем - в эпоху мезолита. Совпадение отдельных серий орудий при остальных нейтральных факторах позволяет сделать вывод о том, что подлопаткинский мезолит во многом уходит корнями в слои куналейского палеолита.

Таблица *

Нуклеусы и орудия труда мезолитических памятников Забайкалья

Нуклеусы, орудия труда	Стоянки												
	Подлопатки	Дакетуй	Ченгурук	Санный мыс (2 гор.)	Ошурково	Дурены	Поворот	86 км	Усть-Кяхта I	Усть-Кяхта II	Херексурин Ури	Ивашка	Дюрбен
Нуклеусы													
Призматические	x	-	x	-		x		x?		x	x	-	-
Клиновидные	x	x	x	x		x?	-	-	x?	x?	-	x?	x?
Гобийские	x	x	x	x			-	-			-		
Конические	-	x	x	x			-	-		x	-	x	x
Скребки													
Округлые, микроскребки	x	x	x	x	x	x	-	-	-	x	-	-	-
Концевые из пластин	x	x	-	x	x	x	x	-	x	-	-	-	-
Скребла	x	-	-	x	x	x	x	-	-	-	-	-	-
Резцы													
Ладьевидные	x?	x	x	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Угловые на пластинах	-	x	x	x	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Верхоленские (трансверсальные)	x?	-	-	-	x?	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: x – есть в наличии; – изделие не представлено; отсутствие знака означает, что точных данных нет.

---

* При заполнении таблицы использовалась следующая литература: Окладников, 1953, стр.16-23; Окладников, Флоренсов, 1961, стр.472-478: Окладников, Хамзина, 1965, стр.190-196; Аксенов, 1970, стр.43-51 (в работе приводится сравнение стоянок Макарово и Ошурково).

Продолжение таблицы

Орудия труда	Стоянки												
	Подлопатки	Дакетуи	Ченгурук	Санный мыс (2 горн)	Ошурково	Дурены	Поворот	86 км	Усть-Кяхта I	Усть-Кяхта II	Херексурин-Ура	[illegible]	[illegible]
Ножи из массивных пластин (удиненные)	x	x	–	x	–	x	–	–	–	–	–	–	–
Наконечники стрел с боковыми выемками пластинчатые	–	–	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Микропластинки с ретушью по граням и без ретуши	x	x	x	x	x	–	x	x	x	x	–	–	–
Микропластинки с боковыми выемками	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	x	x	x
Топоры, тесла	–	x	x	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Чопперы	x?	–	–	–	x	–	–	–	–	–	–	–	–
Двустороннеобработанные ножи и наконечники дротиков (ножей)	–	–	–	–	–	x	–	–	–	–	–	–	–
Орудия из кости (гарпуны)	–	–	–	–	x	–	–	–	–	–	–	–	–
Составные орудия (вкладышевые ножи, наконечники)	–	–	–	–	x	–	–	–	–	–	–	–	–

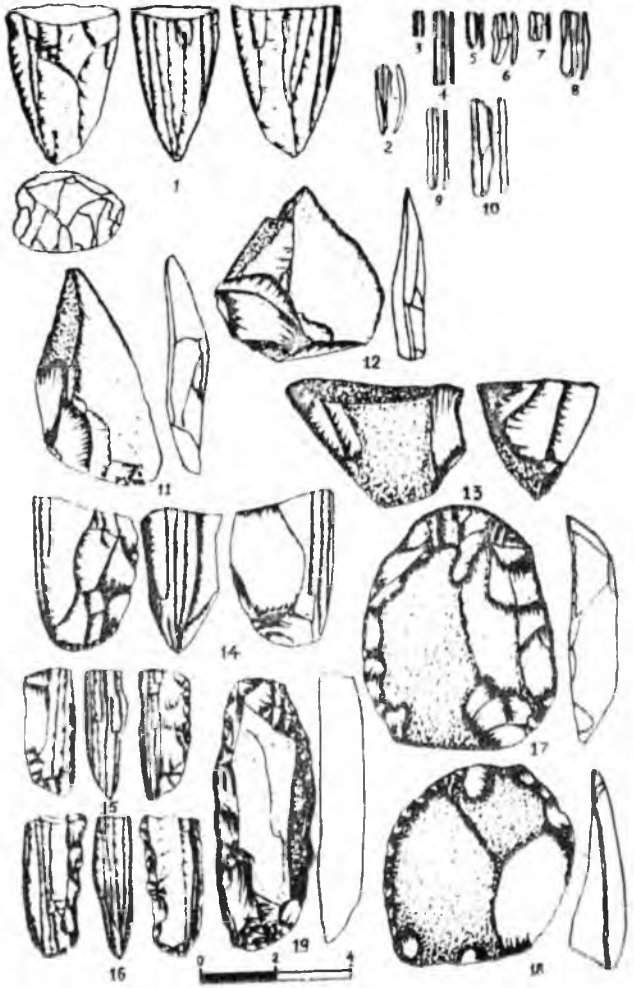


Рис. I. Изделия из камня

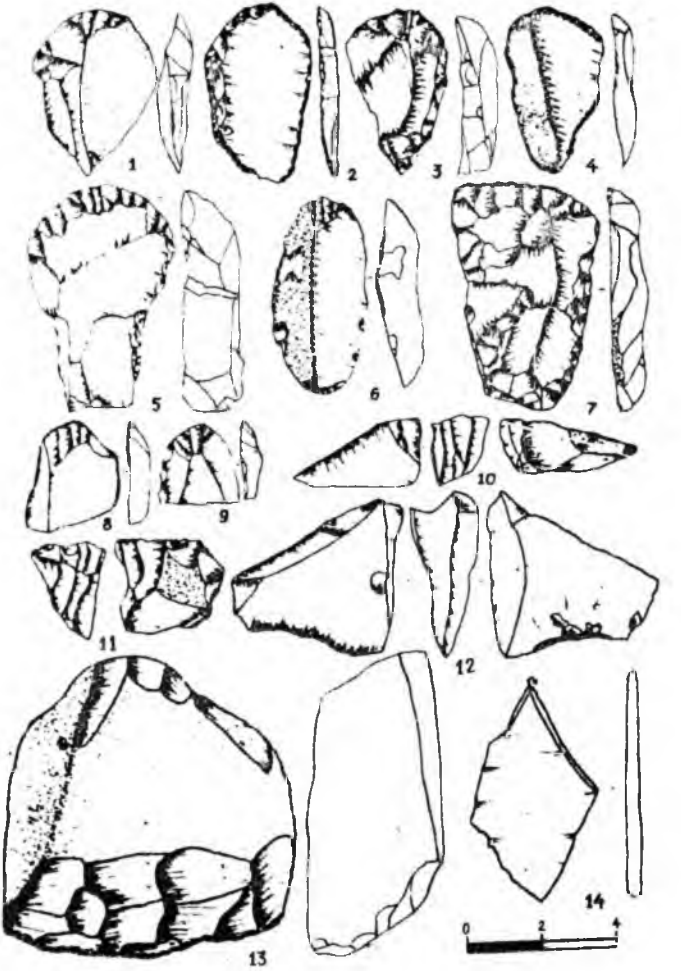


Рис.2. Изделия из камня

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

О.И.Горюнова

АНТРОПОМОРФНАЯ И ЗООМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ДРЕВНЕГО МОГИЛЬНИКА УСТЬ-БЕЛАЯ II

Летом 1973 г. силами Бельского неолитического отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета продолжались раскопки древнего могильника Усть-Белая II (Лежненко, Михнюк, 1973). Двухлетними исследованиями вскрыто 44 погребения, из которых 24 являются сидячими. Наиболее интересным из них представляется инвентарь погребения № 36, вскрытого раскопками 1973 г.

Погребение обнаружено в 26 м от раскопа 1972 г. вверх по течению р.Ангары, в районе основного скопления захоронений.

Стратиграфический разрез высокой поймы реки в месте погребения представляется следующим:

Сверху вниз	Мощность в м
I. Дерн	0,50–0,70
2. Гумусированный слой	0,30–0,35

Ниже идет суглинок (русловой аллювий).

Могильная яма четко прослеживалась в слое суглинка на глубине 40–43 см от дневной поверхности. В плане могильное пятно имело форму овала, вытянутого большим диаметром вдоль берега. Размеры пятна 70 х 50 см. В сечении могильная яма

представляла собой прямоугольную выемку, глубиной 45 см (рис.I).

Погребение мужское [1]. Костяк находился в скорченном положении с подведенными к груди ногами и согнутыми руками. Правая рука прижата к груди, а кисть левой лежала на костях таза. Череп располагался на берцовых костях лицом вниз. Судя по положению ступней ног и костей таза, погребенный находился в сидячем положении, но в свое время, под действием склоновых явлений, костяк завалился на правый бок, сохраняя анатомический порядок. Первоначально скелет ориентирован лицом на север, т.е. вниз по течению р.Ангары (рис.2).

Погребальный инвентарь представлен подвесками из клыков марала (I5 экз.), расположенными полукругом под черепом (рис.3 - 3); костяным крючком для вязания сетей (рис.3 - I), обнаруженным в 5 см от левой подвздошной кости, и сверлом из кремня (рис.3 - 2), найденным в 3 см к востоку от мезинца правой ноги.

Кости таза, крестец и левую руку перекрывает зооморфная скульптура, представляющая собой изображение головы лося, вырезанное из бедренной кости сохатого (рис.4). Скульптура полая. Длина изделия 29 см. Мастер использовал для своих целей естественную конфигурацию кости, подработав только детали. Скульптура стилизована, но основные, определяющие черты четко переданы. Пропорции морды лося вытянуты. Сзади голова животного обрезана. Естественная форма кости передает характерный для животного лобный бугорок. Лось изображен с открытой пастью, видимо, в момент гона. Ноздри животного показаны продолговатыми срезами, а глаза - в виде маленьких, круглых, концентрически сужающихся отверстий. Диаметр глаза 0,8 см.

Второе зооморфное изображение найдено под правым коленом погребенного (рис.3 - 4). Оно выполнено на узкой костяной пластине из трубчатой кости животного. Верхняя сторона изде-

---

I. Предварительное определение поло-возрастного состава погребенных произведено сотрудником Института Этнографии АН СССР М.М.Герасимовой.

лия выпуклая, внутренняя – плоская, с остатками губчатого вещества. Древним мастером вырезана широкая закругленная голова. От узкого продолговатого туловища она отделена полукруглыми надрезами. Конец туловища обломан. Глаза переданы в виде маленьких круглых ямок, находящихся в разных плоскостях. По всей видимости, мы встречаемся со скульптурным изображением змеи. Длина изделия 8,2 см.

В 3 см от локтя правой руки обнаружено две антропоморфные скульптуры.

Первая, вырезанная из рога, изображает женщину в полный рост (рис.5). Длина фигуры 2[illegible],5 см. Скульптура стилизована, но передает основные детали. Голова антропоморфного изображения (длина 4,5 см) имеет овальную форму и составляет 1/5 длины всего изделия. Моделировка лица схематична. Древним мастером изображены крутые уступы надбровных дуг, переходящие в прямой, узкий нос, чуть расширяющийся книзу. Поверхности щек и рта западают. Глаза и рот не обозначены. В изображения лица четко моделированы широкие скулы и острый подбородок. Очертания головы плавно переходят в шею, плечи отсутствуют. Туловище изогнуто, образуя с правой стороны резкую выпуклость. На правом боку древним художником передана женская половая принадлежность. Туловище оканчивается перехватами, выделяющими ноги. Объемные, прямые ноги отделены друг от друга прямоугольной выемкой. Руки у фигуры отсутствуют.

В качестве исходного материала для изготовления второй антропоморфной скульптуры использован крупный поясничный позвонок лося (рис. 6). С помощью удаления тела остистого отростка и дополнительной подработки необходимых деталей, позвонок доведен до изображения антропоморфного лица (маски). Резчиком остроумно использована естественная конфигурация позвонка. Антропоморфное лицо имеет форму овала, приостренный конец которого изображает подбородок. Рельефные надбровные дуги переходят в узкий, длинный нос, занимающий большую часть лица и заканчивающийся прямым поперечным срезом, вскрывающим губчатую ткань позвонка. Этот срез образует так называемый носогубной треугольник, на котором вырезан рот в виде трапециевидного углубления. Естественная форма позвонка изо-

бражает впалые щеки. Глаза показаны круглыми вдавлениями, находящимися симметрично по отношению друг друга. В районе предполагаемых ушей расположены сквозные круглые отверстия. Третье отверстие находится на небольшом выступе, вырезанном как бы на затылке, с обратной стороны антропоморфной скульптуры. Видимо, маска предназначалась для подвешивания или пришивалась к одежде. Высота лица 11 см, ширина в районе расположения глаз (наибольшая ширина) - 9,5 см.

Скульптурки, найденные в погребении № 36, являются уникальными для Прибайкалья, хотя сам сюжет изображения лося и человека широко распространен на этой территории и часто встречается в китойских и глазковских погребениях.

По манере исполнения фигурки из погребения № 36 соответствуют ранее известным в Прибайкалье скульптурам, относящимся к глазковской культуре (Окладников, 1950б, 1955б; Студзицкая, 1969, 1970). Отличия заключаются в некоторых вариациях трактовки образа и в выборе материала, из которого они изготовлялись.

Говорить о принадлежности скульптур из погребения № 36 к локальному варианту глазковской культуры или предположить существование новой этнической группы, синхронной глазковской, а также датировать их более поздним периодом (т.е. развитой бронзой)[2], мы пока не можем из-за отсутствия серийного материала. Дальнейшие исследования могильника Усть-Белая II помогут в решении возникших вопросов.

---

2. В пользу этого предположения говорит материал, сопровождающий погребения этого типа, содержащий большое количество бронзовых и медных изделий.

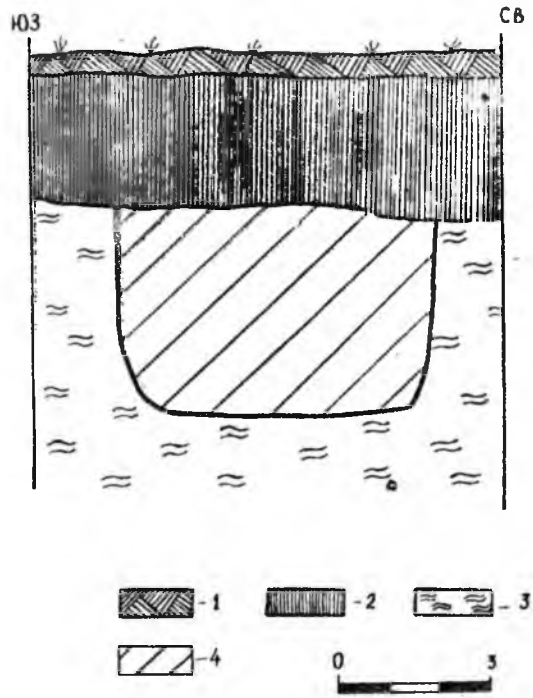


Рис.I. Разрез погребальной ямы погребения № 36. Условные обозначения: I - дерн; 2 - гумусный слой; 3 - суглинок; 4 - заполнение могильной ямы

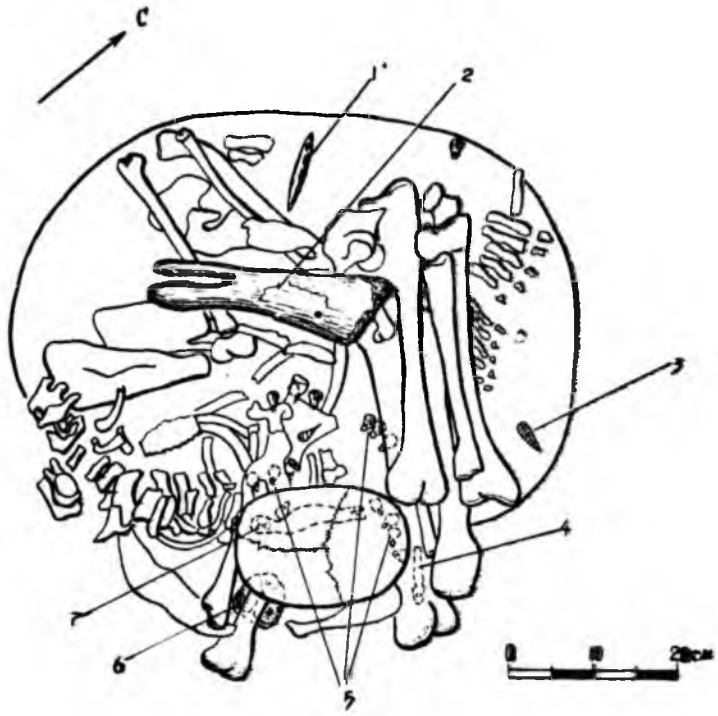


Рис.2. План погребения № 36

(к рис. 2)

I - крючок для вязания сетей;
2 - зооморфная скульптура лося;
3 - сверло из кремня;
4 - скульптура змеи;
5 - подвески из клыков марала;
6 - антропоморфная маска;
7 - антропоморфная скульптура

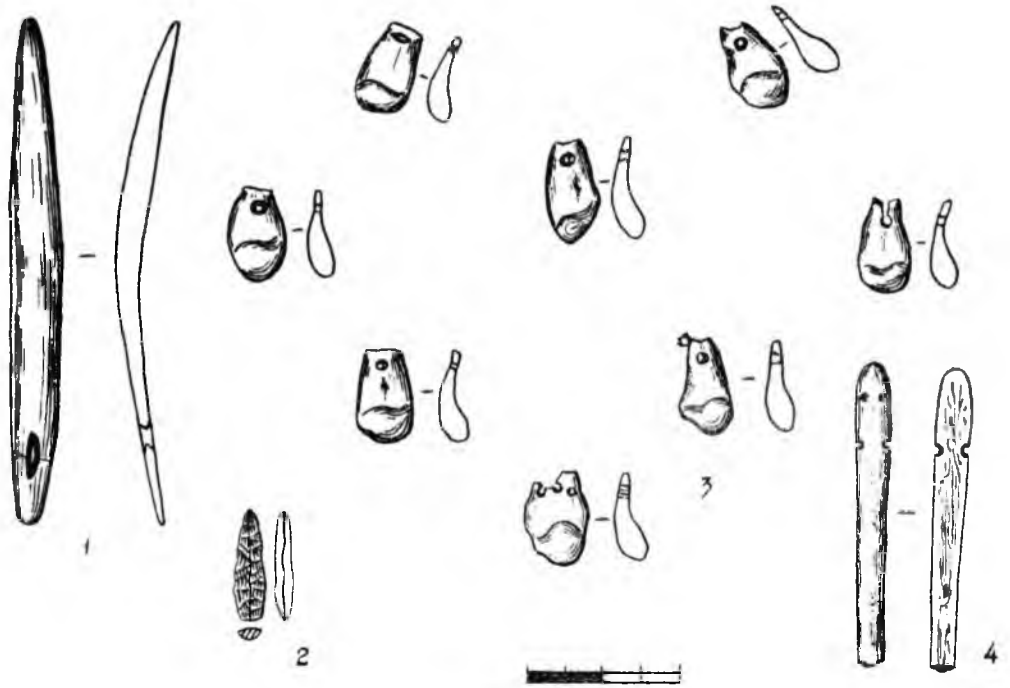


Рис.3. Инвентарь погребения № 36

(к рис. 3)

I - костяной крючок для вязания сетей;
2 - сверло из кремня;
3 - подвески из клыков марала;
4 - зооморфная скульптура (змея)

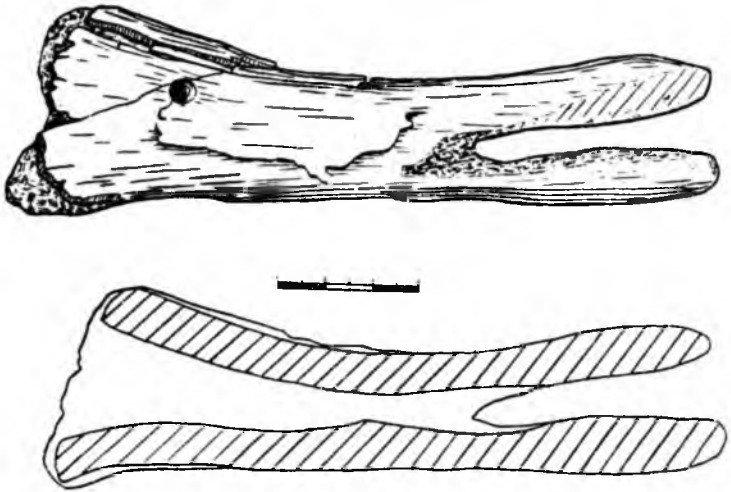


Рис.4. Зооморфная скульптура (голова лося)

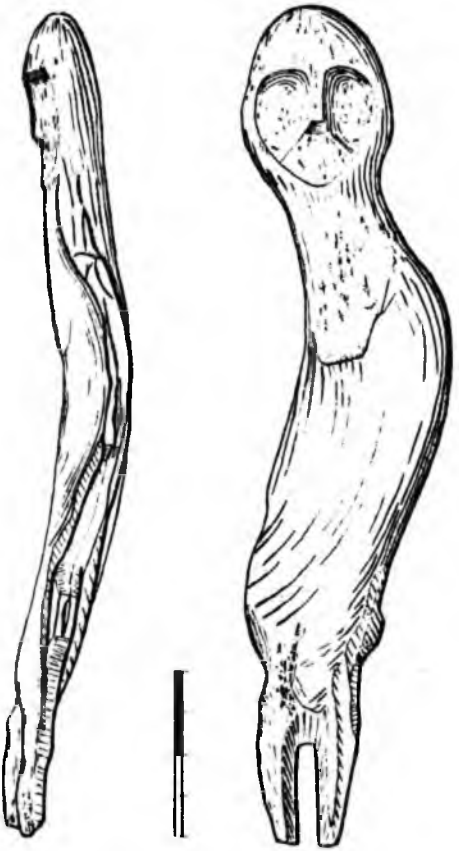


Рис.5. Женская скульптура

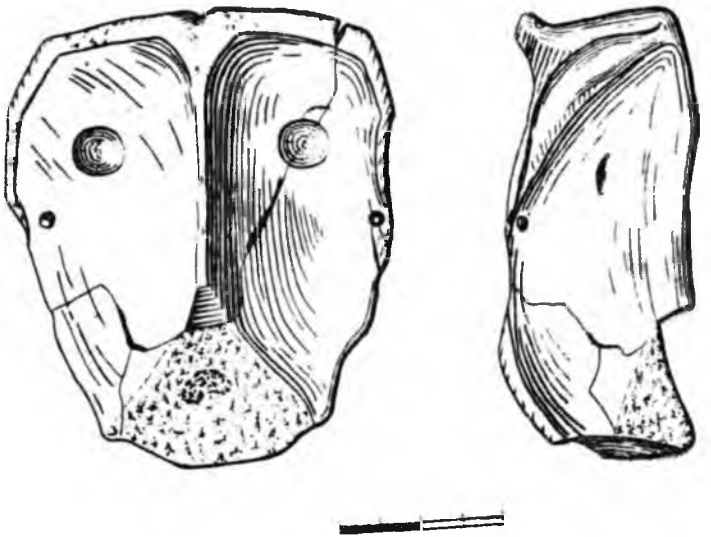


Рис.6. Антропоморфная маска

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ КРАЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

Н.Ф.Сергеева

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУДНОЙ БАЗЫ ПРИБАЙКАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Вопрос о развитии бронзовых культур в Прибайкалье до сих пор остается недостаточно изученным. Многолетние работы А.П.Окладникова дали возможность установить периодизацию неолита и раннего бронзового века, выделить шиверский этап, синхронный карасукскому времени Минусинской котловины (Окладников, 1950б; 1955б). Изучая типологию бронзовых вещей Прибайкалья, многие исследователи отмечали своеобразие эпохи бронзы и своеобразные пути ее развития. Однако Б.Э.Петри полностью отрицал здесь местное бронзо-литейное производство (Петри, 1928). Г.П.Сосновский, отмечая самостоятельный характер культуры, тем не менее считал ее результатом воздействия Минусинского и других металлургических центров (Сосновский, 1923). Только широкий фронт археологических работ, развернувшихся в последнее десятилетие, позволяет в некоторой степени заполнить белое пятно в исследовании бронзовых культур этого региона. На рр. Илиме, Ангаре, верховьях Лены, устье Белой и на побережье оз.Байкал в бронзовых слоях археологических памятников удается получить, хотя и немногочисленные, комплексы вещей с остатками литейного производства (изделия, шлаки, всплески, литейные формы, тигельки, сопла). Однако, как и

прежде, металл эпохи бронзы представлен, в основном, случайно найденными вещами.

Целью данной работы является выявление возможной рудной базы прибайкальских культур этого периода. Мы изучили химический состав имеющихся в нашем распоряжении бронз (89 проб) и попытались сравнить его с геохимической характеристикой распространенных здесь медных руд. Спектрохимическое определение выполнено по методике А.Д.Глазуновой (Глазунова, Сергеева, 1972) в лаборатории оптического спектрального анализа Института геохимии СО АН СССР. Подробные химические характеристики приводятся в работе Н.Ф.Сергеевой и В.В.Свинина (1974).

В типологическом аспекте проанализированный металл не является единым целым и датируется в рамках начала и конца бронзового века Прибайкалья. Он явно отличается от исследованных нами забайкальских бронз (Хамзина, Сергеева, 1973) почти полным отсутствием титана и цинка, иногда золота и кобальта, а также иными корреляционными взаимосвязями элементов-примесей. Отличен металл и от классических образцов минусинских бронз (Богданова-Березовская, 1963). Нужно также отметить весьма мозаичный характер химического состава исследованного металла.

В прибайкальском металле есть изделия "чисто" медные с незначительными примесями, есть и типично бронзовые из оловянистых и мышьяковистых сплавов с большим набором примесей. Концентрации элементов-примесей отмечаются в пределах от пуля до сотых, десятых и целых долей процента. Характерны следующие элементы: олово, свинец, сурьма, мышьяк, висмут, серебро, кобальт, никель, золото. Легирование оловом наблюдается как искусственное, так и естественное. Почти в половине исследованных предметов содержания олова колеблются от 0,3 до 6,6%, а в остальных 0,0-0,1(0,3)%, т.е. содержание явно несущественное и вероятно случайное, возможно вошло из руды. Мышьяк содержится в концентрациях от 0,0 до 1,7%, а в одной из бляшек с о.Шилого на р.Ангаре до 8,3%. В основном легирование металла мышьяком в интервале от 0,0 до 0,3-0,5%

случайное, за счет его содержания в исходной руде. Содержания мышьяка более 0,5-1,0% по данным Селимханова (1960), вероятно следует считать преднамеренной присадкой.

Коэффициенты корреляции отдельных элементов, например: Pb-Bi=+0,66, Pb-As=+0,47, Co-Ni=+0,53, Pb-Zn=+0,6, характеризуют довольно значительную положительную взаимосвязь между ними и возможность привнесения этих примесей с рудой.

Учитывая гипотезу использования местной руды, мы прежде всего должны обратить внимание на широко распространенные здесь окисные руды типа ленских медистых песчаников, химическая характеристика которых весьма близка исследуемому металлу. Ленские медистые песчаники не только широко распространены в Иркутской области, но и имеют неглубокое залегание, а в ряде мест выходят непосредственно на дневную поверхность. Например, меденосные отложения хорошо прослеживаются в долинах рек, в обрывистых обнажениях, на склонах гор. Особенно хорошо видны они в долине р.Лены, откуда и пошло название подобных песчаников. Безусловно, такие места были хорошо известны древнему человеку и благодаря характерной окраске медистых песчаников. В 1752 г. И.Г.Гмелин обратил внимание на ленские медистые песчаники как на источник для выплавки меди. Через двадцать лет здесь были построены два медеплавильных завода: Ключи-Воскресенский и Троицкий, один из которых работал 14 лет, а второй - 3 года. Археологические находки остатков медеплавильного производства в указанном регионе тяготеют к площадям распространения медистых песчаников на большей части территории Иркутского амфитеатра, в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски и в Нюйско-Березовской впадине На территории Восточной Сибири исследователями (Наркелюн, 1971; Безродных, 1969; Салихов, 1973) выделяются пять меденосных районов (см.карту): I. Приангарье (бассейн р.Ангары, ю.-в. часть Енисейского кряжа, Иркинеевский выступ и Канско-Тасеевская впадина); II. Присаянье (полоса протяженностью 600 км от г.Иркутска на запад до г.Тайшета - Саяно-Енисейский миогеосинклинальный прогиб); III. Верхнеленский район (представляет собой широкую полосу, вытянутую вдоль долины

р.Лены от ее истоков и до устья р.Витима). Границами на востоке и северо-востоке являются Байкальский хребет и Байкало-Патомское нагорье; на западе и северо-западе - Лено-Ангарский водораздел и верховья р.Нижней Тунгуски; IУ. Западное Прибайкалье (Прибайкальская зона Байкало-Патомского краевого прогиба - узкая полоса, вытянутая вдоль всего западного побережья Байкала); У. Кодаро-Удоканская зона в Читинской области.

На карте показаны рудопроявления меди только в пределах южной части Сибирской платформы. Все они связаны с типично осадочными породами-песчаниками, глинистыми песчаниками и сланцами.

В данной статье не затрагиваются иные типы медных рудопроявлений (гидротермальные, колчеданные и т.д.), которые известны и возможны на границах или в непосредственной близости к границам Сибирской платформы в районах складчатых геосинклинальных формаций, например, Саянах, отрогах Станового хребта и т.д.

В ленских медистых песчаниках выявлены такие первичные минералы, как: пирит, халькопирит, борнит, халькозин, галенит, сфалерит, теннантит, арсенопирит, молибденит, самородное золото, серебро, куприт и самородная медь. На выходах рудоносных горизонтов на поверхность широко распространены вторичные минералы. Главным из них является малахит, который встречается совместно с азуритом и реже с халькозином, купритом и самородной медью.

Максимальные содержания меди отмечаются обычно в маломощных (5-30 см) рудоносных слоях, с валовым содержанием меди до 6-7%, иногда до 10% - без учета самородной меди. Это вполне "промышленное" содержание даже по критериям древних рудознатцев.

В качестве попутных элементов в ленских медистых песчаниках присутствуют: свинец с содержанием от тысячных до десятых долей процента; серебро - 27,8 г/т, достигая в концентратах 0,01%; мышьяк - 0,01-1,0%; висмут - десятичные доли процентов, никель, кобальт - не более десятичных и следы оло-

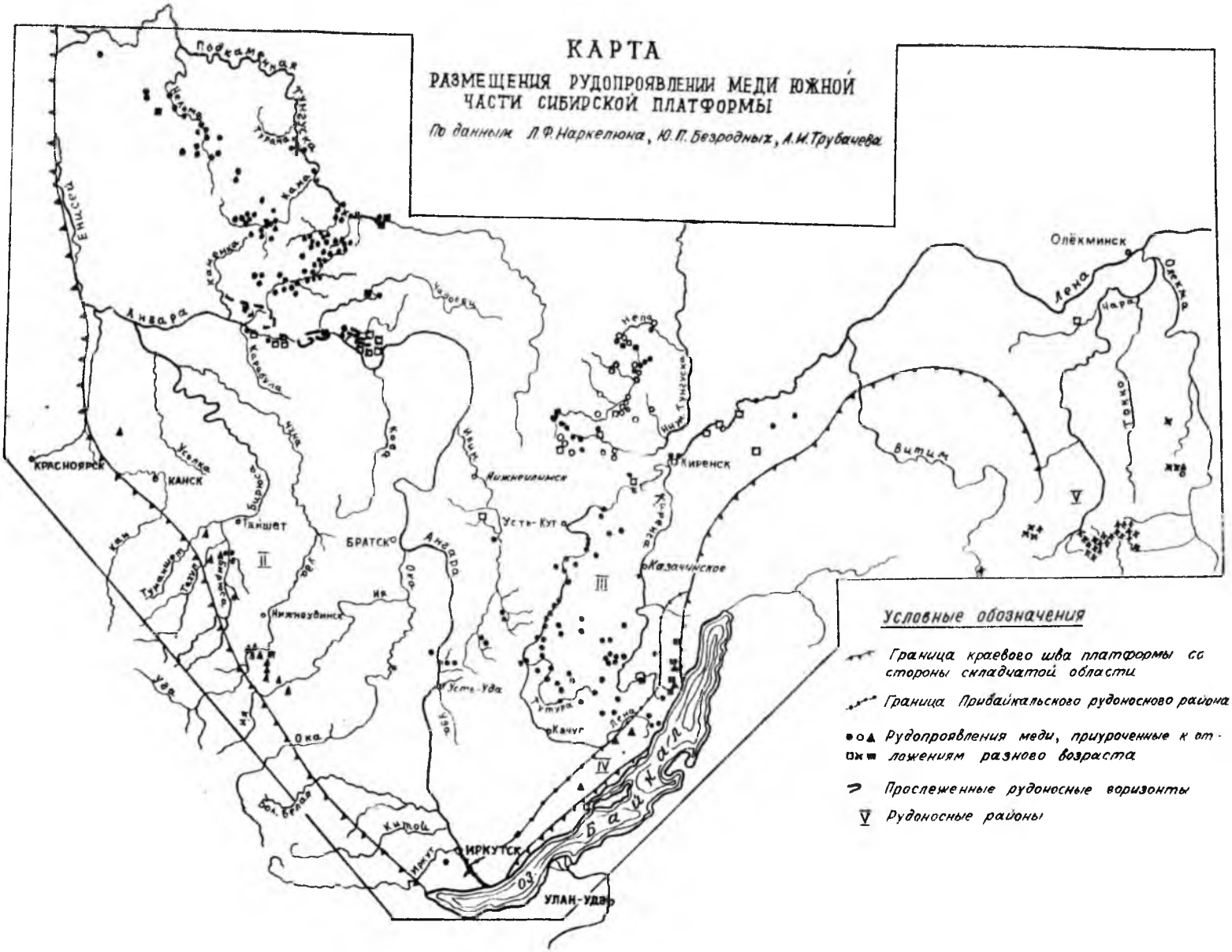
я и, молибдена, рения, золота, сурьмы, цинка.

В распределении элементов-примесей по рудным минеральным ...ниям медистых песчаников и сланцев Сибирской платформы выявлены определенные характерные закономерности. В халькозиновой зоне отмечаются повышенные содержания самородных металлов серебра, золота, ртути и висмута. Зона распространения существенно борнитового оруднения включает повышенные концентрации сульфидов свинца, висмута, мышьяка, сурьмы, молибдена, рения, иногда кобальта. В халькопиритовой зоне обычны - цинк, кобальт, ртуть, индий, кадмий, германий, а в пиритосодержащей - кобальт, никель, мышьяк, свинец, селен, теллур, молибден. Серебро тесно связано с медными рудами. Содержание его увеличивается от халькопирита к борниту, достигая наибольшего значения в халькозине.

Исходя из приведенных данных, с целью обнаружения древних разработок и остатков медеплавильного производства, было бы полезно произвести специальную археологическую разведку в местах выходов рудных горизонтов на поверхность в долинах рек Лены, Ангары и ее притоках - Илима, Иркинеева; р.Подкаменной Тунгуски и ее притоках - Нельма, Тайга; р.Бирюсы и т.д.

Учитывая геохимические характеристики медистых песчаников, а также идентичный характер примесей в металле и руде можно предполагать, что источником для выплавки большинства проанализированных вещей была самородная медь из зоны, в основном, халькозино-борнитового оруднения в медистых песчаниках.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы: I) о вполне возможном использовании в Прибайкалье в эпоху бронзы местной рудной базы на основе медистых песчаников; 2) о своеобразии химического состава, анализированного прибайкальского металла и его отличии от минусинского (Богданова-Березовская, 1963) и исследованного нами забайкальского металла (Хамзина, Сергеева, 1973).


КАРТА
РАЗМЕЩЕНИЯ РУДОПРОЯВЛЕНИЙ МЕДИ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СИБИРСКОЙ ПЛАТФОРМЫ
По данным Л.Ф. Наркелюна, Ю.П. Безродных, А.И. Трубачева
Условные обозначения
Граница краевого шва платформы со стороны складчатой области
Граница Прибайкальского рудоносного района
Рудопроявления меди, приуроченные к отложениям разного возраста
Прослеженные рудоносные горизонты
V Рудоносные районы
Подкаменная Тунгуска
Енисей
Ангара
Олёкминск
Лена
Чара
Токко
Витим
Киренск
Нижнеилимск
Усть-Кут
Казачинское
Усть-Уда
Качуг
Нижнеудинск
БРАТСК
Тайшет
КАНСК
КРАСНОЯРСК
Ока
Уда
Китой
Иркут
ИРКУТСК
УЛАН-УДЭ
Бол. Белая
Тутура
Кама
Чадобец
Нела
Нижн. Тунгуска
Кода
Чуна
Карабула
Усолка
Бирюса
Тамашет
Тагул
Ия
Тунгуска
Оз. Байкал
II
III
IV
V

С.А.Федосеева

УСТЬ-ЛИЛЬБИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ЯКУТИИ

На настоящем этапе исследования в Якутии открыто около пятидесяти памятников бронзового века.

В долине р.Лены А.П.Окладников отнес к эпохе бронзы исследованные им в 1941-1945 гг. погребения вблизи с.Покровского, на рр.Куллаты, Бутачан и Иччилээх, остатки мастерских у областной больницы г.Якутска и недалеко от с.Покровского, погребение у с.Хатынг-Тумул, второй и третьи слои Сиктээхского поселения, Сангар-Хая (пункт на территории Рыбкоопа), два пункта в устье р.Мельжегей (130 км ниже г.Якутска), пункт пятый в поселении Кестирюнгкя (Мыс Обух), падь Малтаны, подножье сопки Чочур-Мураан, Капчагай, Хатынг-Юрях в окрестностях г.Якутска, и ряд других стоянок со смешанным культурным слоем (Окладников, 1955а).

Единичные находки бронзовых изделий были случайно сделаны в среднем и нижнем течении р.Вилюй (меч и бронзовый котел), верхнем течении р.Алдан (укуланский меч), нижнем течении р.Алдан (копье с р.Наторы), а также в среднем и нижнем течении р.Лены (бронзовый кинжал с р.Солянка, наконечники копий с р.Марха, кельты с р.Прониной). Отдельные кельты доставлялись с рр.Колымы, Вилюй и из окрестностей г.Олекминска.

Многие из этих вещей в настоящее время утеряны.

В последние годы памятники эпохи бронзы в долине средней Лены пополнились погребением, найденным у с.Мурья Ленского района (Федосеева, 1970) и (по предложению И.Д.Новгородова) Кангаласским погребением, расположенным недалеко от г.Якутска (Новгородов, 1960).

В бассейне р.Вилюй эпоха бронзы представлена стоянками со смешанным культурным слоем Усть-Чона II, Туой-Хая, Усть-Ахтаранда, Бакемда, Хоту-Туулаах, Сиралта, Куокуну (пункт III), Нюрбачан II. Исключение составляет стоянка Эльгяи, на которой остатки эпохи бронзы не смешаны с материалами других эпох. Первые три стоянки открыты в процессе работы Вилюйской археологической экспедиции 1959-1963 гг. (Федосеева, 1968). Остальные памятники, за исключением стоянки Хоту-Туулаах, обнаруженной охотниками и частично опубликованной В.Г.Борисовым (1961), открыты автором во время разведки 1964 г. (Федосеева, 1970б).

Остатки бронзового века в долине р.Алдан зафиксированы на стоянках Сумнагин I (III-IУ слой), Белькачи I (III слой), Билир (I слой), Усть-Миль 1 (II слой), Халыма (I слой), Ныченгда, Сумнагин II, Алысардаах, Чагда I, Чагда II, Тумулдур, Белькачи II, Сюрах-Арыы, Ноху I, Ноху II, Усть-Хая. Все эти памятники открыты и обследованы Приленской археологической экспедицией якутского филиала Сибирского отделения АН СССР в 1964-1968 гг. (Федосеева, 1970в).

Наблюдения, сделанные при раскопках многослойных стоянок Алдана, явились наиболее существенными для уточнения представлений о бронзовом веке Якутии. Впервые появилась возможность выделения чистого культурного комплекса не только с помощью сравнительно-типологического метода, но и путем точного стратиграфического выделения находок, которые сама природа позаботилась сохранить в полной изоляции от остатков предшествующих и последующих эпох.

Изученный на многослойных стоянках чистый комплекс эпохи бронзы содержит каменные изделия, керамику, на ряде фрагментов которой имеются бронзовые натеки, льячки и бронзовое изделие. Сопоставление этого комплекса с культурными комп-

лексами бронзового века, выделенными ранее на основании инвентаря стоянок со смешанным культурным слоем, позволило отсеять от последних искусственно включенные в них отдельные находки неолита и раннего железного века.

Анализ материалов памятников эпохи бронзы, обнаруженных на рр.Лене, Вилюе, Алдане и на притоках, свидетельствует, что ими представлена особая археологическая культура, отличающаяся бесспорным своеобразием от синхронных культур Сибири и Дальнего Востока [1]. Эта культура по памятнику, на котором впервые в одном слое вместе с характерными для нее каменными орудиями и керамикой было найдено бронзовое изделие, названа "усть-мильской" [2].

В настоящее время усть-мильская культура рассматривается пока как единое целое, без подразделения на отдельные хронологические этапы и локальные варианты. Дальнейшее расширение и углубление исследований безусловно даст новые сведения для заполнения этих пробелов.

Наиболее важным показателем для выделения памятников усть-мильской культуры на сегодня является керамика. Она, как правило, представлена двумя основными типами сосудов. К первому типу относятся гладкостенные сосуды коричневато-бурого цвета. Под прямым венчиком сосудов расположен перехват в виде сужающейся шейки, стенки слегка выпуклые, донышко округлое. Бортики венчиков либо прямые, либо скошены наружу, но в обоих случаях гладкие. Внешняя поверхность украшена параллельными рядами рассеченных налепных валиков, начинающихся под бортиком венчика (рис.I - 22,23).

I. Анализ материалов Покровского, Куллатинского, Бугачанского, Иччиляхского и Кангалассского погребений заставляет высказать предположение, что эти памятники относятся не к усть-мильской культуре, а к заключительному этапу ымыяхтахской культуры (более подробно см. об этом в работе Федосеевой (1970а).

2. Стоянка Усть-Миль расположена на левом берегу р.Алдана, примерно, на 60° с.ш.

Второй тип характеризуется керамикой красновато-серого и желтовато-красного цвета. Сосуды имеют прямые стенки и округлое донышко. Бортики венчиков гладкие или украшены косыми параллельными насечками. Под бортиком нанесен орнамент из одного ряда сквозных округлых дырочек. Внешняя поверхность покрыта нерассеченными тонкими налепными валиками (рис.I - 24).

Петрографическое изучение керамики, отобранной из II культурного слоя стоянки Белькачи I, показало, что в состав теста сосудов первого типа входит 63% глины и 37% мелкозернистого песка. В составе теста сосудов второго типа содержится от 63 до 77% глины и соответственно 37-23% мелко- или среднезернистого песка. Кроме этого, иногда встречаются единичные обломки шамота[3]. Сосуды первого типа отличаются от сосудов второго типа лучшим обжигом и более тонкими стенками. Толщина стенок сосудов первого типа 0,I-0,4 см, а второго типа - 0,4-0,7 см.

Не исключено, что к бронзовому веку относится часть круглодонных сосудов с орнаментом в виде горизонтальных рядов отпечатков зубчатого штампа. Подобная керамика иногда встречается в верхних горизонтах культурных слоев бронзового века на контакте с нижними горизонтами культурных слоев раннего железного века, для которых она наиболее характерна. До обнаружения керамики с отпечатками зубчатого штампа в четких стратиграфических условиях в слоях бронзового века, вопрос об ее отнесении к усть-мильской культуре остается открытым.

Кроме многочисленных глиняных сосудов, на стоянках усть-мильцев встречаются и непременные спутники древних металлургов - льячки. Они имеют вид массивной толстостенной керамической ложки с плоским донышком и тонкой длинной ручкой. Внешняя поверхность льячков гладкая, внутренняя - пористая и зачастую сильно ошлакованная.

Готовых изделий из бронзы насчитывается всего II экземпляров.

---

3. Петрографический состав керамики определен научным сотрудником Института геологии Якутского филиала СО АН СССР В.Н.Коробицыной.

Найденные в Вилюйском районе Якутии два меча характеризуются кинжаловидной формой клинков, плоской рукоятью и большими размерами: они достигают в длину 60-70 см. Однако, между ними отмечаются существенные различия.

Меч из стоянки Хоту-Туулаах снабжен узким продольным ребром на клинке. Последний от рукояти отделен перекрестием в виде симметричных глазков. Края рукояти украшены выпуклыми рядами соединенных между собой треугольников, а конец рукояти венчает плоское кольцо с большим отверстием посередине (рис.2 - 7).

Меч с оз. Сильгумжа не имеет на клинке продольного ребра. Рукоять меча отделена от клинка перекрестием в виде небольших симметричных ушек. Она орнаментирована поперечными рядами неглубоких нарезок. Венчает рукоять полушаровидная шляпка (рис.2 - 6).

Меч с р.Алдан резко отличается от вилюйских мечей. Это составное орудие, у которого отдельно отливались клинок, перекрестие, рукоять и навершие. Клинок имеет копьевидную форму, он снабжен узким продольным ребром. Поперечное перекрестие, отделяющее клинок от рукояти, заканчивается с обоих концов шаровидными навершиями. Целая литая рукоять имеет вид наложенных одна на другую параллельных пластинок, разделенных посередине глубоким вертикальным желобком. Заканчивается рукоять гладким навершием подтреугольных очертаний (рис.2 - 8).

Гораздо больше сходства между собой наблюдается у бронзовых наконечников копий. Они достигают в длину 60 см. Колющая часть копий имеет вид узкого длинного пера, в средней части которого проходит продольное ребро, расширяющееся к основанию и сужающееся к острию. Полый внутри округлый насад копья отливался вместе с острием наконечника. У наконечников копий с рр. Мархи и Ноторы основание насада орнаментировано опоясывающим рядом выемчатых треугольников и двумя параллельными выемчатыми желобками (рис.2 - 3-5). Копье с р.Ноторы снабжено сквозным отверстием, находящимся над орнаментальным поясом. Основание полого насада копья с р.Вилюй не орнаментировано, а снабжено восемью сквозными прямоугольными отверстиями, которые, как полагал В.Г.Борисов, были сделаны для удобного извлечения древка в случае его поломки (рис.2 - 2).

Кельт из пос.Мурья имеет прямоугольную форму, секирообразное лезвие и прямой обушок со сломанным верхом. Поперечное сечение его прямоугольное. Пропорции орудия удлиненные. Орнамент, начиная от обушка, состоит из вписанных один в другой двух двойных глазков. Ниже глазков размещаются три горизонтальных валика. От нижнего из них вершиной вниз спускаются два парных шеврона, разделенных тремя рельефными вертикальными полосками (рис.2 - 10).

Уникальной находкой является нож со стоянки Усть-Миль. Острие ножа сломано. Сохранившаяся часть лезвия имеет прямоугольную форму. Одна сторона лезвия плоская. В средней части обратной стороны проходит продольное ребро не треугольной, как у меча и наконечников копий, а трапециевидной формы. Лезвие имеет двустороннюю заточку. Благодаря роговой рукоятке, направленной под тупым углом к лезвию, рассматриваемое изделие типологически должно быть отнесено к составным коленчатым ножам. Нож закреплен в рукоятке при помощи костяного цилиндрического стерженька, пропущенного через симметричную боковую выемку в основании лезвия и через сквозное округлое отверстие в рукоятке (рис.2 - 11).

Котел из бассейна Вилюя представляет собой большую полушаровидную чашу со слегка отогнутым венчиком и округлым донышком, опирающимся на полый конический поддон. От венчика вверх направлены две симметричных кольцеобразные ручки, которые завершаются вверху грибообразными шляпками. Котел орнаментирован под венчиком двумя параллельными ободками накладных валиков, имеющих вид круто свитого шнура.

Все перечисленные бронзовые изделия, кроме ножа из Усть-Миля, не имеют точной стратиграфической привязки. Они могут относиться как к различным хронологическим этапам усть-мильской культуры, так и к разным ее локальным вариантам.

Почти все сохранившиеся в настоящее время бронзовые изделия подверглись полуколичественному спектральному анализу. Он проводился научным сотрудником Института геологии Якутского филиала СО АН СССР Н.В.Лесковой. Анализ показал, что большинство орудий сделано из мышьяковистой бронзы. К ним относятся копья с р.Марха, меч с оз. Хоту-Туулаах, кельт из

Мурьи и нож из Усть-Миля. Кроме этого, по данным научного сотрудника Института геологии Якутского филиала СО АН СССР Г.В.Кривоконевой, натеки мышьяковистой бронзы сохранились и на некоторых обломках глиняных сосудов алданских стоянок.

Копье с р.Котора и игла из Булачанского погребения сделаны из мышьяковисто-оловянистой бронзы, укуланский меч - из оловянистой бронзы, а вильюйский бронзовый котел - из медной руды с большим содержанием железа.

Несмотря на достигнутый усть-мильцами сравнительно высокий уровень бронзовой металлургии, по-прежнему очень важную роль в их хозяйственной деятельности играли каменные орудия.

Каменные изделия усть-мильской культуры характеризуются двусторонне ретушированными треугольными скребками небольших размеров, большими подпрямоугольными и полулунными ножами, плоскими треугольными наконечниками стрел, долотовидными орудиями на плоских кремневых гальках и первичных отщепах, призматическими и коническими нуклеусами, а также нуклеусами невыработанной формы из мелких галек плохого качества. Встречаются и грубые рубящие орудия из кварцитовых галек, у которых чаще всего обработано только лезвие (рис.I - 25).

Интересно отметить, что техника отделения ножевидных пластин с призматического нуклеуса все еще продолжала находиться на неолитическом уровне развития, но количество орудий на пластинах по сравнению с ымыяхтахской культурой заметно сократилось.

Для определения хронологических рамок существования усть-мильской культуры в настоящее время наиболее важны радиоуглеродные даты, полученные по образцам угля и древесины, отобранным из слоев эпохи бронзы на алданских многослойных стоянках. Немаловажное значение для точной датировки усть-мильской культуры имеют и радиоуглеродные даты, полученные для ымыяхтахской позднеолитической культуры и культурных комплексов железного века.

Таблица

Радиоуглеродные даты для раннего железного века, бронзового века и позднего неолита

Эпоха	Культура	Стоянки				Погребение Тумулуур
		Белькачи I		Сумнагин I		
		Слой	Дата	Слой	Дата	
Раннее железо	Древнетунгусская	-	-	I	220±50 ЛЕ-733	1740±50 ЛЕ-849
				I	410±50 ЛЕ-869	
				II	810±50 ЛЕ-870	
Бронза	Усть-мильская	II	2930±50 ЛЕ-666	III	2000±40 ЛЕ-872	
				V	2900±70 ЛЕ-871	
Поздний неолит	Ымыяхтахская	-	-	VII	3000±80 ЛЕ-732	
				VIII	3310±130 ЛЕ-874	
				VIII	3900±50 ЛЕ-858	

Как видно из таблицы, наиболее древние даты усть-мильской культуры хорошо соответствуют дате заключительного этапа ымыяхтахской культуры, а верхняя дата хорошо увязывается с возрастом тумулурского погребения раннего железного века.

Исходя из приведенных дат, время существования усть-мильской культуры можно было бы определить началом X в. до н.э.-серединой I в. до н.э. Однако, если привести эти даты в соответствие с новым показателем периода полураспада C^{14} (5730± 40 лет), то возраст усть-мильской культуры будет более древним – середина XII в. до н.э. – конец II в. до н.э. Еще более древний возраст мы получим, если приведем радиоуглеродные даты в соот-

ветствие с календарными датами по шкале Зюсса – с[illegible]лина XIУ в. до н. э. – середина П в. до н.э.

На наш взгляд, последние даты в настоящее время более приемлемы для усть-мильской культуры, чем даты, рассчитанные по старому периоду полураспада C^{14} (5568±30 лет). Они лучше соответствуют возрасту аналогий, которые находят себе отдельные элементы усть-мильской культуры в культурах смежных областей.

А.П.Окладников еще тридцать лет тому назад, сопоставляя бронзовые изделия из бассейна средней Лены с карасукскими, тагарскими, иньскими и чжоускими металлическими изделиями, датировал бронзовый век Якутии примерно XШ–Ш вв. до н.э. При этом он считал, что наиболее ранние металлические изделия, происходящие из Покровского, Иччиляхского, Бугачанского и некоторых других погребений, должны быть отнесены к "последней половине П тыс. до н.э.". Сельгумжинский меч, пронинские четырехгранные кельты и копья с Вилюя и Алдана А.П.Окладников датировал ХУШ–УП вв. до н.э., а укуланский меч, шестигранные кельты и вилюйский котел – УШ–Ш вв. до н.э. (Окладников, 1955а). И.А.Максименков, возражая А.П.Окладникову, отметил, что шестигранные кельты должны иметь карасукский возраст, а четырехгранные кельты – раннетагарский (УП–УI вв. до н.э.) (Максименков, 1960). К карасукскому и тагарскому времени относят бронзовые изделия Якутии Н.Л.Членова (1967,1972) и Э.А.Новгородова (1970). К концу карасукской эпохи относит Хоту-Туулаахский меч В.Г.Борисов (1961). Из новых бронзовых изделий Якутии, с нашей точки зрения, наиболее древним является усть-мильский нож. Типологически он занимает промежуточное положение между составными глазковскими (Окладников, 1955б) и окуневскими (Липский, 1963) ножами и карасукскими ложносоставными коленчатыми ножами (Членова, 1972; Новгородова, 1970). Возраст усть-мильского ножа можно определить примерно XIУ–XШ вв. до н.э.

Аналогии, которые находят себе различные бронзовые изделия бассейна Лены, одновременно с уточнением их хронологии, помогают установить и направление связей усть-мильской культуры с сопредельными территориями. Последнее наиболее важно для выяснения генезиса усть-мильской культуры. Г.А.Максименков,

Н.Л.Членова, Э.А.Новгородова и ряд других исследователей считают, что наиболее существенными для сложения культуры бронзового века Якутии были ее юго-западные связи (Минусинская котловина, междуречье Енисея и Ангары). Н.Л.Членова считает, что с Енисея на Лену распространялись не только бронзовые изделия, но и керамика с гребенчатым штампом, которую она относит к лугавской культуре (Членова, 1972). Это исключительно важное наблюдение пока еще не может быть должным образом прокомментировано ввиду хронологической и культурной неопределенности керамики с гребенчатым орнаментом.

А.П.Окладников считал, что первые бронзовые изделия проникают в Якутию из Прибайкалья, что в раннем бронзовом веке в Якутии и Прибайкалье существовали "близко родственные" культуры (Окладников, 1955а). Для развитого и позднего этапов бронзового века Якутии, которые, как сейчас установлено, представлены усть-мильской культурой, А.П.Окладников считал наиболее существенными связи со степными районами южной Сибири (Минусинская котловина и Забайкалье) и особенно с бассейном Хуанхэ (Окладников, 1955а).

В настоящее время количество аналогий для отдельных элементов усть-мильской культуры можно увеличить. Можно указать на близкое сходство орнаментального стиля первого типа усть-мильской керамики с урильской керамикой с рассеченными налепными валиками среднего и нижнего Амура, которая датируется XI-УП вв. до н.э. (Деревянко, 1973). Интересные аналогии находит себе орнамент в виде глазков хоту-туулахского меча на бронзовом кинжале из Саянтуйского могильника в Забайкалье (Диков, 1958). Черты сходства отмечаются между усть-мильской керамикой второго типа и прибайкальской керамикой с нерассеченными налепными валиками (для примера, Илимская стоянка Корабельщикова). Но все это отдельные черты сходства, не решающие вопроса о генезисе усть-мильской культуры, а скорее показывающие направление культурных связей населения Якутии с населением сопредельных областей. В то же время усть-мильскую культуру нельзя целиком вывести и из предшествующей ей по времени в Якутии ымыяхтахской культуры.

В виде гипотезы, которую еще предстоит проверить фактами, можно высказать предположение, что усть-мильская культура

сформировалась в бассейне средней Лены под влиянием прихода сюда нового этноса из Прибайкалья и Забайкалья, ассимилировавшего аборигенное ымыяхтахское население.

Наиболее важные факты для выяснения генезиса усть-мильской культуры должны дать будущие исследования на Нижней и Подкаменной Тунгусках, Ангаре, верхней Лене, Витиме и Олекме.

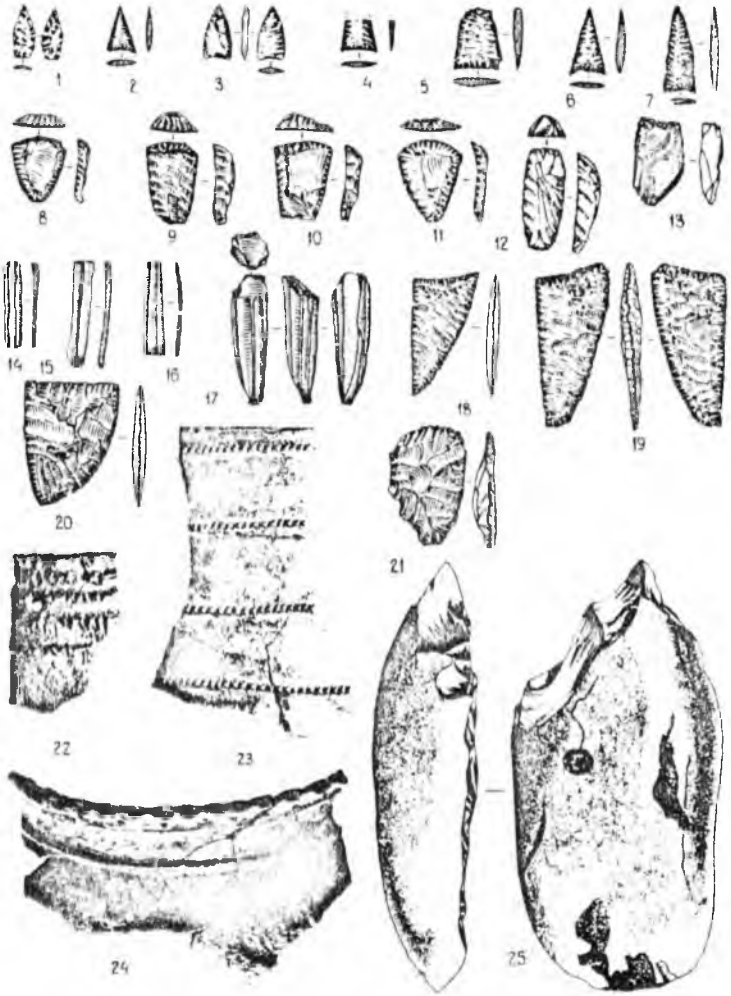


Рис. I. Каменные изделия и керамика усть-мильской культуры

Рис.2. Бронзовые изделия усть-мильской культуры

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ КЕЛА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

Э.Л.Климашевский

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ГАЛЬКИ ИЗ РАЙОНА ИСТОКА АНГАРЫ

Орнаментированные гальки найдены в 1972 г. на берегу Иркутского водохранилища, интенсивно размываемом волноприбойным процессом, в условиях постоянно меняющегося уровня воды. Небольшой мыс, где обнаружены гальки находится в 59 км от г.Иркутска в сторону оз.Байкал по правому берегу водохранилища и расположен между селами Никола и Ангарские Хутора.

Поверхность размыва пляжа - глинистая, с большим количеством включений мелкой и средней гальки. Расстояние от кромки воды до места находок - 12-16 м. Превышение над зеркалом водохранилища в момент обнаружения составляло 2,4 м. Все гальки, а также сопутствовавшие им другие предметы древности, найдены сравнительно недалеко друг от друга: в пределах 2-4,5 м.

Всего в описываемом пункте поднято с поверхности девять орнаментированных галек. Семь из них сломаны. Длина найденных предметов различна и колеблется в пределах 100 - 40 мм: 1 - 100 мм (рис.1), 2 - 80 мм, 3 - 90 мм, 4 - 65 мм, 5 - 45 мм (рис.2 - 1-4), 6 - 40 мм (рис.3), 7 - 53 мм, 8 - 48 мм (рис.4 - 1,2). Сечение галек - овальное с большей или меньшей вытянутостью овала. Размеры - 8 - 22 мм.

Для удобства рассмотрения прорисовки орнамента размеры первой, шестой, седьмой и восьмой галек увеличены в два раза, пятой - в полтора, а второй, третьей и четвертой - показаны в натуральную величину.

Все орнаменты выполнены тонкими линиями, прорезанными на поверхности галек острым каменным орудием. Глубина линий различна, но не превышает 0,8–1,2 мм. Все линии орнаментов выражены четко; у восьми предметов орнамент нанесен с одной стороны, и только в одном случае (рис.3) он покрывает оба фаса. Один (пятый) предмет представляет собой подвеску с биконическим сверлением на остром конце. Рисунок последней (девятой) гальки очень прост. Это был, судя по четко выраженной зашлифованности одного из концов ее, небольшой пестик. На одну из поверхностей этого предмета нанесены достаточно глубокие линии, образующие две стороны равнобедренного треугольника.

Кроме галек, здесь же, на поверхности размыва, найдено несколько мелких и крупных отщепов из светлого и более темного кремнистого сланца, халцедона. Обнаружены мелкие и крупные обломки пластин, снятые с нуклеусов, а также две целых пластины, одна из них ретуширована. Кроме того найден нож, изготовленный из темного кремнистого сланца, скребок, нуклеус, обломок крупного орудия (ножа ?), заготовка большого скребла и проколка (?). Из каменных орудий имеется также несколько обломков наконечников стрел, два из которых – с четко выраженными асимметричными насадами. Здесь же, в 2–3 м от места найденных орнаментированных галек, обнаружены и фрагменты керамических тонкостенных сосудов.

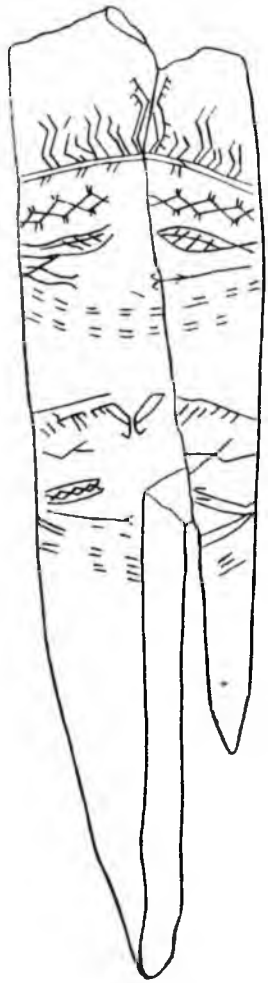


Рис.I. Орнаментированная галька

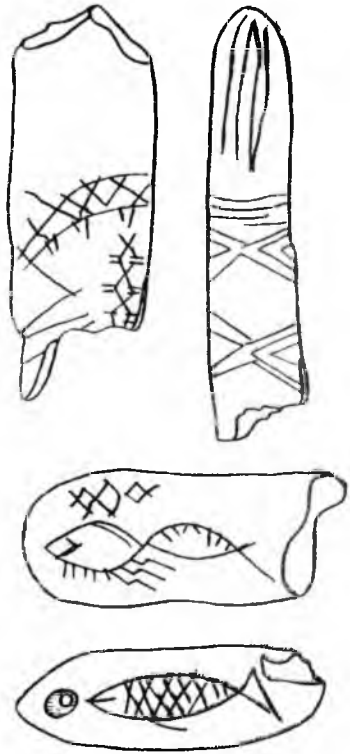


Рис.2. Орнаментированные галъки

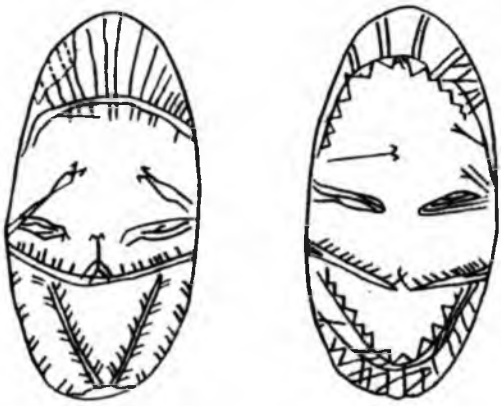


Рис.3. Орнаментированная галька

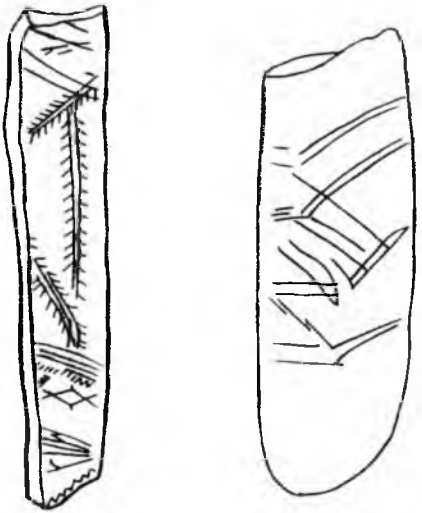


Рис.4. Орнаментированные гальки

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып.2. 1974

М.П.Аксенов, О.И.Горюнова,
Н.И.Дроздов, И.Л.Лежненко,
Г.И.Медведев, Н.А.Савельев

РАБОТЫ КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1970-1974 гг.)

В прошедшее пятилетие Комплексная археологическая экспедиция Иркутского университета продолжала тематические исследования в южных регионах Восточной Сибири - в верхнем, среднем и нижнем Приангарье, на верхней Лене, западном и северном побережьях оз.Байкал, верховье р.Витим, в долинах рр. Оки, Уды-Чуны, в Канской лесостепи; на нижнем участке верхнего течения р.Енисей (рис.1).

В верхнем Приангарье работы выполнялись двумя самостоятельными группами - палеолитической (Г.И.Медведев, И.Л.Лежненко) и неолитической (Н.А.Савельев, О.И.Горюнова).

В процессе разведочных работ на поиск раннепалеолитических местонахождений специальным палеолитическим отрядом (Г.И.Медведев) были обследованы поверхности и обнажения высоких террас правобережья р.Ангары на участке 150 км между г.Ангарском и пос.Новая Уда. В результате зафиксировано 33 местонахождения раннепалеолитической культуры с положением археологического материала на деформированной поверхности 100-150-метровых высот и в переотложенном состоянии в рыхлых напластованиях террас среднего комплекса (IУ-У). Собрана значительная коллекция изделий из камня, насчитывающая более 1000 диагностичных форм.

В долине р.Белой проводились стационарные раскопочные работы на позднепалеолитических местонахождениях Черемушник II (1970-1972 гг. – И.Л.Лежненко) и Сосновый Бор (1970,1971 гг. – Г.И.Медведев, Г.П.Михлин). В процессе работ было вскрыто около 1000 м^2 площади обоих памятников.

На Сосновом Бору в полевых отложениях позднеплейстоценовых-раннеголоценовых дюнных бугров были зафиксированы 9 культурных горизонтов финального палеолита и мезолита.

На Черемушнике II помимо основных финально-палеолитического и мезолитического горизонтов зарегистрированы находки двух палеолитических разновременных комплексов домальтинского времени. Геохронологическая и типологическая характеристики их пока затруднительны.

Разведочными работами были зафиксированы местонахождения палеолитического возраста у с.Бельск (1970 г. – Н.А.Савельев, Н.И.Дроздов), у сел Нижний Булай, Узкий Луг, Холмушино (1974 г.– И.Л.Лежненко).

Неолитическая группа экспедиции осуществила в 1971, 1972 и 1974 гг. раскопки многослойной стоянки эпохи неолита и бронзы – Горелый Лес на правом берегу р.Белой в 4 км ниже пос.Мишелевка. На памятнике вскрыто 800 м^2 и выделено семь культурных горизонтов, заключенных в аллювиальных отложениях высокой поймы р.Белой. Собрана обширная коллекция каменных и керамических изделий, проведено детальное геологическое изучение террасы, получены данные споро-пыльцевого и радиокарбоновых анализов. Все это позволяет считать многослойную стоянку Горелый Лес опорным памятником неолита и бронзы южного Прибайкалья.

За полевые сезоны 1970, 1972-1974 гг. проведены также стационарные исследования многослойных памятников среднего течения р.Белой, открытых летом 1969 г. (Н.А.Савельев, Н.И.Дроздов): Луговая, Плотбище, Нижний Булай, Молотковка, Холмушино, Узкий Луг и Глубокий Лог. По условиям залегания и археологическим материалам стоянки аналогичны поселению Горелый Лес.

Совместными усилиями палеолитической и неолитической групп в 1972-1973 гг. проводились спасательные работы на древнем могильнике в местности Шумилиха (Усть-Белая II), интенсивно разрушенном водами Братского моря (М.М.Герасимова, О.И.Горюнова,

И.Л.Лежненко, Г.Н.Михнюк). В результате работ вскрыто 46 разновременных погребений, собран богатый археологический материал – изделия из камня и кости, украшения из белого нефрита, антропоморфная и зооморфная скульптура. Предварительно могильник датируется разными периодами энеолита и бронзы.

В среднеангарском и нижнеангарском регионах проводились стационарные раскопочные работы в районе тела будущей плотины Богучанской ГЭС у с.Кода и заимки Нижняя Кода (1970–1972 гг. – Н.И.Дроздов, Д.И.Дементьев). Здесь исследовались остатки культур бронзового века, неолита и палеолита. В частности, при прохождении шурфа на местонахождении Кода Ш, в русловом галечнике 17–20-метровой террасы был найден обломок наконечника-бифаса с крупной, разнофасеточной ретушью и неровной, ломаной линией контура. Возраст галечников террасы – около 24 000 лет.

Одновременно проводилась разведка Ковинского палеолитического местонахождения (1971,1972 гг. – Н.И.Дроздов). По предварительным данным стратиграфического положения культуры и спорово-пыльцевого спектра здесь фиксируется культура финала плейстоцена. Типологически она пока не коррелируется с южносибирскими комплексами.

Визуальная и шурфовочная разведка в среднем Приангарье (1969 – Г.И.Медведев; 1971–1974 гг. – Н.Л.Дроздов) на участке сс. Кеуль – Климино (500 км) дала обильные материалы по неолиту, бронзе и железу. Обследовано было 50 памятников, из них более 20 обнаружено впервые.

В 1973–1974 гг. объединенными силами экспедиции Красноярского Краевого музея и отряда комплексной археологической экспедиции Иркутского университета на средней Ангаре проводились раскопки многослойного поселения в устье р.Чадобец и разведка древних поселений и могильника в районе устья р.Каты (Н.И.Дроздов).

На нижней Ангаре летом 1974 г. по указанию сотрудников Института физики СО АН СССР (г.Красноярск) и Института леса и древесины СО АН СССР (г.Красноярск) в районе шиверы Мурошной были обследованы петроглифы, выбитые на плоских глыбах траппа, лежащих у самой воды (Н.И.Дроздов, Г.И.Медведев, Ю.С. Пархоменко). Изображенные на камнях стилизованные фигурки людей, объединенные

в оригинальные повествовательные композиции, заслуживают самого пристального внимания, поиска аналогов и дальнейшего детального изучения.

Визуальная разведка в долине р.Енисей в 1974 г. (Н.И.Дроздов, Ю.С.Пархоменко) в зоне будущей ГЭС со створом близ д.Савиной, организованная Красноярским краевым музеем и Иркутским университетом, показала перспективность планомерного исследования древних памятников в этом районе. Обнаружены местонахождения неолитической культуры в устье р.Кан, у Белого Яра, у д.Юксеево, в районе Казачинского порога, у с.Призывного.

В 1973 г. (Г.И.Медведев, Н.А.Савельев, М.М.Герасимова, В.В.Свинин) и в 1974 г. (Н.А.Савельев, О.И.Горюнова, А.М.Сизиков) проводились рекогносцировочные и стационарные работы на западном берегу Байкала в Приольхонье. Основными объектами явились многослойные стоянки в бухте Песчаной, на о.Ольхоне и комплекс многослойных памятников в районе залива Мухор - в бухтах Сарма, Куркут, на мысе Улан-Хада. Проведено комплексное геолого-археологическое изучение объектов. Собраны интересные археологические материалы, образцы на палинологический и радиокарбоновый анализы.

Параллельно велись работы по картированию, систематизации полей погребений железного века (В.В.Свинин).

На р.Лене в 1971-1974 гг. исследовались археологические памятники в верхней части долины р.Лены и ее притоков.

Разведочными маршрутами пройдены участок ленской долины от устья р.Анги до устья р.Витима, долины притоков р.Лены - рр. Манзурки, Анги, Качуга, Куты, Киренги и Витима (М.П.Аксенов, В.М.Ветров, В.А.Дыпша, П.Е.Шмыгун. А.М.Арбатский, М.В.Шунькова, А.П.Трифонов, В.С.Зубков). В результате обнаружено более 50 новых местонахождений остатков культуры различных эпох от позднего палеолита до железного века.

Комплексному стационарному обследованию подверглись памятники Качугско-Верхоленского района.

Здесь был выделен и исследован ряд многослойных четко стратифицированных памятников с диагностичным археологическим, палинологическим и фаунистическим материалами. Все это позволяет

проводить надежную корреляцию между отдельными культурными комплексами и выдвигает эти памятники в ранг опорных для верхней части долины р.Лены.

Наиболее ценные данные получены при изучении группы памятников в окрестностях д.Макарово – Макарово I,II,III. Культурные остатки их привязаны к аллювиальным и делювиальным отложениям трех первых надпойменных террас р.Лены. Археологические материалы, дополняя друг друга, рисуют довольно полную картину развития древней культуры населения верхней части долины р.Лены в диапазоне верхний палеолит – поздний мезолит.

В частности,исследованный комплекс позднемезолитических памятников у д.Кистенево (Кистенево I,II,III,IV,V) дополняет макаровский цикл в области ранее неизвестного на верхней Лене периода – мезолита.

В долине р.Лены и на ее притоках были обнаружены и обследованы и памятники керамического периода. Значительные по масштабам раскопки были проведены на местонахождении Поповский Луг, где вскрыт энеолитический могильник и многослойная стоянка с остатками культуры неолита и раннего металла (М.П.Аксенов, В.С.Зубков, В.М.Ветров, В.А.Лынша). Керамические комплексы исследовались также в районе г.Усть-Кута (стоянка Турука) и в долине р.Киренги (Кирпичики, Усть-Миня и др.) (М.П.Аксенов, П.Е.Шмыгун. В.М.Ветров, В.А.Лынша, В.С.Зубков).

В 1974 г. начато планомерное обследование верхней части долины р.Витима (М.П.Аксенов, А.М.Арбатский, П.Е.Шмыгун, В.М.Ветров, В.А.Лынша, А.П.Трифонов). На участке от истока р.Холой до устья р.Юмурчен было открыто и в разной степени исследовано более 20 памятников различного возраста. Наиболее интересной и перспективной является серия стоянок в приустьевом участке р.Юмурчен (правый приток р.Витим). Остатки материальной культуры обнаружены здесь в 15 пунктах. Новые местонахождения многослойны, дислоцированы на террасах различного уровня (от 12 до 55 м) и находки залегают в генетически различных отложениях – делювии, пролювии, аллювии. Обычно фиксируются два культурных слоя с каменным и керамическим материалами, составляющими различные типологические ансамбли, дополняемые послойным различием петрографического субстрата.

В пунктах Кмурчен I (терраса 25 м), Кмурчен XП и Кмурчен УI (терраса 35 м) ниже двух первых слоев обнаружены локальные пятна находок каменных изделий без керамики – трансверсальные резцы, призматические нуклеусы, рубящее орудие, отщепы. Эти находки типологически и стратиграфически могут быть отнесены к донеолитическому периоду.

Летом 1972 г. была осуществлена разведка в среднем течении р.Оки (Н.А.Савельев, О.В.Егунов, А.В.Волокитин, В.Н.Соколов). Открыто 5 новых местонахождений эпохи неолита и раннего железа. Наиболее перспективны для дальнейших исследований – неолитическая стоянка у нового зиминского моста и стоянка эпохи раннего железа в устье речки Каменной (правый приток р.Оки).

Осенью 1972 г. специальным отрядом (Н.А.Савельев, Д.И.Дементьев, А.Г.Генералов) была проведена разведка по правому притоку р.Енисей – р.Кан. В итоге открыто 14 новых местонахождений: два пункта у д.Шумиха, у с.Бражное, местностях Туевская, Пошиха, Волково, Балдиха, о.Ржавый, Катарная гора, Смоленка, Стрижевая гора, Змеиная гора, у д.Анцирь и Усть-Казачка. Хронологический диапазон стоянок – от эпохи палеолита до позднего железа.

Летом 1973–1974 гг. неолитическим отрядом проводились раскопки многослойной стоянки Казачка, расположенной в нижнем течении р.Кан на месте современного поселка Усть-Казачка. В результате раскопок в толще пойменных отложений приуслового вала высокой поймы р.Кан выделено 14 культурных горизонтов. Культурные остатки привязаны к темным гумусированным слоям, мощностью от 10 до 30 см, отделенных стерильными прослойками разнозернистого песка, мощностью от 10 до 40 см.

Предварительный анализ собранных материалов позволяет датировать I культурный горизонт железным, П–Ш – бронзовым веком, IУ–УI – эпохой неолита. УП–XIУ горизонты пока датировать затруднительно из-за недостатка материалов.

Разведочные работы 1974 г. в Канско-Рыбинской котловине (О.В.Егунов, А.В.Волокитин) обнаружили в окрестностях Казачки еще ряд многослойных местонахождений: Малая Камалушка и Потанчет.

Раскопки на Стрижевой Горе в 1973 г. (Г.Н.Михнюк) и в 1974г. (Г.И.Медведев, А.В.Гусак, В.М.Гуляев) выявили наличие здесь многослойного памятника, содержащего в 12 культурных горизонтах (общей мощностью до 6–7 м) остатки древней материальной культуры палеолита, мезолита, неолита и бронзы.

В 1970 г. в состав Комплексной археологической экспедиции вошел этнографический отряд (М.Г.Туров), начавший изучение материальной культуры эвенков р.Чуны. В прошедшее пятилетие была проведена большая работа по картированию ареала родовых территорий эвенков, их древних стойбищ, путей кочевий, взаимоотношений с соседними эвенкийскими группами, изучению хозяйственной и культовой архитектуры и т.д. Этим же отрядом в 1970 г. были зафиксированы остатки древнепалеолитической культуры в переотложенном состоянии у д.Березовой и в 1972 г. на высотах с отметками 360 м в бассейне правого притока р.Чуны - Зентукеи.

Таким образом, работы экспедиции в прошедшем пятилетии носили по преимуществу рекогносцировочный характер, который должен в последующие годы определить основные направления и объем стационарных исследований опорных объектов.

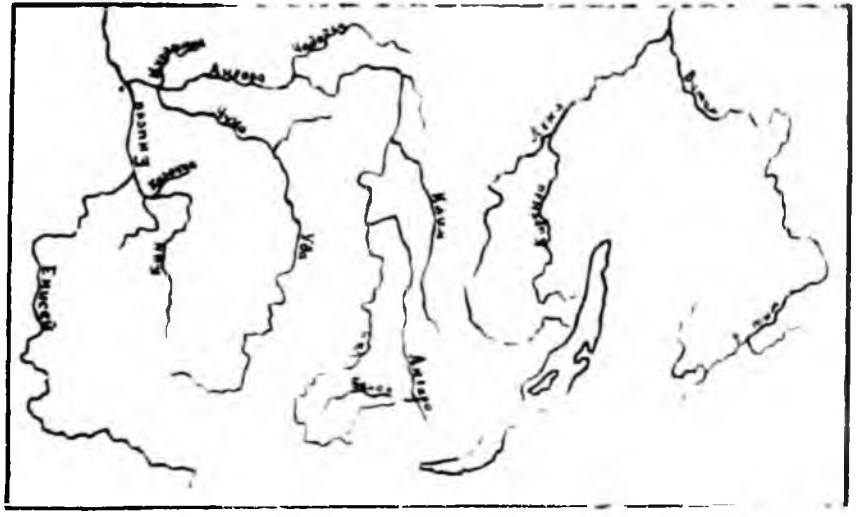


Рис.I. Районы работ Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета

ЛИТЕРАТУРА

ЭНГЕЛЬС Ф.

1961 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд.2-е, т.21, стр.23.

АБРАМОВА З.А.

1959 Памятники палеолита низовьев р.Селенги.-Археологический сборник I. Улан-Удэ.

1962 Красный Яр - новая палеолитическая стоянка на Ангаре. - "Советская Археология", № 3.

1972 Галечные орудия в палеолите Енисея. "Палеолит и неолит СССР", т.7. Материалы и исследования по археологии СССР, № 185, М.-Л.

АКСЕНОВ М.П.

1966 Стоянка Черемушник (К вопросу о месте бадайской культуры в каменном веке Прибайкалья). - Сибирский археологический сборник. Новосибирск.

1967 Археологические исследования ранне-мезолитической стоянки Черемушник. - Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.65. Иркутск.

1970 Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене. - В сб.: "Сибирь и ее соседи в древности", вып.3. Новосибирск.

1971 Комплекс археологических памятников в районе с.Макарово на верхней Лене. - Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.68. Иркутск.

1972 Исследования в долине р.Лены. - Археологические открытия 1971 года. М.

1973 Исследования на р.Лене. - Археологические открытия 1972 года. М.

АКСЕНОВ М.П.

1974 Макарово П. – В сб.: "Древняя история народов юга Восточной Сибири", вып.I. Иркутск.

АКСЕНОВ М.П., МЕДВЕДЕВ Г.И.

1967 Новые данные по донеолитическому периоду Приангарья. – Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.65, Иркутск.

АСТАХОВ С.Н.

1963 Позднепалеолитическая стоянка у д.Федяево на Ангаре. – "Советская Археология", № 3.

1966 О путях первоначального заселения человеком долины Енисея. – Доклады и сообщения археологов СССР. М.

БЕЗРОДНЫХ Ю.П.

1969 Распределение и условия накопления серебра, золота и других элементов-примесей в медистых песчаниках и сланцах. – Автореф.дис. на соиск. учен. степ. канд. геол.-мин. наук. Иркутск.

БЕРЕГОВАЯ Н.А.

1960 Палеолитические местонахождения СССР. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 81, М.-Л.

БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКАЯ И.В.

1963 Химико-технологическое исследование древних предметов. – В кн.: "Методы естественных и технических наук в археологии". М.

БОРИСОВ В.Г.

1961 Меч и копье из Якутии. – "Советская Археология", № I.

ГЕРАСИМОВ М.М.

1940 Поздние палеолитические стоянки р.Белой. – Бюллетень комиссии по изучению четвертично-

го периода, № 6-7, М.-Л.

1941 Реки Селенга и Белая. – Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л.

1958 Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956-1957 гг.) – "Советская Этнография", № 3

ГЛАЗУНОВА А.Д., СЕРГЕЕВА Н.Ф.

1972 К методике определения химического состава древних бронз. – "Ежегодник" – 1971. Иркутск.

ГРЯЗНОВ М.П.

1959 Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале. – Архив Института Археологии АН СССР, р.1, № 2023.

ГУРУЛЕВ С.А.

1970 Байкалида – неизвестная страна. – "Байкал", № 4.

ДАНИЛОВА Н.С., БАУЛИН В.В.

1973 Следы криогенных процессов и их использование при палеогеографических реконструкциях ландшафтов. – В сб.: "Палеокриология в четвертичной стратиграфии и палеогеографии". – Материали научных съездов и конференций. М., "Наука".

ДЕРЕВЯНКО А.П., ОКЛАДНИКОВ А.П.

1969 Древние культуры восточных районов МНР. – "Советская Археология", № 4.

ДЕРЕВЯНКО А.П.

1973 Ранний железный век Приамурья. Новосибирск.

ДИКОВ Н.Н.

1958 Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.

ДОЛГИХ Б.О.

1949 Племена Средней Сибири в XVII веке. – Краткие сообщения Института Этнографии, вып.8.

1960 Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., "Наука".

ЗАЛКИНД Е.М.
1958 Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ.

КАПЛИНА Т.Н.
1973 Зональные закономерности распространения полигональножильных образований в Восточной Сибири. – Палеокриология в четвертичной стратиграфии и палеогеографии.– Материалы научных съездов и конференций. М.. "Наука".

КИНД Н.В.
1973 Хронология позднего антропогена по радиометрическим данным. – "Стратиграфия и палеонтология", т.4. М.

КИНД Н.В., ВИНОГРАДОВА С.Н., РЯБИНИН А.Л., ПОКРОВСКИЙ Б.Г., СУЛЕРЖИЦКИЙ Л.Д., ФОРОВА В.С.
1972 Радиоуглеродные даты ГИН АН СССР.(Сообщение У.)– Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 39. М.

КИНД Н.В., ВИНОГРАДОВА С.Н., ПОКРОВСКИЙ Б.Г., РЯБИНИН А.Л., СУЛЕРЖИЦКИЙ Л.Д., ФОРОВА В.С.
1973 Радиоуглеродные датировки ГИН АН СССР (Сообщение УІ). – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 40. М.

КИРИЛЛОВ И.И.
1969 Каменный век Восточного Забайкалья. Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Новосибирск.

КИРИЛЛОВ И.И., КОНСТАНТИНОВ М.В.
1972 Работы в Читинской области. – Археологические открытия 1971 года. М.

КИРИЛЛОВ И.И., РИЖСКИЙ М.М.
1973 Очерки древней истории Забайкалья. Чита.

КРИЖЕВСКАЯ Л.Я.
1961 К вопросу о производстве каменных орудий неолитических племен Прибайкалья. – Вопросы

бирск.

ОСТЕНКО Н.П., РАНОВ В.А.
1966 Покровная толща среднеплейстоценовых террас и вопросы геологического возраста мустье в Средней Азии. - Изв. отделения общественных наук АН Тадж. ССР, № I (43).

ОЛЬЧИЦКИЙ А.А., СВИНИН В.В.
1971 К палеографии Байкала по археологическим материалам из Большой Лударской пещеры. - Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.68, Иркутск.

ЛАМАКИН В.В.
1953 Байкальский тип четвертичного оледенения. - Изв. Вост-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.85, № 2.

1965 По берегам и островам Байкала. М., "Наука".

ЛАРИЧЕВ В.Е.
1963 Открытие нижнего палеолита в Центральной Азии."Вестник АН СССР", вып.4.

ЛАРИЧЕВ В.Е., ВОЛКОВ В.В.
1964 Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонар-Сомон, Сулат Хэрэ-Обо). - Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск.

ЛЕЖНЕНКО И.Л.
1972 Палеолитическая стоянка Черемушник II. В сб.: "Археологические открытия 1971 года".М.

ЛЕЖНЕНКО И.Л., МИХНЮК Г.Н.
1973 Раскопки нового могильника в Верхнем Приангарье. - В сб.: "Археологические открытия 1972 года".М.

ЛИПСКИЙ А.Н.
1963 Афанасьевское в карасукской эпохе и кара-

сукское у хакасов. - Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.

МАКСИМЕНКОВ Г.А.
1960 Верхне-Метляевский клад. Иркутск.

МАЛОВ С.Е.
1951 Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л. Изд. АН СССР.

МАРИНОВ Н.А.
1967 Геологические исследования Монгольской Народной Республики. М.

МЕДВЕДЕВ Г.И.
1966 Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964-1965 гг. - Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 гг. Иркутск.

1967 Исследование мезолита в Верхнем Приангарье. - Археологические открытия 1966 года. М.

1968 а Мезолит Верхнего Приангарья. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М.

1968 б Новые данные о палеолите и мезолите Верхнего Приангарья. - Археологические открытия 1967 года. М.

1971 а Мезолитический комплекс стоянки Царь-Девица.- Вопросы истории Сибири. Учен. зап. Иркутского областного музея краеведения, ч.I. Иркутск.

1971 б Хозяйственный уклад мезолитического населения Усть-Белой. - В сб.: "Мезолит Верхнего Приангарья", ч.I. Иркутск.

МЕДВЕДЕВ Г.И., АКСЕНОВ М.П.
1963 О хронологическом расчленении памятников переходного периода от палеолита к неолиту в Прибайкалье. - Тезисы докладов к отчетной конференции Вост.-Сиб. Совета по координ-

нации и планированию гуманитарных наук. Иркутск.

МЕДВЕДЕВ Г.И., ГЕОРГИЕВСКИЙ А.М., МИХНЮК Г.Н., ЛЕЖНЕНКО И.Л., САВЕЛЬЕВ Н.А.

1971 а — Памятники мезолита Верхнего Приангарья. - В сб.: "Мезолит Верхнего Приангарья", ч.I. Иркутск.

МЕДВЕДЕВ Г.И., ЛЕЖНЕНКО И.Л., САВЕЛЬЕВ Н.А.

1971 б — Работы Ангаро-Бельской экспедиции в 1969 г.- Изв. Вост-Сиб. отдела географического общества, т.68. Иркутск.

МОЧАНОВ Ю.А.

1969 — Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.

1973 а — Древнейшие этапы заселения Америки в свете изучения дюктайской палеолитической культуры Северо-Восточной Азии. М.

1973 б — Северо-Восточная Азия в XI-У тысячелетиях до н.э. (сумнагинская культура). - Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

НАРКЕЛЮН Л.Ф.

1971 — Медеиосные осадочные формации южной части Сибирской платформы. Дис. на соиск. учен. звания доктора геол.-мин. наук. Чита.

НОВГОРОДОВ И.Д.

1960 — Кангаласское захоронение. - Сборник научных статей Якутского краеведческого музея, вып.Ш. Якутск.

НОВГОРОДОВА Э.А.

1970 — Центральная Азия и карасукская проблема. М.

ОКЛАДНИКОВ А.П.

1937 — Очерки по истории западных бурят-монголов (XУП-XУШ вв.). Л.

ОКЛАДНИКОВ А.П.

1940 Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.). - Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып.5.

1950 а Археологические исследования в низовьях реки Селенги.-Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып.35.

1950 б Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч.I-II.- Материалы и исследования по археологии СССР. № 18, М.-Л.

1953 а Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. - Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып.51.

1953 б Следы палеолита в долине р.Лены. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 39, М.

1955 а История Якутской АССР, т.I. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., Изд. АН СССР.

1955 б Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч.III. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 43, М.-Л.

1959 Палеолит Забайкалья. Общий очерк. Археологический сборник. I. Улан-Удэ.

1960 Археология и проблема культурного наследства народов Сибири. - Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений. Иркутск.

1962 а Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.). - "Советская Этнография", № I.

1962 б Палеолитические находки в районе озера Орок-Нор. – Труды Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР, вып.8, серия востоковед.

1964 Первобытная Монголия. SAJH AS, v. VIII, fasc. 8-10.

1965 Древние связи культур Сибири и Средней Азии – В кн.: "Бахрушинские чтения". Новосибирск.

1966 К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 126. М.-Л.

1971 Многослойное поселение Санный мыс на р.Уде.– Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып.II, Новосибирск.

1972 К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии. В кн.: "История и культура Востока Азии", т.I. Новосибирск.

1973 Палеолит Монголии (К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии). IX Межд. Конгр. антр. и этногр. наук. Доклады советской делегации. М.

ОКЛАДНИКОВ А.П., ЛАРИЧЕВ В.Е.

1963 Археологические исследования в Монголии в 1961–1962 гг. (Краткие итоги работ Советско-Монгольской экспедиции по изучению каменного века Центральной Азии).– Изв. Сиб. отделения АН СССР, № I, вып.I. Новосибирск.

1967 Археологические исследования в Монголии в 1964–1966 гг. – Изв. Сиб. отделения АН СССР, № 6, вып.2. Новосибирск.

ОКЛАДНИКОВ А.П., ТРОИЦКИЙ С.Л.

1967 К изучению четвертичных отложений и палеолита Монголии. – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 33.

ОКЛАДНИКОВ А.П., ФЛОРЕНСОВ Н.А.
1961 Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья. – Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. I, М.

ОКЛАДНИКОВ А.П., ХАМЗИНА Е.А.
1965 Работы в Ошурково в 1958 г. – Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып.2. Улан-Удэ.

ПЕТРИ Б.Э.
1926 Сибирский неолит. – Изв. Биолого-Географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете, т.3, вып.6. Иркутск.

1928 Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск.

РАНОВ В.А.
1965 Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. – Основные проблемы изучения четвертичного периода. М.

1968 О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии. – Изв. отделения общественных наук АН Тадж. ССР, вып.3 (53).

РУМЯНЦЕВ Г.Н.
1962 Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ.

РЫГДЫЛОН Э.Р.
1956 Подкунинская руническая надпись. – "Эпиграфика Востока", № II.

САЛИХОВ В.С.
1973 Об эволюции медного оруденения в истории развития Земли. – Докл. АН, т.213, № I.

СВИНИН В.В.
1966 а Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963–1965 гг. – Отче-

ты археологических экспедиций за 1963-1965 гг. Иркутск.

1966 б — Неолитические стоянки в бассейне р.Уды (Тасеевой). - Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.65. Иркутск.

1970 — К вопросу о таежной бронзе Прибайкалья. - Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества, т.67. Иркутск.

1971 а — К итогам археологических исследований на Байкале. - Вопросы истории Сибири. Учен. зап. Иркутского областного музея краеведения, вып.4, ч.I. Иркутск.

1971 б — Энеолитический памятник на Шаманском мысу (Южный Байкал) - Вопросы истории Сибири. Учен.зап. Иркутского областного музея краеведения, вып.4, ч.I. Иркутск.

1971 в — Тырганский могильник. - Вопросы истории Сибири. Учен.зап. Иркутского областного музея краеведения, вып.4, ч.I. Иркутск.

СВИНИН В.В., КОНОВАЛОВ П.Б.

1958 — Новые рисунки на горах Булак и Улан-Хада. - Записки Иркутского областного музея краеведения. Иркутск.

СЕЛИМХАНОВ И.Р.

1960 — Спектро-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку.

СЕРЕБРЯНЫЙ А.Р.

1965 — Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии. М.

СОСНОВСКИЙ Г.П.

1923 — К археологии Ангарского края. - "Сибирская живая старина", № I.

СТУДЗИЦКАЯ С.В.

1969 Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. – Экспедиции Государственного исторического музея. М.

1970 Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика). – "Советская Археология", № I.

ТИТОВ Е.И.

1926 Тунгусско-русский словарь. Иркутск, "Власть труда".

ТОЛСТОВ С.П.

1946 К вопросу о периодизации первобытного общества. – "Советская Этнография", № I.

ФЕДОСЕЕВА С.А.

1968 Древние культуры Верхнего Вилюя. М., "Наука".

1970 а Новые данные о бронзовом веке Якутии. – В сб.: "По следам древних культур Якутии". Якутск.

1970 б Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий. – В сб.: "По следам древних культур Якутии". Якутск.

1970 в Эпоха бронзы на Алдане. – В сб.: "Сибирь и ее соседи в древности". Новосибирск.

1970 г Ранний железный век Алдана. – В сб.: "По следам древних культур Якутии". Якутск.

ХАМЗИНА Е.А., СЕРГЕЕВА Н.Ф.

1973 К химическому составу Закаменского клада. – В сб., посвящ. С.В.Киселеву. Новосибирск, "Наука".

ХЛОБЫСТИН Л.П.

1964 О древнем культе нерпы на Байкале. – Крат-

кие сообщения Института Археологии, вып.101. М.

1965 Древнейшие памятники Байкала. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 131. Палеолит и неолит СССР, вып.5. м.-л.

ХОРОШИХ П.П.

1960 Наскальные рисунки на побережье озера Байкал. - Этнографический сборник I. Улан-Удэ.

1970 Культура энеолита и бронзы на Байкале. - в кн.: "Сибирь и ее соседи в древности". Древняя Сибирь, вып.3. Новосибирск.

ЦЕЙТЛИН С.М.

1973 Стратификация криогенных деформаций в отложениях плейстоцена Северной Евразии. - Палеокриология в четвертичной стратиграфии и палеогеографии. Материалы научных съездов и конференций. М., "Наука".

ЦЗЯН ЛАНЬ-ПО, ГАЙ ПэЙ, ЛИ ЯНЬ-СЯНЬ

1964 Новые находки с палеолитической стоянки Шуйдунгоу (резюме). Verterbrata Palasiatica. v.VIII, No 2.

ЧЛЕНОВА Н.Л.

1967 Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

1972 Хронология памятников карасукской эпохи. М.

ШИБАЕВА Ю.А.

1950 Из истории хакасского жилища. - Краткие сообщения Института Этнографии, вып.10.

ШТЕРНБЕРГ Л.Я.

1933 Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. - Статьи и материалы. Хабаровск.

BOULE M., BREUIL H., LICENT E., TEILHARD P.
1928 Le Paleolithique en China. - Archives de l'Institut de Paleontologie Humaine, Mem.4.

CHENG TE-K'UN
1966 New light on prehistoric China. Cambridge.

GABORI M.
1963 Gisements et industries de l'âge de la pierre en Mongolie. - Acta Arghaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, v.I5.

KOZLOWSKI J.
1970 Research on the Stone Age in South Mongolia in 1968. - Archaeologia Polona, v.I3. Warshawa.

1971 The Problem of the so-called Ordos culture in the light of the Palaeolithic finds from Northern China and Southern Mongolia. - Folia Quaternaria, t.39. Krakow.

MARINGER J.
1950 Contribution to the Prehistory of Mongolia.- Report from the Scientific Expedition to the North-West provinces of China under leadership of D-r S.Hedin, VII, - Archeology, t.7, Stokholm.

1963 Mongolia before the Mongols. - Arctic Anthropology, v.I, No 2.

MOVIUS H., DAVID N., BRICKER H., CLAY B.
1968 The Analysis of Certain Major Classes of Upper Palaeolithic Tools. - Harvard University, bul.26, Cambridge.

SACKETT J.
1966 Quantitative Analisis of Upper Paleolithic_ Stone Tools. - American Anthropologist, v.68, No 2, pt 2.

SUESS H.
1969 Bristlecone P: ne Calibration of the Radiocarbon. - XII Nobel Symposium on Radiocarbon variationes and Absolute chronology. Uppsala.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие 3
С в и н и н В.В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал 7
М о ч а н о в Ю.А., Ф е д о с е е в а С.А. Основы корреляции и синхронизации археологических памятников Северо-Восточной Азии 25
Р а н о в В.А. Остатки стоянок каменного века у сомона Их-Тамир (Монголия) и некоторые вопросы изучения палеолита Центральной Азии 35
А к с е н о в М.П., Ш м ы г у н П.Е. Шишкино П . 54
Л е ж н е н к о И.Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник П. . 65
К о н с т а н т и н о в М.В., Н е м е р о в В.Ф. Древнее поселение Подлопатки в Западном Забайкалье. . . 116
Г о р ю н о в а О.И. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая П 129
С е р г е е в а Н.Ф. К вопросу о характеристике базы Прибайкалья в эпоху бронзы 141
Ф е д о с е е в а С.А. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии 146
К л и м а ш е в с к и й Э.Л. Орнаментированные гальки из района истока Ангары 159
А к с е н о в М.П., Г о р ю н о в а О.И., Д р о з д о в Н.И., Л е ж н е н к о И.Л., М е д в е д е в Г.И., С а в е л ь е в Н.А. Работы комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (1970-1974 гг.) 165
Литература 173

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Выпуск 2

Редактор И.Р.Хенох

Корректор Л.А.Беликова

Подписано к печати 25/XII 1974 г. Формат 60x90 1/16

НЕ 09839 Объем 8,6 п.л.

Заказ № 200 Цена 40 коп. Тираж 700 экз.

Печатно-множительный цех

Иркутского государственного университета имени А.А.Жданова